

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

МИХАИЛ МЯГКОВ

ВЕРМАХТ У ВОРОТ МОСКВЫ

ВЗГЛЯД ИЗ НЕМЕЦКИХ
ШТАБОВ

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
М 99

Мягков М.Ю.

М 99 Вермахт у ворот Москвы. Взгляд из немецких штабов / М.Ю. Мягков. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 368 с. – (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906880-58-1

Битва под Москвой в октябре 1941 — апреле 1942 года — одно из ключевых событий Великой Отечественной и второй мировой войны. И при этом — малоизученное.

Почему немцам удалось блестяще провести начальный этап операции «Тайфун» и устроить нам «Канны» под Вязьмой? Какие факторы способствовали срыву немецкого наступления на Москву в октябре-ноябре 1941 года? Почему Красной Армии не удалось прорвать оборону группы армий «Центр» в феврале 1942 года и окружить ее в ходе Ржевско-Вяземской операции?

Впервые Московское сражение рассматривается в непривычном ракурсе: глазами командования германской армии. Благодаря недавно рассекреченным материалам из трофейного фонда Центрального Архива Министерства обороны РФ автор смог показать не только процесс принятия того или иного решения командованием противника, но и причины выбора этого варианта.

**УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)**

ISBN 978-5-906880-58-1

© Мягков М.Ю., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Массово-публицистическое издание

Мягков Михаил Юрьевич

**ВЕРМАХТ У ВОРОТ МОСКВЫ.
ВЗГЛЯД ИЗ НЕМЕЦКИХ ШТАБОВ**

*Редактор С.В. Чертопруд
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.08.16. Подписано в печать 29.08.16.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 11,5 Тираж 1500 экз. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Путь на Москву	
Сбои в плане блицкрига	29
Подготовка операции «Тайфун»	73
Октябрь 1941 года	98
Последний натиск на Москву	130
Поворот	
«Держаться» за край пропасти	156
Выход германской армии из кризиса	196
Цена поражения под Москвой: потери и перспективы германской армии	236
Битва под Москвой и германский солдат	
Боевой дух и дисциплина	252
Моральный надлом вермахта	274
Документальное приложение. Боевой дух и дисциплина	298
Примечания	338
Источники и литература	360
Список сокращений	367

ВВЕДЕНИЕ

Битва под Москвой в октябре 1941 — апреле 1942 года — одно из ключевых событий Великой Отечественной и Второй мировой войны, во многом определившее их последующий ход и конечный итог вооруженного противостояния антигитлеровской коалиции с фашистским блоком.

Москва — политический, экономический и культурный центр нашей страны, символ российской государственности. Здесь сходятся крупнейшие железные и автомобильные дороги, воздушные магистрали и водные пути. Москва лежит на линии, которая разделяет европейскую Россию на две части — северную и южную. Она связывает их так же, как связывает запад и восток государства. Москва, как сердце России, является понятием и духовным, и материальным.

Москва не один раз становилась жертвой вражеского нашествия — ее завоевывали татары, поляки, французы; но никогда так остро судьба всей страны не зависела от удержания этого города, как в 1941 году. Что же в действительности произошло тогда под Москвой? Столкнувшиеся не на жизнь, а на смерть противостоящие стороны — обороняющаяся Красная армия и германский вермахт — решали важнейший для себя вопрос: за кем останется победа не только в этой битве, но и в войне в целом. Отметим, что к началу сороковых годов нашего века влияние политико-географических факторов на военную стратегию ведущих мировых держав достигло, пожалуй, наивысшей отметки. С захватом Москвы — ключевого пункта «восточной кампании» вермахта в 1941 году, согласно немецким планам, Советский Союз должен был быть поставлен на ко-

лени; удержание столицы давало возможность советскому народу получить необходимое время для развертывания в полном масштабе военной экономики, мобилизации всех ресурсов на разгром врага.

В представляемой на суд читателя книге битва под Москвой 1941/42 г. рассматривается в непривычном ракурсе: глазами командования германской армии. Благодаря открытию недавно многих материалов трофейного фонда Центрального архива Министерства обороны РФ у автора появилась возможность рассмотреть действия противника как бы изнутри. С одной стороны, это чрезвычайно усложнило работу, поскольку приходилось заново вникать в суть того или иного события, пытаться понять смысл поступков немецких командующих. Но, с другой стороны, появилась уникальная возможность более ясно понять общую картину происходившего, дать оценку ряду решений противоборствующих сторон с позиций сегодняшних знаний.

В настоящей монографии проводится анализ роли и места, которые отводило битве под Москвой 1941/42 г. германское военное руководство в борьбе за достижение своих политических и стратегических целей, а также основных причин, обусловивших первоначальные успехи вермахта в 1941 г., конкретно на московском направлении, срыв его концепции блицкрига и последующий провал планов захвата советской столицы. Особый акцент делается на разборе того влияния, которое оказала Московская битва на способность Германии продолжать войну с Советским Союзом. В то же время, исходя из данных немецкой стороны, исследуются причины, помешавшие Красной армии уже тогда, зимой 1941/42 г., нанести вермахту более чувствительный урон и отбросить его значительно дальше от столицы.

Почему же сегодня, на пороге XXI века, мы вновь возвращаемся к истории именно этой битвы и исследуем действие в ней германских войск? Ответ неоднозначный. В-первых, необходимо отметить, что для обеих сторон исход

сражений у стен советской столицы носил решающий характер. Обе армии до предела напрягали свои силы. Победила та сторона, которая сумела не только должным образом воспользоваться своими ресурсами — это только полдела — но и оказаться искусней врага, крепче его в моральном отношении. Когда борьба противников достигает своей критической отметки, тогда особенно отчетливо видны все их преимущества и недостатки. Однако, чтобы объективно их оценить и сделать выводы для сегодняшнего дня, любое событие военной истории должно рассматриваться как двусторонний процесс. Мы пока мало знаем о состоянии германской армии в битве под Москвой. Но эти знания нам необходимы, поскольку они помогают ответить на вопрос — что остановило немцев у стен столицы и какие качества Красной армии позволили нанести вермахту первое крупное поражение. Эти качества, по глубокому убеждению автора, носят непреходящий характер. Проблема лишь в том, чтобы опыт прошлых сражений, сравнение преимуществ сторон (например в стойкости, мобилизационных возможностях, таланте военачальников) рассматривались сегодня творчески, с учетом всех изменений, произошедших в мире.

Во-вторых, изучение действий германской армии в Московской битве интересно и с точки зрения раскрытия механизмов принятия решений немецким командованием. Почему руководство Третьего рейха в определенной ситуации поступало так, а не иначе, что влияло на выработку им своих решений? Немецкие документы позволяют нам сделать это. Ценность такого анализа обусловлена фактом огромной напряженности битвы, которая происходила на исконно русской территории, у стен столицы СССР. А опыт показывает, что механизмы принятия решений (естественно, в несколько видоизмененном виде) в определенные моменты истории имеют тенденцию повторяться, — даже независимо от уровня оснащения и подготовки войск.

Битва под Москвой — яркий пример успеха, достигнутого в оборонительных сражениях, разгрома наступающего врага меньшими силами с последующим переходом в контрнаступление. Документы германской стороны помогают еще ярче подчеркнуть самоотверженность наших солдат, защищавших отчизну. Оценка стойкости воинов Красной армии, исходящая из уст противника, приобретает в этом случае совершенно иное звучание. Сегодня нельзя забывать, что претворение в жизнь новой российской военной доктрины невозможно без изучения наследия наших военных теоретиков, которые еще до Великой Отечественной войны занимались вопросами обороны страны в стратегическом масштабе, таких, как А.А. Свечин, А.И. Верховский и др. Но огромное значение имеет и изучение крупнейших оборонительных битв Красной армии времен войны и, прежде всего, Московской битвы. Необходимо новое понимание ее значения, характера и особенностей.

Автор опирается в своей работе в основном на архивные документы германской стороны, отложившиеся в ЦАМО РФ (документы группы армий «Центр» [ГА «Центр»], а также верховного командования вооруженных сил Германии и главного командования сухопутных войск, относящиеся к боевым действиям на московском направлении), которые в большинстве своем ранее не вводились в научный оборот. Это позволяет провести сравнительный анализ оценок сражения в отечественной и западной историографии, которые до сих пор остаются предметом научных дискуссий, и прояснить не до конца разработанные вопросы истории Великой Отечественной войны. Среди них выделим следующие: почему немцам удалось блестяще провести начальный этап операции «Тайфун» и устроить нам «Канны» под Вязьмой? Какие факторы способствовали срыву немецкого наступления на Москву в октябре-ноябре 1941 г.? Почему Красной армии не удалось прорвать оборону ГА «Центр» в феврале 1942 г. и окружить ее в ходе Ржевско-Вяземской операции?

Кроме того, автор использует в работе и некоторые отечественные архивные материалы, хранящиеся в ЦАМО РФ. Как правило, это доклады советской военной разведки руководству за 1941—1942 гг., к которым приложены переводы немецких документов о состоянии германской армии на Восточном фронте.

Автор не претендует на исчерпывающее и детальное освещение хода Московской битвы сквозь призму немецких источников. Основное внимание уделяется тем вопросам, которые в должной мере еще не разработаны в исторической литературе. Среди них: значение, которое придавало германское командование захвату Москвы в период разработки и проведения операции «Барбаросса»; причины срыва летом 1941 г. быстрого продвижения гитлеровской армии на московском направлении; процесс возникновения замысла окружения советских войск под Вязьмой. Разбираются недостаточно изученные эпизоды, относящиеся к боевым действиям сторон в начале октября 1941 г., а также причины незавершенности немецкого наступления на столицу. Нашли свое отражение такие моменты, как срыв замыслов германского командования по окружению советских войск в районе Валдая; масштабы кризиса ГА «Центр» зимой 1941/42 г.; причины неудач и больших потерь Красной армии в феврале-апреле 1942 г.; данные о потерях группы армий «Центр» осенью 1941 — весной 1942 г.

Кроме того, в книге присутствует анализ дискуссии, имевшей место в германском политическом и военном руководстве по вопросу о перспективах продолжения войны Германией на Восточном фронте после завершения зимних боев 1941/42 г.; приводятся сведения о моральном состоянии военнослужащих группы армий «Центр» в период битвы под Москвой.

Влияние морального фактора на действия противника, его дисциплина, поведение в бою и отношение к войне исследуются на основе большого количества источни-

ков. Письма и дневники немецких солдат и офицеров, а также приказы командования вермахта позволяют за словом «противник» увидеть конкретных людей, пришедших в Россию с огнем и мечом для того, чтобы поработить ее. Не менее важным вопросом, чем изучение собственно боевых действий германской армии под Москвой, является вопрос о том, как удалось зимой 1941/42 г. надломить дух одной из мощнейших армий мира, большинство военнослужащих которой были фанатично преданы своему фюреру. Изучение различных аспектов морально-психологического состояния солдат вермахта сегодня может существенно дополнить картину Великой Отечественной войны, способствовать исследованию фундаментальной проблемы о роли человека в вооруженном конфликте.

Необходимо сразу же оговориться: несмотря на то что официальные временные рамки битвы под Москвой ограничиваются 30 сентября 1941 г. — 20 апреля 1942 г., предыдущие боевые действия сторон летом и осенью 1941 г. на западном стратегическом направлении неотделимы от ее истории. Более того, смысл происходивших тогда событий невозможно полностью понять, не анализируя положение и на других участках советско-германского фронта. Именно поэтому была предпринята попытка ответить на вопрос: как повлияли на исход сражений у стен столицы боевые действия сторон в районе Валдайской возвышенности (полоса наступления немецкой группы армий «Север») и под Киевом (полоса группы армий «Юг»).

Автор опирался в своей работе на обширную документальную, мемуарную и исследовательскую литературу, посвященную битве под Москвой. По неполным данным, она насчитывает до 2 тыс. книг, многие тысячи статей в периодической печати. При этом, судя по публикациям, интерес отечественных и зарубежных ученых и других авторов к этому событию не ослабевает. Однако главное внимание автора вызывала, естественно, информация о действиях в битве именно германской армии.

Отметим, что послевоенная отечественная историография, описывая действия советских войск в ходе различных сражений, не раскрывала в полной мере положение на тот же период противной стороны. Советскими исследователями были опубликованы основные источники, посвященные германской армии во Второй мировой войне, однако фундаментальный разбор конкретных сражений на этой основе не проводился. Более того, в советское время объем доступных исследователям немецких материалов был ограничен, эти документы не раскрывали многих замыслов и решений верховного командования Германии, главного командования сухопутных войск и групп армий. Вышло относительно небольшое количество сборников, содержащих немецкие документы о развитии операций на Восточном фронте. Наиболее заметным среди них стал труд В.И. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма»¹. В.И. Дашичев впервые ввел в научный оборот широкий круг источников, отражающих подготовку германских войск к нападению на Советский Союз, решения руководства вермахта по ведению боевых действий, в том числе и на московском направлении. Однако содержащиеся в сборнике материалы лишь косвенно затрагивают тему участия именно ГА «Центр» в битве за столицу. Основное внимание было уделено директивам и приказам высшего командования Германии.

Ценные документы и материалы о состоянии германской армии на Восточном фронте, о политических и стратегических расчетах гитлеровского командования содержатся в книгах «Поражение германского империализма во Второй мировой войне»² и «Совершенно секретно! Только для командования!»³. Ряд документов руководства вермахта, отражающих события лета 1941 — зимы 1942 г. был опубликован в «Военно-историческом журнале» начиная с 1960-х годов⁴, а также в журнале «Исторический архив»⁵

В работе «Битва за столицу. Сборник документов»⁶, подготовленной недавно Институтом военной истории

МО РФ, представлен уже более широкий круг источников, отражающих действия как командования ГА «Центр», так и командиров ее соединений. Однако за пределами работы еще остались многие документы, касающиеся подготовки и проведения операции «Тайфун», оборонительных боев ГА «Центр» западнее столицы зимой 1941/42 г. и др.

Весьма значительна отечественная мемуарная литература о битве под Москвой⁷. Необходимо отметить, что кроме ценнейшего материала о действиях Красной армии, в воспоминаниях наших военачальников нередко дается информация о состоянии войск противника на различных этапах боевых действий. Особое место среди мемуаров занимают «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова. В своей книге, в статьях и выступлениях на различных конференциях маршал не раз сопоставлял увиденное и пережитое им на фронте с документальными материалами, которые отложились в советских архивах. Анализировал он и немецкие источники, относящиеся к битве под Москвой. Мнение командующего фронтом, защищавшего столицу о способности германского командования предвидеть развитие событий представляет для нас особый интерес. Так, в выступлении на заседании Ученого совета Института истории СССР в 1966 г. Г.К. Жуков рассказал о своем знакомстве с документами ГА «Центр» за ноябрь-декабрь 1941 г., хранящимися в ЦАМО. Он отметил, что немецкое руководство ошибочно полагало, что Советский Союз был не способен в то время подтянуть к Москве боееспособные резервы. Немецкая разведка проглядела сосредоточение в ближайшем советском тылу 3 резервных армий, приняв отмеченные передвижения вблизи фронта за очередную перегруппировку сил в полосе Западного фронта⁸.

Нельзя не назвать и вышедшую в 1996 г. книгу П. Судоплатова «Разведка и Кремль»⁹. Автор, известный советский разведчик, возглавлявший в годы войны один из отделов разведки НКВД, рассказывает, что на стол советскому руководству в 1941 г. попали некоторые документы гитлеров-

ского командования, подтверждавшие, что затягивание войны означает возможное поражение вермахта.

С конца 50-х годов в нашей стране появилось большое количество научных изданий, в которых исследовались крупнейшие операции, проводившиеся Красной армией в годы войны. Битва под Москвой нашла отражение практически во всех книгах, выходящих в то время по данной теме. Важное место занимает второй том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945»¹⁰, в котором с учетом достижений военно-исторической мысли того времени исследован ход великой битвы, показано ее значение. Однако источники немецкой стороны в этой работе были представлены недостаточно.

В трудах, посвященных непосредственно Московской битве, в некоторой степени восполнялся пробел информации, относящийся к действиям противника. В них вводились в научный оборот многие сведения из мемуаров немецких военачальников¹¹. В труде «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»¹² на основе новых архивных документов было приведено реальное соотношение сил на западном направлении в различные периоды битвы за столицу.

Значительный вклад в изучение замыслов гитлеровского руководства, планов операций немецких войск на Восточном фронте и хода боевых действий, в том числе на московском направлении, внесли работы В.А. Анфилова, Л.А. Безыменского и Д.М. Проэктора¹³. Авторы прослеживают процесс выработки важнейших решений гитлеровского командования в годы войны. В книге В. Анфилова «Начало Великой отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк» значительное место уделено событиям первых месяцев боев на советско-германском фронте, когда прямое наступление на Москву не получило развития. Наиболее широко немецкие источники представлены в книге Д. Проэктора «Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии

во Второй мировой войне 1939—1945» и в последующих трудах этого историка.

В 1965 г. в ознаменование 20-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне Москве было присвоено почетное звание «Город-герой». Это послужило стимулом для более широкого и углубленного исследования Московской битвы в трудах по истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны¹⁴. Заметным событием явился выход в свет 4-го тома «Истории Второй мировой войны», в котором ряд глав посвящен битве под Москвой. Однако во многих общих работах оставался не до конца проясненным вопрос о значении этой битвы, о ее влиянии на ход войны. Так, если в 4-м томе 12-томника «История Второй мировой войны. 1939—1945» отмечалось, что успех, достигнутый Красной армией зимой 1941/42 г., положил начало коренному повороту в войне¹⁵, то в издании «Вторая мировая война. Краткая история» вместо «поворота» используется термин «перелом», а его началом называется Сталинградская битва¹⁶. Недостатком этих общих работ оставалось слабое освещение планов и действий германской армии. Многие трагические страницы сражений под Вязьмой и Брянском в октябре 1941 г., неудачи соединений Красной армии в период контрнаступления были не до конца исследованы по причине закрытости ряда архивных фондов, в которых отложились важные документы советского командования, а также в связи с отсутствием доступа к материалам германской стороны.

Этот пробел лишь в некоторой степени восполнялся в книгах, посвященных непосредственно Московской битве¹⁷. Так, в труде Д.З. Муриева «Провал операции “Тайфун”» приводятся документы германского командования о подготовке операции по захвату Москвы. В книге «Битва под Москвой» под редакцией М.И. Хаметова опубликованы данные о соотношении сил сторон, сформулированы положения о превосходстве советского военного искусства над военным искусством противника¹⁸.

В начале 90-х годов был опубликован труд академика А.М. Самсонова «Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе»¹⁹. Автор, опираясь на широкий круг источников, исследует многие страницы битвы под Москвой, которые ранее не получили должного освещения. Он подчеркивает, что битва под Москвой положила начало «коренному перелому» в ходе антифашистской войны свободолюбивых народов.

В наши дни работа по исследованию Московской битвы не прекращается. Выходят в свет труды, которые объективно освещают события того периода, заполняют остающиеся белые пятна в истории войны. Среди них, в первую очередь, следует назвать книгу генерала армии М.А. Гареева «Неоднозначные страницы войны». В работе «Москва устояла. 1941. История и судьбы людей», вышедшей к 850-летию Москвы, ее авторы, Г.Д. Карпов и А.П. Серцова, широко используют дневники, отечественные и зарубежные источники, отражающие героические страницы прошлого. Вызывает интерес их рассуждение о психологическом состоянии личного состава немецких войск в начале декабря 1941 г, когда наступательные импульсы, поступавшие сверху (от высшего командования), глохли по мере того, как они доходили непосредственно до германских солдат²⁰.

Многие ранее неизвестные факты о боевых действиях советской и германской авиации в период сражений у ворот столицы приведены в вышедшей в начале 1999 года книге Д.Б. Хазанова «Неизвестная битва в небе Москвы 1941—1942 гг. Оборонительный период». Автор, используя большой объем документов, материалы российских и немецких архивов, рассказывает о самоотверженности наших летчиков, вступивших в смертельную схватку с лучшими асами люфтваффе. В книге широко представлены советские и германские боевые донесения, исторические справки, журналы боевых действий авиационных соединений. Сравнение данных противоборствующих сторон позволи-

ло сделать исследование Д.Б. Хазанова содержательным и объективным²¹.

Ряд документов группы армий «Центр» опубликовано в книге Н.Н. Яковлева и У. Спара «Полководец Г.К. Жуков: взлет и падение»²². К сожалению, книга содержит ряд неточностей и ошибок, которые снижают ее ценность.

Заметным событием явилась публикация фундаментального труда авторского коллектива институтов военной, всеобщей и российской истории «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки». В книге первой труда, «Суровые испытания»²³, читатель впервые может познакомиться с ранее неизвестными деталями боевых действий у стен столицы зимой 1941/42 г. Заслуживает внимания, в частности, анализ причин, благодаря которым командование вермахта смогло в декабре 1941 — феврале 1942 г. избежать полного разгрома своих войск под Москвой, построить оборону, препятствующую дальнейшему продвижению советских войск, и провести летом 1942 г. новое наступление на юге России. Особенно интересны в этой связи многие документы германского командования, которые позволяют реально оценить боеспособность немецких войск в ходе сражений западнее столицы.

Существенный вклад в изучение Московской битвы, ее результатов и значения для противоборствующих сторон внесли сборники статей отечественных историков, подготовленные в последние годы Институтом военной истории МО РФ²⁴. Статья А.С. Якушевского²⁵ в сборнике «50-летие победы в битве под Москвой» посвящена моральному надлому, произошедшему в Германии после поражения зимой 1941/42 г. Она построена на ранее не вводившихся в научный оборот в отечественной историографии документах из немецких архивов, донесений спецслужб Третьего рейха о положении внутри страны.

Содержательные публикации о битве за столицу продолжают появляться в военно-историческом журнале²⁶. Привлекает внимание статья Б.И. Невзорова «Перелом в

войне: проблема и суждения» в журнале «Геополитика и безопасность»²⁷, где автор приводит аргументы в пользу того, что коренной перелом в Великой Отечественной войне — это процесс, который не совершился в один момент. Если его изобразить графически, то он предстанет в виде ломаной линии, которая трижды поднималась и столько же раз опускалась. Битва под Москвой в этом отношении явилась началом перелома, который окончательно произошёл в конце 1943 г.

Статьи о Московской битве сегодня нередко можно встретить также в популярных газетах и журналах. Среди прочих выходят и такие публикации, в которых раскрывается во многом неоднозначная картина войны на советско-германском фронте через воспоминания бывших военнослужащих как Красной армии, так и вермахта²⁸. Факт этот отрадней, поскольку ни один документ не заменит живого слова человека о событиях тех далеких лет.

Нельзя не упомянуть и о тех работах, в которых события битвы под Москвой представлены в искаженном виде. Так, журнал «Столица» поместил статью, в которой утверждается, что никакой победы под Москвой не было, что Красная армия потерпела поражение вследствие «бездарности и ошибок советских военачальников»²⁹. Статья бездоказательна и тенденциозна. Ее автор, А. Партнов, намеренно проигнорировал сильные стороны советского командования и ошибки немецкой стороны. Лучшим опровержением таким публикациям являются документы самого руководства германской армии с оценками последствий того кризиса, который разразился зимой 1941/42 г. в полосе ГА «Центр».

В целом отечественная историография Московской битвы обстоятельна и разнообразна. В ней нашли освещение разные аспекты сражений у стен столицы. В научный оборот введен огромный документальный материал. Тем не менее, остается проблема более полного освеще-

ния этого события с учетом немецких источников, анализа имеющегося теперь в распоряжении историков трофейного материала.

Весьма значительна западная историография битвы под Москвой, хотя до 60-х годов в Великобритании, США и даже Германии этому событию уделяли сравнительно мало внимания. На западных историков влияла атмосфера холодной войны. В своих работах о гитлеровской армии они использовали мемуары таких военачальников как, например, Гудериан, Варлимонт, Блюментрит, Типпельскирх и др., которые, в свою очередь, стремились снять с себя вину за поражения немецких войск в различных сражениях и переложить ее целиком на высшее руководство (подробнее об этом см. ниже. — *М.М.*)

Однако в середине 60-х годов в ФРГ вышел в свет ряд трудов, в которых были широко представлены документы верховного командования вооруженных сил Германии [ОКВ] в годы войны, в том числе в период битвы под Москвой. К ним относится первый том военного дневника ОКВ³⁰. Несмотря на то, что непосредственное руководство боевыми действиями на Востоке было возложено в то время на командование сухопутных войск Германии [ОКХ], тем не менее этот источник содержит ценный материал о ведении боевых действий ГА «Центр» на московском направлении. К сожалению, многие записи сделаны чрезвычайно кратко, без указания мотивов принятия того или иного решения.

Сведения о руководстве операциями сил вермахта в 1941—1942 гг. со стороны командования сухопутных войск, в том числе в период битвы под Москвой, представлены в военном дневнике Ф. Гальдера, занимавшего в то время должность начальника генерального штаба ОКХ³¹. Этот источник дает возможность проследить ход боевых действий, потери немецких войск на Восточном фронте.

Ценную информацию о положении ГА «Центр» под Москвой можно найти в трудах немецких историков Г.А. Якобсена «1939—1945. Вторая мировая война в хронике и доку-

ментах»³², и В. Хубача «Директивы Гитлера по ведению войны 1939—1945. Документы ОКВ»³³.

Тема участия немецких войск в битве под Москвой представлена во многих мемуарах и исторических работах бывших гитлеровских генералов. Заметим, что эти авторы часто грешат тенденциозностью в оценках военных событий, хотя и стараются, чтобы все выглядело максимально достоверно. Для этого они приводят определенно подобранные сведения и цифры. Несмотря на тенденциозность, их воспоминаниями можно и нужно пользоваться, правда, соблюдая известную осторожность и перепроверяя факты. Выделим работу «Итоги Второй мировой войны», в которой разделы о боевых действиях немецких войск на Восточном фронте, в том числе у стен советской столицы, написаны К. Типпельскирхом и Г. Гудерианом³⁴, а также книгу «Роковые решения»³⁵, в которой глава о Московской битве была подготовлена Г. Блюментритом. Важный материал о германской армии дается в труде бывшего генерал-майора вермахта Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии»³⁶. Содержательны воспоминания о боях на Восточном фронте в 1941—1942 гг. бывшего заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала артиллерии В. Варлимонда³⁷, бывшего генерала танковых войск Ф. Меллентина³⁸, командовавшего до середины октября 1941 г. 3-й танковой группой вермахта генерал-полковник Г. Гота³⁹, генерала К. Типпельскирха⁴⁰, бывшего командующего 2-й танковой армией, впоследствии начальника генштаба ОКХ генерал-полковника Г. Гудериана⁴¹ и некоторые другие.

Многие из этих книг были написаны не без участия военно-исторической службы США. Субъективность оценок проявляется прежде всего в принижении роли Красной армии в ходе боев у стен столицы и в обвинениях одного только Гитлера за неудачи и поражения. Как отмечал американский военный историк Д. Глэнтц, выступая в 1986 г. на международном коллоквиуме, посвященном

проблемам Второй мировой войны, сейчас среди многих американцев преобладают представления о советско-германском фронте, основанные именно на воспоминаниях бывших гитлеровских генералов. Сам Д. Глэнтц назвал эти взгляды «вульгарными», занимающими место «где-то между мифами и реальностью»⁴².

Следует подчеркнуть, что немецкая литература о войне не представляет собой застывшую систему взглядов и оценок о событиях на Восточном фронте. В ней произошли и происходят заметные перемены. Так, при разработке концепции и оформлении экспозиции выставки «Война Германии против Советского Союза 1941—1945», развернутой в Берлине накануне 50-й годовщины начала германской агрессии против СССР, было использовано огромное количество новых материалов из более чем 25 немецких архивов. На основе экспонировавшихся документов выставки была издана книга с одноименным названием, опубликованная и на русском языке⁴³. Это позволило ввести в научный оборот ранее не публиковавшиеся источники, посвященным боевыми действиями гитлеровской армии в различных сражениях Второй мировой войны, в том числе на московском направлении в 1941—1942 гг.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов на Западе появилась целая серия монографий о битве за столицу. Среди них работы английских историков Л. Купера «Много дорог на Москву», Дж. Джукса «Оборона Москвы», А. Ситона «Битва за Москву»; американского историка А. Тэрни «Катастрофа под Москвой», западногерманских историков К. Рейнгардта «Поворот под Москвой» и В. Пауля «Замороженная победа. Битва за Москву» и ряд других⁴⁴.

В западной литературе о Московской битве можно условно выделить два течения. Первое, наиболее многочисленное, представленное Л. Купером, А. Ситоном, А. Терни, В. Паулем и др., отличается известным консерватизмом, приверженностью к тенденциозным оценкам, выдвинутым после войны гитлеровскими генералами. Второму течению,

представленному Дж. Джуксом, К. Рейнгардтом и др., присущ более объективный подход к освещению Московской битвы.

Историки консервативного направления стремятся доказать, что не Красная армия, а плохая погода стала главным препятствием на пути гитлеровцев к Москве. Распутица в конце октября 1941 г. и «сорокоградусные морозы» в ноябре-декабре 1941 г. якобы заставили немцев остановиться у самых стен Москвы.

Английские историки Дж. Джукс и Дж. Эриксон делают вывод, что исход битвы обусловили не распутица и морозы, а действия «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат⁴⁵. Эффективность советской обороны отметил и американский историк Г. Солсбери⁴⁶. Особенно веско против версии о влиянии распутицы и «генерала Зимы» выступил западно-германский историк К. Рейнгардт, показавший, что период дождливой погоды в 1941 г. был короче и слабее, чем обычно, и что немецкие войска остановились не из-за морозов, а из-за неудовлетворительного материального обеспечения и неослабного сопротивления советских войск⁴⁷. Д. Глэнтц считает, что использование советским командованием в наступлении ударных групп, которые начали создаваться в полосе Западного фронта в декабре 1941 — январе 1942 г., в сочетании с различными мерами по введению противника в заблуждение стали причиной того, что немецкие офицеры утвердились во мнении о якобы полном превосходстве русских в живой силе на всех участках фронта⁴⁸.

Немало западных историков разделяют версию о том, что вмешательство Гитлера в процесс разработки операций, в руководство боевыми действиями на Восточном фронте привело к печальным для вермахта последствиям⁴⁹. Роковой ошибкой фюрера стал якобы его отказ от наступления на Москву и поворот части сил ГА «Центр» на юг в августе 1941 г., и что это решение явилось следствием не-

дооценки Гитлером значения захвата Москвы. Историки А. Ситон, Дж. Джукс в своих работах утверждают, что Гитлер ослабил ГА «Центр» как раз в тот самый момент, когда советский фронт был близок к развалу. Английский исследователь Дж. Лукас в книге «Война на Восточном фронте 1941—1945»⁵⁰ пишет, что бездействие на подступах к Москве дало возможность Красной армии опомниться и создать глубоко эшелонированную оборону.

Однако английский историк А. Тейлор считает, что все три немецкие группы армий к августу 1941 г. значительно ослабли; ГА «Центр» могла направить часть войск для подкрепления ГА «Юг» только перейдя к обороне. Существовала серьезная угроза флангам группы фон Бока как с севера, так и с юга⁵¹.

В западной историографии существуют различные точки зрения относительно значения Московской битвы. Некоторые историки ограничивают его только ослаблением ГА «Центр», другие называют битву одним из поворотных пунктов войны, но при этом ставят ее в ряд с менее значительными успехами вооруженных сил Великобритании и США в Северной Африке.

Контрастом к таким оценкам является вывод К. Рейнгардта о том, что под Москвой потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание мирового господства. В книге, написанной в 70-е годы, историк отмечал, что в декабре 1941 г. — январе 1942 г., в штабе ОКВ многие генералы уже пришли к выводу, что война Германией проиграна⁵². В своей новой работе, опубликованной в Англии в сборнике «Страны “Оси” и союзники» в 1994 г., К. Рейнгардт дополняет и уточняет свои предыдущие выводы: «...Планы Гитлера и перспективы успешного завершения войны Германией рухнули, видимо, в октябре 1941 г. и, безусловно, с началом русского контрнаступления в битве за Москву в декабре 1941 г.»⁵³

Развернутую оценку исторического значения битвы под Москвой дал западногерманский историк Г. Юбершер

в труде «Германское нападение на Советский Союз». Он пришел к выводу, что под Москвой немецко-фашистская стратегия «молниеносной войны» потерпела «полное фиаско», был впервые развеян миф о непобедимости германских войск⁵⁴.

Некоторые западные исследователи в своих работах отмечают, что как раз в момент начала успешного наступления Красной армии под Москвой на сцене появился новый и, вероятно, решающий фактор — в войну вступили США. Так, западногерманские историки М. Фройнд, П. Херде и др. заявляют, что это событие явилось «началом конца для стран Оси» и в итоге привело Германию к гибели в «коралловых рифах Тихого океана»⁵⁵.

Отметим, что такой тезис нельзя признать правильным. Необходимо четко подчеркнуть: вступление США в войну, действительно, расширило ее масштабы и привело к изменению международной обстановки. Но для развертывания своего военного потенциала Соединенным Штатам требовалось время. Их вооруженные силы вступили на путь активной борьбы непосредственно против фашистской Германии лишь после открытия второго фронта в Европе в июне 1944 г.

Немецкая историография сражений периода Великой Отечественной войны является крупнейшей на Западе. Еще в конце 50-х годов в Военно-историческом исследовательском управлении бундесвера пришли к выводу о необходимости разработки фундаментального многотомного труда о Второй мировой войне. С конца 60-х годов началась работа над его концепцией. Руководителем всего проекта был назначен тогда профессор М. Мессершмидт. Шесть томов труда «Германский рейх и Вторая мировая война», вышедшие к настоящему времени, представляют собой значительный вклад в исследование этого глобального конфликта XX века.

4-й том книги «Германский рейх и Вторая мировая война» посвящен непосредственно нападению Германии

на Советский Союз и боевым действиям в 1941 — начале 1942 гг.⁵⁶, а 5-й — мобилизации Германией материальных и людских ресурсов для ведения войны и потерям вермахта на фронте, в частности в период Московской битвы⁵⁷. В четвертом томе говорится, что в конце 1941 г. СССР, ценой громадных потерь сумел «привести к краху оперативно-стратегические и экономические планы германского руководства, полностью разрушил иллюзии Гитлера о том, что он сможет еще раз провести войну только на одном фронте... Это, несмотря на дальнейшие частные успехи войск и подъем военного производства, решило, по существу, судьбу Германии». М. Мессершмидт в предисловии к данному тому подчеркивает: «Возможно, нет другого такого события в нашей политической и военной истории, как поворот 1941/42 г., когда стало совершенно очевидным, что желания нацистского руководства и возможности государства больше не соответствуют друг другу». Авторы фундаментального труда считают, что «Крушение плана “Барбаросса” создало предпосылки для перехода инициативы к группировавшейся вокруг США антигитлеровской коалиции...» (Vol.4 S. XVIII—XIX).

Необходимо отметить и вклад, который внесли в изучение битвы под Москвой ученые из бывшей ГДР. Так, в их коллективной работе «Германия во Второй мировой войне (1939—1945)» отмечается, что после поражения под Москвой ряд офицеров в штабе командующего ГА «Центр» стали центром офицерской оппозиции, добивавшейся устранения Гитлера⁵⁸. В другом фундаментальном труде восточно-германских исследователей с одноименным названием отмечается, что начиная с декабря 1941 г. гитлеровские военачальники были бессильны предотвратить объективный ход развития событий, который вел к неминуемому поражению немецко-фашистских войск⁵⁹.

В последние годы, после объединения Германии, исследования немецких историков по Второй мировой войне получили новый импульс. Появилась возможность

сравнивать различные взгляды и вырабатывать более объективные оценки событий, происходивших на Восточном фронте. Недавно вышел в свет новый труд Военно-исторического исследовательского института в Потсдаме «Вторая мировая война», где ряд глав, подготовленных такими историками, как М. Мессершмидт, М. Функе, Ю. Ферстер и др., напрямую затрагивают ход битвы под Москвой. Хотелось бы выделить главу Б. Вегнера «Второй поход Гитлера против Советского Союза», где были рассмотрены военные, политические и экономические последствия поражения вермахта у стен советской столицы. Б. Вегнер пишет: «Было бы ошибочно безоговорочно трактовать поражение под Сталинградом как “коренной перелом в войне”... поражение под Сталинградом, если уж быть до конца точным, обозначило заключительную стадию процесса сужения возможностей выбора военных операций, способных привести [Германию] к победе. Основными стадиями этого процесса были битва под Смоленском в июле 1941 г. и, как следствие ее, приостановка наступления на Москву, его провал в декабре, с полным правом охарактеризованная как “экономический Сталинград” эвакуация большей части советской промышленности в восточные регионы страны, а также решение Гитлера о разделении участвовавших в осуществлении операции “Блау” сил в июле 1942 г. Трагедия под Сталинградом завершила этот порождавший “коренной перелом” процесс»⁶⁰.

Начиная с 70-х годов в западной историографии появляются работы затрагивающие вопрос о морально-психологическом состоянии солдат вермахта в годы войны. В исследованиях Э. Шилса, М. Яновича, В. Мадея, Э. Чодоффа анализируется влияние нацистской идеологии на поведение немецких военнослужащих на Восточном фронте, в том числе в период Московской битвы⁶¹.

Историк из США О. Бартов на основе многочисленных источников (писем и дневников немецких солдат) во многом по-новому рассматривает факторы, влиявшие на

моральный потенциал военнослужащих вермахта. В своей книге «Армия Гитлера», вышедшей в 1992 г., он утверждает, что после битвы под Москвой германские военнослужащие в гораздо большей степени стали зависимы от влияния нацистской идеологии. Поражения на фронте, тяжелейшие условия окопной войны подрывали дисциплину личного состава немецкой армии. Возможность ее сохранения командование вермахта видело в ужесточении репрессий против мирного советского населения и военнопленных, что служило своеобразным клапаном, ослаблявшим растущее недовольство солдат своим непосредственным руководством⁶². Такой тезис вызывает определенный интерес, хотя, одновременно, требует и серьезного комментария. Нацистское руководство рассматривало репрессии как неотъемлемую часть проведения своей политики по отношению к другим народам. Да, их ужесточение могло быть вызвано ухудшавшейся ситуацией на фронте. Но нужно помнить, что сами пружины, приводившие в действие огромную систему подавления третьего рейха, опирались, главным образом, на идеологию, требующую от немецких солдат беспрекословного подчинения фюреру и уничтожения сопротивления враждебных народов. В этом отношении, ужесточение репрессий против граждан СССР, являлось, прежде всего, способом подавления морального духа противника, логичным продолжением всей гитлеровской политики, и лишь во вторую очередь (наряду с казнями собственно немецких солдат), могло преследовать цель укрепления дисциплины германской армии.

О влиянии идеологии на германских военнослужащих пишет другой американский историк — С. Фритц. Он провел большую работу по обработке и анализу немецких писем с фронта, оказавшихся после войны в распоряжении союзного командования, и отмечает, что несмотря на потерю зимой 1941/42 г. большей части опытных военнослужащих, германская армия продолжала сражаться, во многом

из-за приверженности большинства солдат идеалам нацистского государства⁶³.

Все упомянутые выше работы значительно помогли при написании настоящей книги. Автор данной монографии стремился внести свой посильный вклад в дальнейшее изучение исторических событий, которые развернулись в годы войны на дальних и ближних подступах к столице нашего государства, и по возможности, остановиться на тех проблемах, освещение которых до недавнего времени было крайне недостаточным.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что исторический опыт битвы под Москвой, перелома в ходе крайне неудачно начатого сражения и разгрома превосходящего по силам противника сохраняет значение для укрепления военного потенциала России.

ПУТЬ НА МОСКВУ

СБОИ В ПЛАНЕ БЛИЦКРИГА

С самого начала Великой Отечественной войны наиболее опасное для Советского Союза направление обозначилось в полосе удара немецкой группы армий «Центр». Мощнейшая группировка вермахта под командованием опытного военачальника фельдмаршала фон Бока продвигалась к Москве по кратчайшему маршруту. Известно, что германское командование отводило захвату столицы особое значение; предполагалось, что с достижением этой цели война будет выиграна⁶⁴. Действительно, успехи немецких войск при окружении частей Западного фронта под Белостоком и Минском, Смоленское сражение, «битва на уничтожение» под Брянском и Вязьмой, казалось, ставили советское государство в безвыходную ситуацию. Весьма значительны были потери Красной армии и на других участках советско-германского фронта — под Уманью, Лугой, Киевом. Они также во многом определили исход летней кампании 1941 г. и позволили командованию вермахта надеяться на полное истощение резервов Советского Союза. Однако поражение германской армии у самых стен советской столицы в декабре 1941 г. кардинальным образом изменило всю расстановку сил на Восточном фронте. Мощнейшая группировка вермахта, наступавшая на главном направлении, была вынуждена перейти к обороне и отойти на запад. Все эти события позволяют говорить, что московское направление явилось основным центром приложения усилий сторон на советско-германском фронте в 1941 г.

С другой стороны, разбор операций ГА «Центр» в 1941 г. заставляет историка обратить внимание и на ряд существенных моментов, относящихся к периоду, предшествую-

вавшему битве под Москвой. Не могут не вызывать вопросов разногласия, которые возникли в кругах германского командования в оценке перспектив наступления на Москву в июле-августе 1941 г.⁶⁵ Нет в этом случае и объяснения директиве Гитлера от 21 августа 1941 г., определявшей важнейшей целью, которую необходимо было достигнуть немецкой армии еще до конца 1941 г., не советскую столицу, а Крым и Донбасс⁶⁶. Итак, что означало московское направление для представителей верховного командования вооруженных сил Германии, главного командования сухопутных войск и ГА «Центр» в период подготовки и реализации плана «Барбаросса» до сентября 1941 г.? Каким образом они мыслили осуществить захват Москвы и как их планы осуществлялись на деле? Ответы на эти вопросы имеют немаловажное значение для более полного и объективного рассказа о событиях на советско-германском фронте летом 1941 г.

Как известно, план «Барбаросса» предусматривал создание трех наступательных группировок. Направление главного удара должно было быть подготовлено севернее Припятских болот, где сосредотачивались две группы армий. Южная из этих двух групп (группа армий «Центр») имела целью разгром противника в Белоруссии, и затем поворот мощных частей подвижных войск на север для поддержки группы армий «Север», действовавшей в направлении Ленинграда. Лишь быстрый развал русского сопротивления мог оправдать выполнение сразу двух задач: уничтожение соединений Красной армии, находящихся в Прибалтике, и взятие Москвы. Конечной целью всей операции являлось создание заградительного барьера по линии Волга—Архангельск (так называемая «линия охранения»)⁶⁷.

Дальнейшая разработка конкретных планов, направленных на достижение этой цели, велась как в ОКВ и ОКХ, так и в штабах групп армий. Действовать теперь предстояло военным, и несомненно, что идеальным вариантом для них было получить теперь большую свободу при постанов-

ке детальных задач войскам и при решении оперативно-стратегических вопросов, которые могли возникнуть при проведении восточной кампании. Одной из главных задач для ОКХ, наряду с разгромом советских войск в приграничных сражениях, был захват столицы СССР — Москвы. Немецкие военные стратеги прекрасно осознавали значение этого города. Но они вынуждены были подчиняться фюреру.

Главное командование сухопутных войск первоначально думало сосредоточить все внимание на взятии Москвы (план Г. фон Зоденштерна). Гитлер же сознавал, что при быстром продвижении на одном направлении создавалась бы угроза флангам ударных немецких группировок. Для выработки окончательного решения в начале декабря 1940 г. в генштабе сухопутных войск Германии была проведена военно-штабная игра под руководством генерала Ф. Паулюса. На ней рассматривались различные варианты наступления (разработанные как в ОКХ, так и в ОКВ), а ее результаты были использованы в штабе оперативного руководства ОКВ для составления Директивы № 21 (План «Барбаросса»). Согласно окончательному варианту кампании против Советского Союза, лишь после захвата Ленинграда и Кронштадта следовало приступить к операции по взятию Москвы. Оправдать наступление одновременно на Ленинград и Москву мог только быстрый развал всего советского фронта. Группировка немцев, действовавшая южнее Припятских болот [группа армий «Юг»], должна была уничтожить советские войска на Украине еще до их отступления на рубеж Днепра. В директиве специально указывалось, что захват Москвы означал бы «как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех»⁶⁸.

Документы германского руководства подтверждают, что Гитлер и в начале 1941 года указывал своим генералам на важность первоочередного захвата фланговых районов СССР. Прямое наступление на Москву, за которое выступали некоторые военачальники, могло, по мнению фюрера,

натолкнуться на неожиданные препятствия. Поэтому Гитлер не уставал подчеркивать правильность замысла, изложенного в плане «Барбаросса».

В этой связи представляет интерес запись совещания высшего военного командования вермахта 3 февраля 1941 г. Она показывает, что при проведении боевых операций на Востоке Гитлер собирался решать важнейшие вопросы, если придется, невзирая на мнение боевых генералов. Более того, документ помогает нам прояснить смысл ряда последующих приказов ОКВ и ОКХ. На этом совещании были высказаны различные мнения о подготовке и проведении операции «Барбаросса», состоянии войск противника, особенностях военного театра.

Начальник генерального штаба ОКХ генерал Ф. Гальдер доложил о численном составе, организации советских войск, отметив, что они имеют превосходство по численности, у них много танков, однако плохого качества. Управление артиллерией частей Красной армии неудовлетворительное. Далее он отметил: «...На границе сосредоточены крупные силы, отступление маловероятно, так как Прибалтика и Украина для русских являются жизненно необходимыми районами продовольственного снабжения...»

Немецкое командование намеревалось разорвать советский фронт на две части и предотвратить отход Красной армии за линию Днепр—Двина, причем болота в долине реки Припять не являлись, по мнению немецких генералов, препятствием для быстрого продвижения.

Фюрер, указав на то, что районы предстоящей операции колоссально велики, добавил: «...Вполне возможно, что русские, распознав наши оперативные цели, после первого поражения организуют отступление крупного масштаба и перейдут к обороне за каким-либо рубежом на востоке. В таком случае, — уточнял Гитлер, — в первую очередь должно быть покончено с севером (имелся в виду Ленинград. — М.М.), не обращая внимания на силы русских расположенные на востоке. Оттуда (благоприятная база снаб-

жения) будет нанесен удар в спину русским без фронтального наступления. При этом важно уничтожить как можно больше сил противника, но не приводить их в бегство. Для достижения этой цели мы должны крупными силами занять фланговые районы, оказывая при этом сдерживающее действие в центре, а затем обходом с флангов заставить противника очистить позицию в центре...»⁶⁹ (см.: Приложение, документ № 1).

Текст документа подтверждает, что немецкое командование намеревалось сосредоточить главные усилия в центре Восточного фронта; московское направление являлось приоритетным. Однако Гитлер предусматривал иные действия для достижения главной цели — разгрома Советского Союза. Им предполагался обход центральной группировки советских войск с флангов, чтобы затем нанести удар в спину силам Красной армии, расположенным на востоке, то есть на московском направлении. Фюрер уже на этом этапе подготовки операции думал о возможности сопротивления советских частей на пути вермахта непосредственно к Москве после завершения приграничных сражений, то есть уже после выхода немецких войск на линию Днепр—Двина.

Руководство ОКВ также считало, что, возможно, придется осуществлять захват советской столицы иным образом, чем просто фронтальное наступление. Так, начальник штаба ОКВ фельдмаршал В. Кейтель полагал, что наиболее сильная группировка германской армии на Востоке — группа армий «Центр» — после нанесения первого сокрушительного удара на центральном направлении должна будет отдать часть своих сил для последующего наращивания ударов на флангах⁷⁰.

Что касается командования сухопутных войск, то и оно считало маловероятным непрерывное наступление от границ Польши до самой Москвы. Основанием к тому служили прежде всего объективные трудности передвижения германских войск. Так, один из разработчиков пер-

воначального варианта плана «Барбаросса», занимавший одно время должность первого обер-квартирмейстера генерального штаба ОКХ, а затем командующего 6-й немецкой армией, фельдмаршал Паулюс, в 1948 г. (находясь уже в советском плену) отмечал, что «прорыв до Москвы единым ударом был невозможен по той причине, что у немецкого командования не имелось достаточного количества железнодорожного транспорта... Вторая причина заключалась в том, что войска не располагали достаточными физическими и моральными силами для того чтобы выполнить такое наступление». После выхода к Ленинграду, Киеву и Смоленску необходима была некоторая оперативная пауза для того, чтобы перегруппировать войска, дать им передышку, подтянуть тылы, боеприпасы и т.д.⁷¹ С другой стороны, командованию сухопутных войск необходимо было сорвать возможные советские попытки «создать сплошной оборонительный фронт» западнее рек Западная Двина и Днепр — задача, которую в первую очередь должна была решить ГА «Центр». В этом взгляды ОКХ и ОКВ полностью совпадали.

Отметим, что генштаб ОКХ был в курсе подхода фюрера к проблеме уничтожения советских войск на центральном направлении. В частности, еще 5 декабря 1940 г., после доклада начальника генерального штаба ОКХ генерал-полковника Ф. Гальдера о планируемом нападении на СССР, Гитлер указал ему на то, что «сейчас, однако, еще невозможно решить, будет ли после уничтожения основной массы русских войск, окруженных на севере и на юге (операции ГА «Север» в Прибалтике и ГА «Юг» на Украине. — М.М.), нанесен удар на Москву или против района Москвы. Важно, чтобы русские не смогли вновь закрепиться восточнее...»⁷² Принимая во внимание эту неокончательную точку зрения верховного командования Германии и рассчитывая на успех в приграничных сражениях, генштаб командования сухопутных войск не видел смысла вступать в открытую дискуссию о роли и месте московского направления

в ходе последующих операций по преследованию остатков советских войск. Однако это, в свою очередь, не означало, что ОКХ отказывалось от своего мнения о первостепенной важности захвата советской столицы. Безусловно, что некоторые соображения по этому поводу существовали у Браухича и Гальдера.

31 января 1941 г. командующий сухопутными войсками фон Браухич подписал директиву по сосредоточению войск, разработанную ОКХ на основе плана «Барбаросса». В документе конкретизировались основные положения плана нападения на СССР и в то же время делались существенные дополнения относительно предстоящих операций. Учитывалась возможность благоприятного развития операций на фронте в случае «внезапного и полного разгрома русских сил на севере России». При таком варианте вставал бы вопрос «о немедленном ударе на Москву»⁷³.

Отметим, что вариант возможного развития операций, предложенный фюрером на совещании 3 февраля 1941 г., не вызвал открытого неприятия у генералов вермахта. Действительно, захват ключевого пункта кампании никто не отменял, а командование сухопутных войск рассчитывало на быстрый разгром советских войск у границ и их преследование вплоть до полного уничтожения. Представители штаба ОКВ надеялись на скорейшее удовлетворение потребностей армии в сырье и продовольствии, поэтому быстрейшая оккупация «фланговых» районов, дававшая Германии хлеб, уголь, металл и другие ресурсы, имела для них важнейшее значение.

Перед ОКВ, ОКХ, командующими группами армий, полевыми командирами вермахта стояла задача разгромить Советский Союз в быстротечной кампании, максимум за пять месяцев. После обсуждения предстоящей операции в высших штабах центр тяжести по ее планированию переместился в штабы групп армий и армий. Теперь им предстояло разработать план конкретных действий. Командование ГА «Центр» исходило в своих расчетах прежде всего

из установок директивы «Барбаросса», в которой, в частности, продвижение немцев к советской столице должно было осуществляться в условиях полного развала и дезорганизации сил Красной армии. Главное поражение советским войскам планировалось нанести еще до так называемой «линии Сталина» (то есть до укреплений на старой границе СССР)⁷⁴.

В середине февраля, как и предполагало ОКХ, штаб фон Бока завершил разработку распоряжений относительно ведения наступления. 13 февраля 1941 г. командование группы армий «Б» (переименованной впоследствии в ГА «Центр») издало директиву «по стратегическому развертыванию “Барбаросса”». Указывалось, что в предстоящей операции ее войскам следует придерживаться «принципов, оправдавших себя в польской кампании... Каждому командиру и соединению в этой войне на Востоке необходимо руководствоваться принципами: Быстро и невзирая ни на что — вперед! Всюду обеспечить быстроту движения и неутомимое преследование противника. С этой целью тяжелую артиллерию и тяжелое оружие выбрасывать вперед!»

ГА «Центр» могла рассчитывать на достижение решительного успеха в приграничных сражениях. Из последующего текста директивы видно, что фон Бок стремился заблаговременно указать своим подчиненным главный маршрут, по которому им предстоит продвигаться на Востоке. Отмечалось, в частности, что вся система транспортных сообщений и связь в Советском Союзе базируются в основном на «центральных пунктах (например, Минск, Вильно, Смоленск, Москва и др.) и поэтому являются особенно чувствительными. Заблаговременное нарушение и быстрый захват этих центральных пунктов имеет большое значение...»

ГА «Центр» должна была продвигаться вперед южнее и севернее Минска, разгромить противника в Белоруссии и «заблаговременно» захватить Смоленск. Напрямую указывалось, что выполнение этих задач создавало предпосылки не только для уничтожения противника, действующего

в районе Ленинграда, но и «для дальнейшего продвижения на Москву»⁷⁵ (см.: Приложение, док. № 2).

Фон Бок надеялся на то, что путь на Москву откроется сразу после того, как его войска уничтожат советские дивизии западнее линии Днепр—Двина и дальнейшее продвижение на восток будет predetermined наличием впереди свободного оперативного пространства.

ГА «Центр» состояла к началу нападения на Советский Союз (без учета резервов ОКХ, которые затем вводились в сражения в полосе ее наступления) из 2-й и 3-й танковых групп, 4-й и 9-й полевых армий; всего 50 дивизий, из них 31 пехотная, 9 танковых, 6 моторизованных, 1 кавалерийская. В июле 1941 г. в полосе ГА «Центр» была введена еще целая армия — 2-я полевая. Группа армий насчитывала на 22 июня 1941 г. в своем составе (без учета сил 3-й танковой группы) 634,9 тыс. чел., 12500 орудий и минометов, 810 танков, 1677 единиц самолетов⁷⁶. 3-я танковая группа, которой первоначально предстояло действовать против советских войск, расположенных в Литве, имела в своем составе 783 танка⁷⁷. ГА «Центр» превосходила противостоявшие ей соединения Западного Особого Военного Округа по орудиям и минометам в 1,2 раза, по самолетам в 1,1 раза, но уступала в людях в 1,1 раза и танках в 2,7 раза⁷⁸. Отметим, что подавляющее большинство советских танков были устаревшими по конструкции (Т-26 и БТ). Стратегическое развертывание для операции «Барбаросса» производилось под видом обмена войск и предоставления отдыха на востоке рейха тем частям, которые ранее участвовали в боевых действиях на Западе. При этом акцентировалось особое внимание на предстоящее якобы вторжение немецких войск в Англию.

Командованием танковых групп и полевых армий ГА «Центр» были поставлены конкретные задачи подчиненным соединениям по разгрому советских сил в приграничных районах Советского Союза. Дальнейшие их действия были обозначены лишь в общих чертах. Ближайшим ори-

ентиром был Минск, затем Смоленск. Так, к 1 апреля 1941 г. в штабе 3-й танковой группы (командующий генерал-полковник Г. Гот) была завершена разработка оперативного плана этого объединения в связи с операцией «Барбаросса». В нем, в частности говорилось, что ГА «Центр» «уничтожает вражеские силы в Белоруссии, создает тем самым предпосылки для проведения дальнейшего наступления в восточном или же северо-восточном направлении...» Особое внимание уделялось быстрому захвату 3-й танковой группой переправ через реку Западная Двина, еще до того, как туда подойдут отступающие советские части⁷⁹.

Мы не можем сейчас сказать, надеялись ли германские полевые командиры на безостановочное наступление до «линии охранения» (Архангельск—Волга), но то, что они хорошо понимали значение Москвы как ключевого стратегического пункта, важнейшего центра промышленности и железнодорожного сообщения, несомненно.

Итак, вопрос о том, каким образом немецкие войска овладеют Москвой в результате развития операции «Барбаросса», должен был решиться впоследствии, исходя из конкретной обстановки. Надобности в особой операции именно по захвату советской столицы в будущем могло и не понадобиться. Очевидно, предполагалось, что Москва падет сама собой в случае развала советского сопротивления. Сам Гитлер не был сторонником фронтального наступления на Москву без предварительного захвата фланговых районов европейской части СССР. Возможно, он уже тогда смутно предчувствовал, что на Востоке все может пойти не так гладко, как на Западе, но говорить об этом открыто пока не решался. Однако вариант первоочередного захвата фланговых районов никоим образом не противоречил основным положениям стратегической концепции «молниеносной войны», то есть действиям по быстрому и решительному уничтожению вооруженных сил противника, захвату его ключевых центров, промышленных и сырьевых ресурсов. Более того, перед нападением на СССР ОКХ и ко-

ман্দующие объединения вермахта имели главный ориентир (цель, которую им так или иначе необходимо было достичь). Этим ориентиром (целью) была Москва. Ее падение означало фактически окончание всей кампании.

Отметим, что до Второй мировой войны немецкими генералами (в том числе Ф. Гальдером, Г. Гудерианом и др.) был выдвинут ряд тактических установок и доведены до совершенства некоторые положения из области оперативного искусства, которые разрабатывались в германской армии еще до войны 1914—1918 гг., но потребовали затем тщательного анализа и пересмотра в связи с появлением новых видов вооружения. Речь идет о приемах и способах ведения боевых действий, которые к началу Второй мировой войны стали служить двигателем для претворения в жизнь сокрушительной стратегии германской армии. Немцы и раньше стремились к достижению быстрой победы, но появление танков, скоростных самолетов, мобильных радиостанций заставляло их постоянно шлифовать уже известные положения военного искусства, которые обеспечивали молниеносный разгром врага. Кроме того, германский генеральный штаб в 30-е годы впитал в себя все лучшее, что развивалось в теории наступательных операций в других странах (в том числе в Советском Союзе, где в то время шла дискуссия о «теории глубокой операции»).

Таким образом, еще до 1939 г. на свет появилась переработанная и дополненная оперативно-тактическая концепция ведения боевых действий германской армией в рамках «молниеносной войны», то есть своеобразная «тактика блицкрига». Оставалось только применить ее на поле боя. Как и предыдущие разработки, эта «тактика» (некоторые историки называют ее «тактикой Гитлера», что не вполне верно. — *М.М.*) подразумевала, прежде всего, неожиданность и удары на стыках группировок противника. Однако теперь основная роль в наступлении отводилась не пехотным или кавалерийским, а танковым соединениям, которые должны были быстро продвигаться вперед под

прикрытием их собственного огня, при поддержке артиллерии и крупных сил авиации. После прорыва линии фронта, им следовало разрушать вражеские коммуникации, окружать и уничтожать войска противника. Предусматривалось максимальное использование радио. Враг не должен был получить возможность привести себя в порядок и закрепиться⁸⁰. Начало наступления должно было сопровождаться либо фронтальным ударом на одном участке (то есть вбивался «клин» в позиции противника, а его оборона разрезалась на части), либо ударами на разных участках по сходящимся направлениям (другими словами, противник брался в «клещи»). Напомним, что «клещи» и «клин» применялись немцами неоднократно в войнах или конфликтах, которые они вели с разными странами. Например, «клином» (или «свиньей») шли в атаку еще рыцари Тевтонского ордена; в «клещи» германские войска неудачно попытались взять русские силы в Польше в 1915 г.

Говоря об оперативно-тактических приемах, разработывавшихся в германской армии, нельзя не отметить и то, что их применение было возможно только с учетом конкретного театра военных действий. В этой связи до начала войны с Советским Союзом руководство вермахта проигнорировало некоторые особенности географического положения СССР. Считая необходимым создать мощные ударные кулаки, сосредоточить силы на решающих направлениях, немецкое командование пошло на риск и оставило район Припятских болот без должного оперативного прикрытия, что в последствии значительно затормозило продвижение ГА «Юг», а для ГА «Центр» создало проблему южного фланга⁸¹.

Хотелось бы отметить, что ни план «Барбаросса», ни последовавшие затем оперативные разработки групп армий не учитывали всех издержек, связанных с гигантским расширением фронта в ходе предстоящей операции — потерю времени, износ матчасти ударных группировок, падение наступательного духа солдат и офицеров в случае

непредвиденного замедления продвижения вперед. Командующим объединениями ГА «Центр», связывавшим окончание войны с захватом советской столицы, в дальнейшем было нелегко смириться с поворотом своих сил в сторону от главного направления.

* * *

22 июня 1941 г., в 3 ч 30 мин утра, немецкие войска перешли границу Советского Союза. Началась Великая Отечественная война. В первых же сражениях соединения ГА «Центр» сумели нанести поражения 3-й, 4-й и 10-й армиям советского Западного фронта.

Уже 8 июля 1941 г. командующий группой фельдмаршал фон Бок отметил в своем приказе, что в районе Белосток—Минск его войскам удалось разбить 22 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад, 3 кавалерийские дивизии. «...Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, — отмечалось далее, — также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики. Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил: 287.704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий; 2.585 захваченных и уничтоженных танков; 1.449 орудий; 246 самолетов...»⁸² По отечественным данным, только в оборонительных боях в Белоруссии с 22 июня по 9 июля 1941 г. советские войска потеряли безвозвратно — 341 тыс. чел.⁸³

В настоящей книге нет возможности подробно остановиться на боевых действиях сторон в приграничных сражениях. Это задача отдельной работы. Войска Западного фронта мужественно сражались, но из-за внезапности нападения вермахта, плохой организации управления они несли неоправданно высокие потери. Вот лишь некоторые детали. Германским войскам удалось застигнуть силы Красной армии врасплох. Немецкие танковые части, развернутые в боевые порядки, давили продвигающиеся к местам

сосредоточения советские колонны. В небе господствовало люфтваффе. В самый первый день войны только в полосе Западного фронта было уничтожено 738 советских самолета. Контрудар самого укомплектованного в Красной армии 6-го мехкорпуса (1 022 танка, из них 352 KV и Т-34) и 11-го мехкорпуса в районе Гродно провалился. Советские танки были разбомблены с воздуха и расстреляны из противотанковых орудий⁸⁴. В итоге немцам удалось окружить войска РККА под Белостоком и Минском. 3-я и 10-я советские армии были уничтожены, а 4-я разгромлена.

Первые дни и недели Великой Отечественной войны во многом определили ход последующих сражений на советско-германском фронте. В этой связи интересно рассмотреть некоторые характерные особенности действий немецких войск того периода, которые проявлялись и в дальнейшем.

Отметим, что окружение советских войск под Белостоком и Минском было проведено немцами в высшей степени стремительно. «Тактика блицкрига», казалось, полностью оправдывала себя. Сказались и внезапность нападения, и опыт германских войск, и их техническая оснащенность. Ярko выраженный наступательный дух военной доктрины Германии, удачно сочетался с незаурядными качествами военачальников вермахта, хорошей подготовкой личного состава боевых частей. Фон Бок изначально отдавал предпочтение «клещам», а не «клину», поскольку целых два танковых объединения, имевшиеся в его распоряжении, позволяли выполнять самые далеко идущие задачи по разгрому соединений Красной армии. Окружение — наиболее решительный способ уничтожения или пленения войск противника. Летом 1941 г. немцы часто применяли его. В полосе ГА «Центр» это, как правило, происходило следующим образом. 2-я и 3-я танковые группы на широком фронте совершали глубокий охват советской группировки, соединялись друг с другом, создавали стальную завесу на пути пытавшихся прорваться на восток

частей Красной армии и при необходимости помогали пехотным соединениям добивать окруженных. Затем танковые группы вновь устремлялись вперед (теперь по расходящимся направлениям), стараясь наступать на широком фронте, чтобы создать предпосылки для нового окружения советских войск. Так было вначале под Минском, затем немцы решили повторить то же самое под Смоленском.

28 июня 1941 г. 12-я танковая дивизия 3-й танковой группы генерал-полковника Гота ворвалась в столицу Белоруссии с северо-запада, а на следующий день с юго-запада к Минску вышла 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана. Одновременно 24-й корпус 2-й танковой группы устремился к Бобруйску и Рогачеву (на юго-восток от Минска); в дальнейшем его путь лежал на Могилев. Вскоре соединения 3-й танковой группы начали продвижение к Витебску (на северо-восток от Минска). В первых числах июля войска танковых групп подошли к Западной Двине и Днепру. Однако попытки форсировать Днепр с ходу не увенчались успехом. Фельдмаршал фон Бок приказал подтянуть дополнительные силы и ускорить наступление. 3-я танковая группа должна была преодолеть Западную Двину на участке Дисна—Витебск и выйти в район Смоленска с северо-запада, а 2-я танковая группа — форсировать Днепр на участке Орша—Рогачев и, продвигаясь вдоль автострады Минск—Москва, вступить в Смоленск с юго-запада⁸⁵.

Ударные танковые объединения группы фон Бока совершали широкий охват противника и соединялись за его спиной, затем вновь расходились, чтобы замкнуть новое кольцо вокруг противостоящей советской группировки. Ниже мы увидим, что под Смоленском у немцев не все складывалось так же гладко, как под Минском, но сейчас для нас важна не хроника событий, а эта особенность действий германских войск в оперативно-стратегическом масштабе.

Пока ГА «Центр» всё удавалось. И этому в немалой степени способствовало воинское мастерство немецких командиров. Командиры германских частей и соединений стремились действовать быстро — на опережение противника. Высокая моторизация позволяла им выходить в тыл противника, громить его средства управления, обозы, создавать панику среди военнослужащих Красной армии. Воевать с таким опытным врагом в условиях, когда советским танкистам не хватало горючего, артиллеристам снарядов, а стрелкам патронов было чрезвычайно тяжело. Солдаты Красной армии дрались самоотверженно. Танковые подразделения РККА при первой возможности шли в атаку на гитлеровцев. Однако часто бывало, что, встречая советские танки, немцы, не принимая боя, отходили назад. Против бронированных боевых машин они выдвигали противотанковую артиллерию, которая уничтожала их совместно с авиацией, а свои танковые части немцы перебрасывали на другие участки⁸⁶.

В целом, германская армия выиграла этот первый раунд боев по всем статьям, реально доказала, что ее военачальники отлично владеют оперативным искусством и тактикой. ГА «Центр» достигла наибольших успехов по сравнению с другими группами армий. Она разгромила войска Красной армии в Западной Белоруссии, окружила и уничтожила части советских 3-й и 10-й армий под Белостоком и Минском, нанесла тяжелое поражение 4-й армии и уже к середине июля крупными подвижными силами вышла к Смоленску — городу, прикрывающему путь на Москву. После захвата плацдармов на Днепре германскому командованию стало казаться, что задача разгрома Красной армии практически решена. Гитлер, конечно, видел, что группы армий, действующие по соседству с объединением фон Бока, пока не достигли столь ошеломляющих успехов, но был уверен, что быстрое продвижение на флангах не заставит себя долго ждать. Пока все шло согласно плану, и германское верховное командование намечало использо-

вание как на севере, так и на юге Восточного фронта части подвижных соединений из ГА «Центр». Однако наступление на Москву Гитлер теперь приостанавливать не собирался.

Отметим ряд объективных причин, благодаря которым войскам вермахта удалось нанести тяжелые поражения, окружить многие части Красной армии в первые недели войны. Во-первых, «клещи», как уже отмечалось, были одним из излюбленных методов германских стратегов и широко применялись ими для достижения победы в кампании. До начала войны против Советского Союза немцы уже успели использовать их в польской кампании (окружение польской армии «Познань» западнее Варшавы) и во Франции (окружение французских дивизий в районе Лилля). Немецкими генералами был получен тогда прекрасный опыт широкого охвата группировок противника мобильными танковыми и механизированными соединениями, который они теперь удачно применяли и против сил Красной армии. Во-вторых, ГА «Центр» имела не одно, а сразу два танковых объединения (2-я и 3-я танковые группы). Это позволяло проводить операции по окружению почти в классическом виде. И, наконец, в-третьих, наступающие германские соединения вклинивались (вначале у границы, а затем в районе Смоленска) не в оборону противника, а в массу советских войск, находившихся в движении, как правило, на марше к линии фронта. Это давало немцам возможность бить силы Красной армии по частям, не давая им закрепиться и организовать взаимодействие. В приграничных сражениях СССР фактически лишился кадровой армии. Погибли многие опытные солдаты и офицеры, служившие еще до войны, что также способствовало дальнейшим успехам немецких войск.

Вместе с тем по итогам первых боевых дней фон Бок сообщал и нечто иное. В его донесении в генштаб ОКХ отмечалось, что «завершение сражений на уничтожение на Востоке будет иметь существенное отличие от Запада. Если

на Западе, как и в войне с Польшей, окруженные силы противника после окончания сражения в основном сдавались в плен, здесь это будет происходить по-другому»⁸⁷. Немцам приходилось выделять крупные силы, в том числе из частей армии резерва, для борьбы с оставшимися в их тылу советскими войсками, которые с оружием в руках прорывались на восток.

Создавшиеся для вермахта благоприятные условия для наступления в первые дни войны, особенно в полосе ГА «Центр», а также ГА «Север» (командующий генерал-фельдмаршал фон Лееб), безусловно, повлияли на стремление главного командования сухопутных войск (командующий генерал-фельдмаршал фон Браухич) продолжать быстрое продвижение на восток. Подобные замыслы подкреплялись донесениями с фронта. Так, подполковник фон Либерштейн, офицер генерального штаба ОКХ, служивший во 2-й танковой группе, во время беседы с адъютантом фюрера полковником Р. Шмундом 12 июля 1941 г. сообщал, что по оценке командующего танковой группой Гудериана, боевая сила его объединения вполне достаточна для того, чтобы прорваться на Москву. Группа имеет только одно желание — получить разрешение двигаться вперед⁸⁸.

Танковые дивизии генерал-полковника Г. Гудериана понесли в предыдущих боях серьезные потери. 5-я и 8-я танковые дивизии потеряли до 50% танков, а 17-я танковая дивизия имела в распоряжении только 30% боеспособных танков. Тем не менее, Гудериан считал, что сумел «вклиниться в стратегическое сосредоточение противника», который только выдвигался на передовые позиции и желал продолжать наступление, чтобы выиграть свободный путь на восток⁸⁹.

Командующий 3-й танковой группой Гот, после того как его войска захватили Витебск, также рассчитывал наступать вплоть до Москвы. Позднее в своих воспоминаниях он отмечал, что 3-я танковая группа «стремилась развить операцию по преследованию отступающего противника

без остановки до самой Москвы»⁹⁰. Оставшиеся неразбитыми советские части и вновь подходившие с востока соединения Красной армии, должны были быть уничтожены по ходу дела в новом (Смоленском) котле.

Но прорваться с ходу на Москву ни Гудериан, ни Гот не смогли. Несмотря на то, что советские войска понесли большие потери, немецкое наступление в дальнейшем стало проходить не столь гладко, как на то рассчитывали германские генералы. В середине июля части вермахта вышли к Смоленску, где завязались ожесточенные бои с 16-й (командующий генерал-лейтенант М.Ф. Лукин), 19-й (командующий генерал-лейтенант И.С. Конев) и 20-й (командующий генерал-лейтенант П.А. Курочкин) армиями Западного фронта. ГА «Север» вынуждена была приостановить наступление, встретив упорное сопротивление советских войск на Лужском рубеже обороны. Левый фланг ГА «Юг» завяз в боях с 26-й (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко) и 5-й (командующий генерал-майор танковых войск М.И. Потапов) армиями на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов⁹¹.

Командование ГА «Центр», желая обезопасить себя от неожиданностей в ходе дальнейшего наступления, решило в первую очередь расправиться с войсками противника, отходящими за Днепр. 13 июля 1941 г. фон Бок телеграфировал главнокомандующему сухопутными войсками, что намеревается сосредоточить все усилия для того, чтобы разбить отходящие за Днепр войска противника и не дать им возможность организовать новое сопротивление. Поэтому он предлагал сначала «всеми силами овладеть районом восточнее Смоленска»⁹².

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска, к автострате Минск—Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал, кроме того, и новое крупное окружение войск Западного фронта. Одновременно с попытками овладеть

Смоленском соединения 2-й и 3-й танковых групп стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить еще более глубокий охват советских войск. Этот охват удался, но полностью замкнуть кольцо за силами Красной армии, действующими восточнее Смоленска у немцев не получилось, — в распоряжении советского командования оставался небольшой коридор с переправой на Днепре у Соловьева. Тем не менее, в районе западнее Смоленска части вермахта пленили 310 тыс. солдат и офицеров РККА. Ставке ВГК пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий, наспех сформированный эшелон войск, который составили 29-я, 30-я, 24-я, 28-я, 31-я и 32-я армии, образовавшие новый Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г.К. Жуков⁹³.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством противника, который получал все новые подкрепления. По данным разведотдела штаба 2-й армии на 19 июля 1941 г. перед фронтом ГА «Центр» войсковой разведкой были выявлены части — 123 стрелковых дивизий, 24 танковых дивизий, 10 танковых бригад, 3 кавалерийских дивизий Красной армии. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт — Смоленские ворота, русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы...» Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза. Перед фронтом ГА «Центр» было выявлено около 20 вновь сформированных с начала июля дивизий, в отдельных случаях состоящих почти целиком из только что призванных запасников⁹⁴. Все это никак не увязывалось с расчетами немецкого командования решить исход кампании до линии Днепр—Двина. Группа фон Бока продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Командующие

германскими соединениями столкнулись с активным противодействием сил Красной армии.

К середине июля 1941 г. в планах ОКХ произошли некоторые изменения. Под влиянием событий, происходивших в полосе ГА «Центр», а также докладов штаба группы, у главного командования сухопутных войск появилось стремление в первую очередь довести до конца сражение за Смоленск и обеспечить юго-восточный фланг центральной группировки войск. Дело в том, что в тот период все явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед ГА «Центр» и отстающей ГА «Юг». Германским командованием была предпринята попытка решить эту проблему действием части сил 2-й танковой группы и 2-й армии в юго-восточном направлении. Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно, — ГА «Центр» была связана боями под Смоленском, а ГА «Юг» ничего не могла поделать с активностью 5-й советской армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Фон Бок вынужден был отметить 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре командующим сухопутными войсками тот факт, что «на реке Днепр и восточнее ее, в настоящее время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана...» Командующий ГА «Центр» считал также, что в настоящее время, пока не закончилось сражение за Смоленск, нельзя перебрасывать 3-ю танковую группу генерал-полковника Гота на помощь ГА «Север» для содействия силам ее 16-й армии в окружении советских войск в районе Невель, Холм и севернее (как это было предусмотрено еще в период разработки окончательного варианта плана «Барбаросса». — *М.М.*). Заметим, что войскам фон Лееба явно не хватало сил для действий на растянувшемся фронте. Более того, ГА «Север» и ГА «Центр» наступали по расходящимся направлениям, в ре-

зультате чего разрыв между ними увеличивался. Его необходимо было чем-то прикрыть.

Фон Браухич в ответ на заявление Бока о якобы различном понимании обстановки командованием сухопутных войск и группы армий указал: «В первую очередь следует довести до конца сражение за Смоленск, обеспечив юго-восточный фланг (ожидался подход застрявшего в болотах 35-го армейского корпуса). В остальном следует провести все подготовительные мероприятия для оказания содействия 16 армии...» Далее командующий сухопутными войсками отметил: «Не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так как французы, они не чувствительны на флангах. Поэтому основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских...» Браухич призывал уяснить невозможность дальнейшего продвижения массы пехоты на восток после овладения Смоленском и полагал, что «придется ограничиться чем-то вроде экспедиционного корпуса, которому совместно с танками придется выполнять более глубокие задачи...» В заключение главнокомандующий сухопутными войсками констатировал, что в целом «взгляды командования группы армий и ОКХ совпадают»⁹⁵.

Очевидно, что в это время ОКХ довольно трезво оценивало сложившуюся обстановку на Восточном фронте и заботилось о том, чтобы, прежде всего, создать условия (как это предполагалось и до войны) для наступления на Москву. Между тем, ОКВ оценивало ситуацию несколько иначе. Создается впечатление, что первоначальные успехи германской армии вскружили головы высшим немецким военачальникам. В первые дни кампании против СССР Гитлер, казалось, решил, что ему удастся решительно всё. О каком-либо значительном сопротивлении русских в центре фронта речи, по его мнению, уже быть не могло. Штаб оперативного руководства вооруженных сил Германии по-прежнему рассчитывал на продолжение операций как на

флангах советско-германского фронта, так и на московском направлении. Однако, по мнению фюрера, наступление на флангах необходимо было еще более расширить.

Согласно директиве ОКВ № 33 от 19 июля 1941 г. группе армий «Юг» предстояло уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника и совместно с ГА «Центр» разгромить 5-ю армию. (Вместе с разгромом 5-й армии, по мнению немецкого командования, устранялось препятствие, мешающее быстрому продвижению немецких сил южнее Припятских болот. — М.М.). ГА «Север» должна была обеспечить стык 18-й армии и 4-й танковой группы и обезопасить свой восточный фланг силами 16-й армии. Многосложная задача стояла перед ГА «Центр» — прикрыть правый фланг ГА «Север»; перерезать дорогу Москва—Ленинград; помочь наступлению ГА «Юг», продвигаясь силами 2-й армии и 2-й танковой группы в юго-восточном направлении; и «осуществлять дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений»⁹⁶.

23 июля 1941 г. в дополнении к этой директиве, подписанной В. Кейтелем, было указано, что группе армий «Центр» силами пехотных соединений необходимо «разбить противника, расположенного между Смоленском и Москвой, и по возможности выдвинуть при этом свой левый фланг, овладеть Москвой». 3-ю танковую группу намечалось временно передать в подчинение ГА «Север» с задачей обеспечения правого фланга группировки во время захвата Ленинграда⁹⁷. Вызывает удивление такое решение верховного командования Германии — бои под Смоленском были в самом разгаре, немцы несли значительные потери как в людях, так и в технике. В этих условиях ставить задачу прорваться к советской столице только пехотными соединениями было, по меньшей мере, самонадеянно. Ослабленной ГА «Центр» это было вряд ли под силу.

В тот же день Браухич выразил свое несогласие с задачами директивы № 33 и дополнения к ней, указав на преждевременность осуществления оперативного замысла,

пока не будут закончены происходящие сражения в полосе ГА «Центр»⁹⁸.

Однако мнение Браухича не было принято в расчет, и ему не оставалось ничего другого, как конкретизировать указания ОКВ. 24 июля 1941 г. штаб фон Бока получил следующие указания генштаба ОКХ: 3-ю танковую группу оперативно подчинить ГА «Север» с задачей «быстро и окончательно устранить связь между Москвой и Ленинградом». 2-я танковая группа должна была быть готова к тому, чтобы под общим командованием генерал-фельдмаршала Клюге (командующего 4-й армией) «...действовать совместно с ГА "Юг" и по ее указаниям с общей линии Гомель—Брянск в юго-восточном направлении...» Таким образом, на ослабленные силы двух армий группы фон Бока (9-я и 4-я полевые армии) легла задача: «...согласно решению фюрера относительно дальнейшего ведения операций... как только по завершению сражения за Смоленск достаточные силы выдвинутся вперед, оставшимся пехотным соединениям 4-й и 9-й армий разбить находящегося еще между Москвой и Смоленском силы противника и овладеть промышленным районом севернее и южнее Москвы...»⁹⁹

Распределение сил центральной группировки немецких войск по трем расходящимся направлениям вызвало критику у фон Бока. Ему было не понятно, почему надо было отказаться от достижения «быстрого успеха» на востоке ради усиления других групп армий¹⁰⁰. Он осознавал, что после поворота 2-й танковой группы на юг, фронт его объединения еще более растянется, а оставшимися силами будет очень нелегко, если вообще возможно, продолжать наступление в восточном направлении. «Русские "обтягивают" весь фронт группы армий и везде готовы к бою», — сообщал он главнокомандующему сухопутными войсками в разговоре по телефону 26 июля 1941 г.¹⁰¹

В своем докладе от 29 июля 1941 г. штаб ГА «Центр» практически поставил ОКХ перед фактом невозможности продолжать наступление в тех условиях, которые выдвигали

нуло ОКВ: «...если нельзя отказаться от наступления танковой группы Гота (3-я танковая группа) на северо-восток, то не остается ничего иного, как приостановить наступление на Москву, чтобы хотя бы выделить достаточно сил для наступления группы Клюге...»¹⁰²

Подобная ультимативная формулировка штаба фон Бока, видимо, повлияла на решение ОКВ, обозначенное в новой директиве № 34 от 30 июля 1941 г. Гитлер, наконец, осознал бесперспективность дальнейших ударов только одними пехотными соединениями против советского Западного фронта и решил изменить свое предыдущее указание. Предусматривалось приостановить наступление ГА «Центр»: 3-ю танковую группу не разрешалось вводить в бой, 2-я и 3-я танковые группы должны были получить пополнение¹⁰³. Хотело того немецкое командование или нет, факты говорят за то, что в июле 1941 г. ГА «Центр» не смогла выйти на оперативный простор и быстро продвинуться на Москву. Существует также мнение среди некоторых историков, что действия немецкого командования после издания этой директивы уже не были предусмотрены планом «Барбаросса»¹⁰⁴. Однако такое заключение было бы не совсем верным.

Чем же было вызвано такое решение Гитлера? Академик А. Самсонов достаточно ясно ответил на этот вопрос, констатируя, что «смоленское сражение изматывало силы врага и задерживало его на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения...»¹⁰⁵ Маршал Жуков в своих воспоминаниях отмечал, что оба фланга ГА «Центр» оказались открытыми, что создавало им серьезную угрозу. Без их обеспечения войска группы не могли наступать¹⁰⁶.

Все это правильно, но нам необходимо помнить и о совещании в ставке фюрера 3 февраля 1941 г., где Гитлер говорил о возможности временного перехода к обороне на

центральной части фронта. Приостановка наступления группы фон Бока и первоочередное решение проблем соседних групп армий не выходило пока за рамки замыслов верховного командования Германии. Планируемое в конце июля продвижение части сил ГА «Центр» на юго-восток расширяло ее фронт, но в то же время давало ей шанс обеспечить стык с ГА «Юг», занять соединениями 2-й танковой группы выгодный плацдарм примерно в районе Брянска и тем самым создать угрозу охвата советских войск, прикрывающих немцам путь непосредственно на Москву, с южного фланга. Отметим также, что в тот период германское командование не предполагало, что вопрос о безопасности флангов самой ГА «Центр» станет вскоре весьма острым и его нужно будет решать чрезвычайными мерами.

Известный западный историк А. Филиппи отмечал, что директива № 34 была «компромиссом» между желанием ОКВ добиться успеха на флангах Восточного фронта и стремлением ОКХ продолжать операции в центре¹⁰⁷. Однако, если эта директива и была своеобразным «компромиссом» между точкой зрения ОКВ и мнением генштаба ОКХ о месте приложения основных усилий германской армии после достижения первой оперативной цели (рек Днепр и Двина), то этот компромисс был все же зарезервирован мнением Гитлера, высказанным на довоенном совещании 3 февраля 1941 г. Новое решение затрагивало прежде всего интересы ГА «Центр», ослабляло ее возможности. Но Гитлера это пока мало волновало, его имидж «великого стратега» (который, естественно, все предвидел заранее) еще оставался непоколебимым.

Отметим, что общее состояние войск ГА «Центр» во второй половине июля — начале августа 1941 г. не подтверждало оптимистических прогнозов фон Бока относительно возможности достижения быстрого успеха на московском направлении в случае, если его силы не будут дробиться по частям. Выше уже говорилось о немецких потерях в танках. Снабжение ГА «Центр» также оставляло желать луч-

шего. К началу августа подвижные соединения танковой группы Г. Гота были удалены от своей основной базы снабжения на железнодорожной станции Орша на расстояние 200 км¹⁰⁸. Немедленно возобновив наступление на восток, группа армий могла бы, вероятно, прорвать фронт обороны Красной армии на отдельных участках и улучшить свое оперативное положение, но выполнить более значительную задачу и сокрушить стратегическую оборону советских войск на западном направлении ей было вряд ли под силу. К концу июля против ее соединений стояли уже свежие советские силы.

Детальный анализ обстановки на советско-германском фронте на начало августа 1941 г. позволяет сделать вывод, что и в это время московское направление продолжало оставаться решающим как для ОКХ, так и для ОКВ. Временная задержка продвижения частей ГА «Центр» на восток была болезненна для германских генералов, рассчитывавших завершить к этому времени уничтожение основных сил Красной армии, однако, она не влияла пока на осуществление общей стратегической концепции «блицкрига». В телеграмме генштаба ОКХ от 31 июля 1941 г. группе армий «Центр» было приказано по-прежнему «готовиться к наступлению на Москву»¹⁰⁹.

К тому времени германская армия столкнулась на Восточном фронте с такими трудностями, которые можно отнести к логическому следствию завышения задач для немецких групп армий, обозначенных в плане «Барбаросса». Реалией лета 1941 г. стало все возрастающая дистанция между боевыми возможностями вермахта и поставленными перед его силами стратегическими целями. Наступая на громадной территории, немецкие войска физически не могли сохранять ударную мощь на всех участках фронта. Показательно, что, планируя удары на большую глубину, германское командование все еще никак не могло решить так называемую «припятскую проблему». 2-я немецкая армия не могла преодолеть упорную оборону 5-й советской

армии генерала-майора Потапова на Коростеньском рубеже, северо-западнее Киева. Отмечаемая германскими командирами на всех уровнях «полная невосприимчивость русских к угрозе обхода с фланга или тыла», вынудила ОКХ давать общие указания по тактике действия войск в новых условиях. Командование ГА «Центр» в начале августа получило распоряжение следующего содержания: «...совершив взаимный и быстрый разворот, уничтожить держащегося или атакующего на соседнем участке противника превосходящими силами, невзирая на поставленные задачи и общее направление»¹¹⁰.

Своеобразная передышка на главном стратегическом направлении, которая не означала, однако, снижения накала боев и прекращения контратак советских войск в районе Смоленска, позволила Красной армии пополнить личным составом поредевшие воинские части, сформировать новые и выдвинуть их (порой плохо вооруженные и недостаточно подготовленные) для укрепления обороны Москвы.

Генштаб ОКХ и штаб ГА «Центр» все это время не оставляли мысли о продолжении наступления на советскую столицу, однако срок его начала постоянно отодвигался. Немецкое командование было вынужденно считаться с реальной обстановкой на фронте, в том числе и на северном фланге ГА «Центр». Так, полковник Хойзингер (представитель оперативного отдела генштаба ОКХ) во время телефонного разговора с начальником штаба группы армий фон Бока генералом Грейфенбергом 9 августа 1941 г. передал опасения главнокомандующего сухопутными войсками о том, что «если атака будет производиться так как это предполагалось (т.е. удар всего фронта на Москву. — М.М.), имеется серьезная опасность, что русские не будут разбиты, а, наоборот, оттеснены в северную болотистую местность и оттуда создадут постоянную опасность флангу и тылу при дальнейшем продвижении...» Начальник штаба ГА «Центр» в ответ указывал на то, что «имеющиеся в распоря-

жении для атаки силы слишком слабы, чтобы создать две сильные наступающие группировки...»¹¹¹

Упоминание северного фланга ГА «Центр» появилось в разговоре отнюдь не случайно. Заболоченная территория в районе Великих Лук и далее на востоке Валдайские высоты имели большое стратегическое значение для армий противоборствующих сторон. Захватив их, немецкие войска могли угрожать северному флангу советского Западного фронта, прикрывающего Москву, и тем самым поставить в критическое положение силы, обороняющие советскую столицу. Такое развитие событий соответствовало предвоенным замыслам Гитлера. Однако пробуксовка наступления ГА «Север» на этом направлении создавала ситуацию, когда укрепившиеся на оборонительных позициях западнее Валдайской возвышенности соединения Красной армии сами начинали угрожать северному флангу ГА «Центр». Заметим также, что это одно из первых упоминаний опасности с севера для группы фон Бока. В дальнейшем она не раз будет подниматься в процессе разработки германскими генералами своих оперативных планов.

Директива ОКВ №34 отменяла отданные ранее распоряжения о наступлении 3-й танковой группы в направлении Валдайской возвышенности. Это объяснялось необходимостью восстановления боеспособности танковых соединений¹¹². Однако впоследствии Ф. Паулюс высказывался несколько иначе по данному вопросу: «...это намерение не было осуществлено, по его мнению, из-за создавшейся в районе Смоленска обстановки, ибо там не хватало сил для того, чтобы достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок...» Далее Ф. Паулюс говорил, что «...следовало не просто наступать на Москву, а захватить ее каким-либо другим образом. В связи с такой обстановкой исключалась переброска 3 ТГр (3-й танковой группы. — М.М.) на север...»¹¹³ (см.: Приложение, док. № 3)

Добавим, что мнение бывшего фельдмаршала Паулюса подтверждается донесением оперативного отдела штаба ГА «Центр» оперативному отделу генштаба ОКХ от 9 августа 1941 г. В нем, в частности, говорилось, что «решение не вводить в действие никаких бронетанковых соединений для наступления на северном фланге, фронт [командование ГА «Центр»] принял с учетом предстоящих операций»¹¹⁴. Имелись в виду операции на московском направлении. Впоследствии, однако, для поддержки наступления группе армий «Север» были все же переданы 39-й и 57-й корпуса 3-й танковой группы.

В результате сложилась ситуация, при которой немецкое командование не могло кардинально улучшить свое положение ни на одном направлении Восточного фронта. Занятию фланговых районов ГА «Центр» (как северных, так и южных) препятствовала невозможность переброски всей 3-й танковой группы на помощь ГА «Север» и отсутствие необходимого взаимодействия на стыке групп армий «Центр» и «Юг».

Осуществление планов верховного командования Германии оказалось под вопросом, несмотря на усилия ОКХ. В конце июля 1941 г. главнокомандующий сухопутными войсками запрашивал штаб ГА «Центр» о возможности использования «всей группы Гудериана с правым флангом через линию Гомель—Чернигов, чтобы здесь прийти к взаимодействию с немецкими войсками вокруг Киева...» (это наступление предусматривало также окружение советских войск в районе Рогачева и Гомеля). Однако фельдмаршал Бок ответил, что в его распоряжении «южнее Смоленска с фронтом на восток имеются в лучшем случае 7 пехотных дивизий, южный фланг которых следует искать у Хиславичи...» Оттягивание группы Гудериана на юг означало значительное ослабление восточного фронта ГА «Центр»¹¹⁵. Однако в отсутствие должной поддержки танковых частей положение на флангах ГА «Центр» не могло существенно измениться. Напротив, советские войска, оказывая эффек-

тивное сопротивление передовым частям вермахта, создавали угрозу выдвинутым вперед немецким соединениям.

Крепкая советская оборона в районе Смоленска, положение на флангах ГА «Центр», обстановка, сложившаяся в районе Киева и Ленинграда, не позволяли немецким войскам наступать широким фронтом вглубь территории Советского Союза. Реальные события августа 1941 г. нашли отражение в тексте дополнения к директиве ОКВ № 34, изданном 12 августа 1941 г. Только после полной ликвидации угрожающего положения на флангах и пополнения танковых групп, отмечалось в нем, — будут созданы условия для наступления на Москву. Целью такого наступления было — овладение городом еще до наступления зимы, нарушение работы государственного аппарата и лишение его возможности восстановить вооруженные силы¹¹⁶.

Предпосылкой к дальнейшему продвижению ГА «Центр» на восток могло стать успешное завершение уничтожения частей 16-й и 20-й советских армий, отрезанных в районе севернее и северо-восточнее Смоленска. Однако мужество советских воинов не позволило немецкой армии добиться желаемого результата. Войска Западного фронта под командованием маршала С. Тимошенко предприняли энергичные меры по выводу окруженных частей на восток. В результате основным силам 16-й и 20-й армий удалось переправиться на восточный берег Днепра у Соловьевской переправы и занять там новую линию обороны. Контрудары Красной армии продолжались с всё возрастающей силой. Ожесточенные бои на этом участке не утихали вплоть до середины сентября 1941 г.

Немецкие войска несли серьезные потери. На начало сентября, в результате непрерывных сражений, боевая численность пехотных подразделений ГА «Центр» снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие не-

прерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава¹¹⁷.

Не лучше обстояло дело с подвижными соединениями вермахта. 27 августа 1941 г. 39-й армейский корпус (3 ТГр) докладывал в штаб ГА «Центр», что при потерях в личном составе танковых дивизий примерно 10 %, в 7-й танковой дивизии осталось 50 % боеспособных танков Т-III (68 ед.), 43 % танков Т-IV (13 ед.); в 12-й танковой дивизии — 50 % танков Т-III (56 ед.), 33 % Т-IV (10 ед.)¹¹⁸.

Боеспособность немецких танковых дивизий ослабла. Немецкие генералы сетовали на выход из строя большого количества танков Т-IV — наиболее мощных в то время германских бронированных машин. Ремонт неисправных танков зависел, прежде всего, от поставки в войска запасных частей и моторов. На совещании 4 августа 1941 г. в штабе ГА «Центр» основной просьбой большой группы старших офицеров была доставка в части 350 новых танковых моторов¹¹⁹. Все чаще в донесениях с фронта со стороны военачальников разного уровня содержалась просьба дать возможность личному составу выспаться, помыться и отдохнуть (без всяких ограничений)¹²⁰.

Германскому командованию предстояло принять решение о дальнейшем развитии операций на Восточном фронте — решение стратегического масштаба. Проблема флангов наступающей группировки фон Бока постепенно выходила на передний план. Не обезопасив их, невозможно было проводить дальнейшее наступление. Как отмечал в своей книге уже упоминавшийся нами А. Филиппи: «По ту сторону Днепра группы армий “Юг” и “Центр” должны были, наконец, таково было неременное условие развертывания второй фазы кампании установить оперативный контакт между обращенными друг к другу флангами, так как без этого контакта и без прикрытия с юга удар по Москве был обречен на провал. При осуществлении этих замыслов в ходе операций, проводившихся в условиях сильнейшего давления фактора времени, на фоне общей

оперативной обстановки выделялась Припятская проблема». Далее Филиппи пишет о том, что командование ГА «Юг», учитывая приоритет боевых действий на фронте ГА «Центр», в то же время считало, что путь на Москву откроется только после разгрома войск Буденного (на Юго-Западном стратегическом направлении. — М.М.). Командование сухопутных войск также понимало, что лишь после создания на рубеже Киев, Смоленск мощного сосредоточения сил вермахта появится выбор дальнейших путей решения исхода кампании¹²¹.

Представителям верховного командования Германии и командования сухопутных войск теперь все чаще приходилось думать об устранении реальной угрозы флангам ГА «Центр». В ставке Гитлера принимали к сведению заключение штаба фон Бока о том, что отданное ранее указание о продвижении группы Клюге (4-я армия) в юго-восточном направлении делает невозможным дальнейшее наступление на Москву¹²². С другой стороны выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос) создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, обороняющих Киевский укрепрайон и обеспечивал столь необходимый стык ГА «Центр» и «Юг»¹²³.

Заслуживает внимания и тот факт, что со слов Паулюса поворот 2-й танковой группы и 2-й армии на юг был предложен не главным командованием сверху, а представителями командования этих объединений, которые обосновывали это тем, что их дальнейшее продвижение на восток (на Москву) является трудновыполнимой задачей, так как им все время будет угрожать противник с юга. Необходимо было осуществить удар на юг, окружить находящиеся здесь русские войска и затем ввести общие силы на прежнее московское направление¹²⁴. Вызывает, однако, сомнение, чтобы именно командующий 2-й танковой группой выступал за проведение его войсками удара в южном направлении. Хорошо известно, что Гудериан стремился к быстрейше-

му продвижению своих сил на Москву (возможно, Паулюс имел в виду кого-либо из штаба 2-й танковой группы?).

Естественно, вопрос о времени, необходимом для предстоящей операции, был для немецкого командования теперь более чем актуальным. Во многом поэтому 18 августа 1941 г. командование сухопутных войск поставило Гитлера в известность, что его представители остаются при своем мнении продолжить операции ГА «Центр» на востоке. ОКХ в своих соображениях указывало на необходимость учитывать условия русского климата, и что в распоряжении германской армии остаются только два благоприятных месяца — сентябрь и октябрь. «В противном случае, — говорилось далее, — у ГА “Центр” может не хватить ни сил, ни времени на то, чтобы еще в этом году уничтожить основную часть живой силы противника, а это должно быть главной целью верховного командования»¹²⁵.

Показательна ссылка на сжатые сроки и погодные условия. Опытный немецкий военачальник фельдмаршал Браухич не мог не понимать, что растягивание Восточного фронта в случае немедленного наступления на Москву может привести еще к худшим последствиям, чем потеря времени. Вероятно, здесь свою роль сыграло осознание того факта, что сопротивление Красной армии значительно возросло. Перед немецкими генералами встал кардинальный вопрос — хватит ли мощи Германии для разгрома России? Достаточно ли у вермахта резервов в условиях все возрастающих потерь (на конец августа они составили 585 тыс. чел.¹²⁶)? Ясного ответа у генералов не было. ОКХ искало выход из положения в быстром продолжении операций на главном стратегическом направлении.

Напротив, верховное командование вермахта начало сомневаться в возможности еще в этом году захватить советскую столицу. Была уже середина августа, а русская армия продолжала сражаться. Оставался нерешенным вопрос о соединении с союзной финской армией, без которого захват северо-запада России был невозможен. Более

того, немецкой военной промышленности срочно требовалось сырье, а населению Германии — продовольствие с Советской Украины. Неуверенность высшего руководства рейха в отношении дальнейшего развития событий на Востоке нашла свое отражение в ряде указаний представителей ОКВ войскам действующей армии.

Здесь стоит остановиться на одном трофейном немецком документе, попавшем в руки советской разведки уже осенью 1941 г., в котором говорилось о событии, имевшем место 11 августа 1941 г. В тот день в штабе одного из соединений 9-й немецкой армии состоялось совещание старших офицеров. Из документа нельзя точно понять, кто именно его проводил и с какой целью, но с полной уверенностью можно предположить — это следует из характера обсуждавшихся проблем — что оценку сложившейся ситуации и указания по оперативным вопросам давал представитель ставки фюрера (возможно, адъютант Гитлера Р. Шмундт. — *М.М.*).

На совещании было заявлено, что, во-первых, по-прежнему главной целью остается разгром всей русской армии. В связи с этим необходимо захватить Петербург и побережье Балтийского моря, оккупировать Крым и всю Украину. Было подчеркнуто, что нужно взять и Москву, но сразу же сделана оговорка: «Если Москва взята не будет, то необходимо выводить из строя ее промышленность. В первую очередь захватить Великие Луки». Отметим, что взятие Великих Лук обеспечивало немцам стык между ГА «Центр» и ГА «Север», от которого зависел успех последующих операций этих объединений.

Далее представителем ОКВ был высказан ряд указаний по оперативным вопросам, смысл которых отражает стремление германского командования, с одной стороны внести изменения тактику действия войск, а с другой, подготовить их к вероятному завершению кампании в России уже следующем году: «Танковые группы вводить в действие иначе, чем это было до сих пор; не продвигаться

слишком глубоко, а применять тактику небольших мешков. В первую очередь стремиться — охватить и уничтожить...

Избегать боев в населенных пунктах и лесах, продвигаться вперед и ударять с тыла...

Не уничтожать без толку дома, так как они нужны для зимних квартир»¹²⁷.

Итак, немцы уже в августе стали подумывать о зимовке в России. Факт примечательный, хотя он видимо не понравится тем исследователям германской армии, которые объясняют поражения вермахта зимой 1941/42 г. злыми русскими морозами. Почему же тогда германское командование не подготовилось к ним заранее раз еще летом предполагало, что придется воевать и в следующем году? Надеюсь, что германские солдаты отсилятся в теплых домах? А советские войска будут настолько ослаблены, что не смогут предпринять активных действий?

Факты говорят за то, что Гитлер рассуждал примерно так. Раз не удастся быстро покончить с Россией, раз потери в танках не позволяют уже бросать танковые группы на большую глубину, то необходимо, в первую очередь, ослабить противостоящие войска Красной армии и захватить богатства Украины. Это был осторожный вариант дальнейших действий, и Гитлер пошел на него вынужденно. Велика была и угроза со стороны войск Юго-Западного фронта правому флангу ГА «Центр».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что быстрое уничтожение советских армий под Киевом давало вермахту шанс, сконцентрировав затем основные силы на главном направлении, провести решающее наступление на Москву еще до наступления морозов. Гитлер об этом знал. Поэтому он, при непосредственном участии начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля, подготовил новую директиву, которая 21 августа 1941 г. была направлена командующему сухопутными войсками: «Соображения главного командования сухопутных войск относительно даль-

нейшего ведения операций на востоке от 18 августа не согласуются с моими планами...

Приказываю: 1. Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами...»

Только при этих условиях, — указывалось в директиве, — создавались предпосылки и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий Тимошенко, то есть советских войск, прикрывавших Москву¹²⁸.

По сути дела, директива от 21 августа означала признание Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 году он вряд ли бы смог, — большинство генералов на фронте отнеслось бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно. Чувство неуверенности и беспокойства за судьбу кампании, которые возникли тогда в высшем руководстве и в штабах немецкой армии как нельзя лучше отражает еще один документ из фондов советской военной разведки. Он был составлен по агентурным данным 24 августа 1941 г. и озаглавлен как «Планы и внутривосточное положение Германии». В его тексте говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, и, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы, особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством «было слабо изучено как внутривосточное положение страны, так и состояние Красной армии». Отмечалось, что «зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать

для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию»¹²⁹.

Последние слова вызывают недоумение: какими, например, силами немцы хотели вторгаться на Британские острова? Однако здесь для нас важно, прежде всего упоминание о «зимней передышке», о провале «молниеносной войны».

В противоборстве Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Фланговая угроза ГА «Центр» обострилась, но на ее ликвидацию требовалось теперь значительное количество времени. Германское командование чувствовало, что до начала зимы кампания в России вряд ли будет завершена, — тем более, что группировка советских войск на московском направлении в августе месяце значительно усилилась. Немецким генералам было ясно, что о легком продвижении в направлении советской столицы придется забыть. На главном стратегическом направлении, под Смоленском, Красная армия предотвратила дальнейший прорыв механизированных соединений вермахта на восток. Это позволило советскому военному руководству вначале организовать оборону подходящих к фронту свежих советских дивизий, а затем провести их силами ряд контрударов.

Война с Россией пошла для Германии по другому сценарию, чем с Польшей и западноевропейскими странами. Гитлеру не удалось здесь получить полную свободу действий. В результате германские войска оказались в непростом положении. Генералы вермахта планировали до войны, что темп наступления вглубь территории СССР всех трех групп армий будет примерно одинаковым, а при задержке немецкого продвижения к Ленинграду (навстречу финнам) ГА «Центр» поможет ГА «Север». Но эта помощь оказалась недостаточной. Более того, ясно обнаружилась диспропорция в темпах наступления групп армий на различных направлениях. Первая цель наступления, Ленинград, — держался; Киев советское командование также не

думало сдавать. Нерешенность основных стратегических задач кампании (несмотря на захват значительных территорий европейской части СССР) с возрастающей силой начинала довлеть над командованием вермахта, вынуждать его в спешном порядке искать выход из уже наметившегося стратегического тупика.

Перед войсками фон Бока уже стояли обороняющиеся советские части. Наглядным доказательством пробуксовки стратегии блицкрига для него стал тот факт, что подчиненные ему армии стали постепенно терять возможность беспрепятственно воплощать в жизнь уже проверенные оперативно-тактические приемы, успешно применявшиеся вплоть до Смоленского сражения. Но в конце августа стало ясно, что никакого преследования противника на главном направлении и разгрома его частей по частям не предвидится, необходимо проводить перегруппировку войск. В сложившейся ситуации было не только рискованно, но и практически невозможно продолжать наступление на Москву, не предоставив отдыха частям вермахта и не пополнив их личным составом. Новые операции требовали дополнительного времени на их подготовку.

Первая причина приостановки немецкого наступления на Москву — советское сопротивление под Смоленском; вторая (но не менее важная) — сопротивление на других участках фронта. Именно упорная оборона Красной армии на флангах советско-германского фронта отвлекла соединения вермахта, предназначенные для удара по столице. Проводимая переброска 2-й танковой группы и 2-й армии на юг отнюдь не являлась тем мероприятием, которое создавало выгодные условия для «очищения позиции в центре», но была вынужденной и чрезвычайной мерой. Приостановка операций вермахта непосредственно против сил Красной армии, прикрывавших столицу, создавала для ОКВ и ОКХ проблему нехватки времени, грозила затяжной войной, к которой Германия не была готова.

Однако это не означало, что опасность, нависшая над Советским Союзом, уменьшилась. Напротив, германская армия готовилась к нанесению в ближайшие недели решающих ударов на Ленинград, Крым и Донбасс. Эти удары призваны были окончательно сокрушить советский военный потенциал и создать выгодные предпосылки для завершающего всю «восточную кампанию» наступления на Москву.

Нельзя не сказать в этой связи и о значении советской обороны под Киевом. С позиции сегодняшнего дня легко критиковать решение Ставки ВГК не отдавать врагу столицу Советской Украины и не отступать за Днепр (против чего, в частности, выступал в конце июля 1941 г. тогдашний начальник Генштаба РККА генерал армии Г.К. Жуков¹³⁰).

Действительно, впоследствии восточнее Киева было окружено и уничтожено несколько советских армий. Но сегодня ясно и другое — Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы, не взяв Киева, не обезопасив южный фланг ГА «Центр». Немцы повернули свои войска с главного направления, но потеряли при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих советских соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября — ноября месяца) в Московской битве. Во многом благодаря этим резервам столица была спасена. Некоторые современные исследователи отмечают, что войска Юго-Западного фронта в любом случае были обречены на тяжелое поражение¹³¹.

Возвращаясь к событиям того времени, необходимо еще раз подчеркнуть, что изложенные выше мнения о продолжении вермахтом кампании в России и в 1942 г. отражали реальную обстановку на фронте в конце августа — сентябре 1941 года. Однако генералы в войсках имели твер-

дое намерение взять Москву и завершить войну к концу 1941 г. Гитлер также надеялся, что после уничтожения советских войск на Украине появятся хорошие шансы наступления на главном направлении.

Штаб ГА «Центр», сообразуясь с новыми задачами, отдал 24 августа 1941 г. приказ о проведении дальнейшего наступления (приказ № 900/41), указав, что главной задачей является «взаимодействием внутренних флангов ГА «Центр» и ГА «Юг» уничтожить 5-ю советскую армию до того, как ей удастся отступить на линию Сула, Конотоп, р. Десна... закрепиться в районе восточнее среднего течения реки Днепр и продолжать операции в направлении Харьков». Для выполнения этой задачи группе предстояло наступать в южном направлении. Ближайшей целью для 2-й армии и 2-й танковой группы были предмостные плацдармы между Черниговым и Новгород-Северским¹³².

25 августа, в дополнение к этому приказу, фон Бок в телеграмме, направленной в 9-ю армию (для информации также в 4-ю армию и 3-ю танковую группу), определил задачи для соединений, действующих и на левом (северном) фланге его группы: «...Намерением главного командования сухопутных войск, — отмечалось в телеграмме, — является уничтожение русских сил, расположенных западнее Валдайской возвышенности...» 9-я армия должна была завершить бои у Великих Лук. После разгрома «незначительных русских сил» командование группы армий намеревалось создать «особенно выгодный, экономящий силы фронт, чтобы окончательно ликвидировать угрозу глубокому флангу ГА «Север» и одновременно создать выгодный плацдарм для участия в последующей операции в общем направлении на восток.¹³³

Однако дальнейшие глубокие операции в направлении Валдайской возвышенности пришлось пока отложить. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й танковой группы, которые, в свою очередь, должны были получить пополнение. Как отмечалось в отчете о бое-

вых действиях 3-й танковой группы за 12 июля — 10 августа 1941 г.: большие потери, физическая нагрузка на войска, ожесточенное сопротивление противника, способствовали появлению у войск необходимости пополниться и получить отдых, что было удовлетворено командованием. О продолжении наступательных операций пока еще не было принято решения¹³⁴.

Немецкие генералы продолжали рассчитывать, что завершение сражения у Смоленска и в районе Невеля создаст условия, когда им «не придется считаться с каким-либо серьезным сопротивлением противника и сплошной крепкой обороной на пути наступления до самой Москвы»¹³⁵. Казалось, германское командование не могло не видеть, что под Москвой сосредотачиваются крупные силы Красной армии, которые к тому же непрерывно контратаковали части вермахта, однако немцы не считали их способными противостоять натиску германской армии.

Как уже отмечалось, директива фюрера от 21 августа 1941 г. осложнила подготовку операций ГА «Центр» в направлении советской столицы. Командование сухопутных войск, группы армий «Центр», некоторые командующие германскими объединениями были против упомянутой директивы, и ряд генералов пытались убедить Гитлера в необходимости ее отмены. Они обратились к фюреру и настаивали на том, чтобы он издал распоряжение о немедленном возобновлении наступления на Москву. Историк А. Кларк в своей работе «Барбаросса» пишет, что начальник генштаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер, пытаясь повлиять на верховного главнокомандующего и доказать ему необходимость продолжения операций на московском направлении в 1941 году, решил использовать для поддержки одного из талантливых немецких генералов «с фронта». Отправляясь в двадцатых числах августа в ставку Гитлера, он взял с собой Г. Гудериана. Однако Гитлера это не смутило. Он успокоил командующего 2-й танковой группой и убедил его в том, что планы, намеченные в новой директи-

ве, не отменяют удара по Москве. Как отмечал впоследствии Гальдер, фюрер посулил Гудериану, в том числе, лавры триумфатора очередного сражения и обещал не делить его объединение по частям, а использовать целиком против советского Юго-Западного фронта¹³⁶.

Можно предположить, что Гитлер сумел разъяснить своим генералам, в том числе Гальдеру и Гудериану, что сроки начала новой операции на московском направлении напрямую зависят от быстроты успеха на юге (в районе Киева) и на северном фланге ГА «Центр» (в районе Великих Лук). И это ему удалось. Однако, с другой стороны, и сам фюрер, видимо, пришел к выводу, что отступление от намеченных планов взятия Москвы и уничтожения «группировки Тимошенко»¹³⁷ еще в этом году не вызовет понимания в войсках. Более того, германское верховное командование исходило теперь из тех соображений, что Советский Союз в период возможного зимнего затишья 1941/42 г. значительно усилит свою мощь, восстановит производство на многих эвакуированных предприятиях, мобилизует дополнительные силы в Красную армию. Поэтому в конце августа — начале сентября 1941 г. в ОКВ осознали жизненную для вермахта необходимость завершающего штурма советской столицы еще до начала холодов. Только взятие Москвы обеспечивало победу германской армии, и, видимо, это хотели еще раз услышать и наконец услышали от фюрера немецкие генералы.

Мнение о том, что именно после встречи Гитлера с Гальдером и Гудерианом ОКХ получило одобрение своим намерениям штурма Москвы, подтверждается следующим документом германского командования — записью переговоров между начальником генштаба ОКХ и штабом группы фон Бока от 27 августа 1941 г. К этому времени германские войска смогли добиться некоторых успехов в районе Великих Лук, по поводу чего генерал-полковник Гальдер выразил свою «большую радость». Проблема северного фланга ГА «Центр», казалось, начала разрешать-

ся. В то же время начальник генштаба ОКХ разъяснил, что теперь «на южном крыле центрального фронта решающее значение имеет введение 2-й армии и танковой группы Гудериана... 2-я армия должна помочь 6-й армии преодолеть Десну в направлении с запада на восток, чем был бы разрешен весь вопрос Днепра, и только этим могло быть создано основание для всех дальнейших операций центрального фронта на восток¹³⁸.

Первое конкретное упоминание о решении начать подготовку к операции против войск, прикрывающих Москву, мы находим в Военном дневнике Гальдера. Начальник генштаба ОКХ сообщает о совещании командующего сухопутными войсками с Гитлером 30 августа 1941 г., где «было сделано только одно деловое указание, а именно, что части, находящиеся на фронте у реки Десна [входящие в состав ГА «Центр»], никак не предназначаются для проведения операций на юге, а наоборот, должны как можно скорее быть привлечены для операции против Тимошенко...»¹³⁹

Почти сразу же последовала реакция фон Бока, узнавшего о таком решении. В телеграмме, посланной 31 августа 1941 г. во 2-ю танковую группу (для информации в 4-ю армию), штаб ГА «Центр» сообщал, что «первой целью, которую должна достигнуть 2 ТГр, является линия Борзня, Бахмач, Конотоп. После этого последует новый приказ. Наступление танковой группы глубоко на юг или юго-восток не предполагается»¹⁴⁰. Командование ГА «Центр» рассчитывало, что ему удастся все же удержать поблизости от своих главных сил 2-ю танковую группу и сразу привлечь ее к предстоящему наступлению на Москву после завершения операции на юге.

Приказ фон Бока №1085/41 от 3 сентября 1941 г. требовал от войск 4-й и 9-й армий, занимавших центральный участок фронта, «удерживать достигнутые рубежи... по возможности щадить свои силы и выделять резервы... Проверить одежду и оснащение каждого солдата. Принять все меры,

чтобы наступление началось и успешно завершилось даже при тяжелейших погодных и дорожных условиях»¹⁴¹.

6 сентября 1941 г. последовала новая директива ОКВ № 35. Согласно ей германское верховное командование намечало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции. Первая — уничтожение советских войск под Киевом силами групп армий «Центр» и «Юг», и вторая — после устранения угрозы южному флангу группы «Центр» — решительное наступление войск фон Бока на Москву. Именно со дня выхода этой директивы берет начало непосредственная подготовка германской операции по захвату советской столицы, позже получившей кодовое наименование «Тайфун». Намеченный в ее тексте общий замысел наступления на Москву был в сентябре месяце доработан, а затем оформлен в виде приказов группы армий «Центр», в которых детально излагались задачи каждого объединения.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»

В преамбуле директивы № 35 Гитлер пояснил мотивы своего нового решения о наступлении на Москву. По его словам, «начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий “Центр” и “Север”, с точки зрения окружения Ленинграда, создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступления группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах...»

Таким образом, фюрер косвенно констатировал, что оборона Ленинграда, города, в который германские войска должны были войти раньше, чем в Москву, оказалась ему не по зубам. Не произошло и быстрого соединения

вермахта с финской армией. Окружение города на Неве ставило его защитников и жителей в тяжелейшее положение, однако и немцам приходилось теперь считаться с отвлечением крупных сил для его блокады. Так или иначе, Гитлер был вынужден смириться с незавершенностью операций в полосе ГА «Север» и довольствоваться тем, что вопрос об угрозе северному флангу группы фон Бока сделался на время менее острым. Продвижение в направлении Тихвина и далее навстречу финнам планировалось начать лишь в октябре.

Угроза южному флангу ГА «Центр» оставалась. В связи с этим Директивой № 35 предусматривалась еще до начала наступления на Москву операция на южном фланге советско-германского фронта. Войска Юго-Западного фронта должны были быть разгромлены «в треугольнике Кременчуг, Киев, Конотоп» силами ГА «Юг» и южного фланга ГА «Центр» с последующим проведением перегруппировки сил 2-й, 6-й армий и 2-й танковой группы для новой операции. На нижнем Днепре предусматривалось продолжить наступление на Крым и Мелитополь.

Незадействованные в операциях на южном фланге войска ГА «Центр» должны были готовиться к проведению в конце сентября решительного наступления в направлении на Москву. Это наступление предусматривало два этапа: первый — окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; и второй — преследование остатков советских войск вплоть до самой Москвы.

Основная идея разгрома соединений Красной армии на западном направлении заключалась в следующем: создать на флангах ГА «Центр» «сильные танковые части, и, в результате двойного охвата в направлении города Вязьма, уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Для удара моторизованных сил намечались два направления: «Первое — на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля [4-я армия] с нанесением удара на северо-восток» — туда перебрасывались

свежие 5-я и 2-я танковые дивизии; и «второе — в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый» — в этот район должны были быть подтянуты значительные силы из ГА «Север». Указывалось, что «только после того, как основная часть сил группы Тимошенко в результате этой операции будет уничтожена, группе армий “Центр”, примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву».

Германским ВВС ставилась задача поддержать наступление «особенно на северо-восточном направлении». Основные силы 2-го воздушного флота также должны были действовать на флангах.

Второй этап наступления (преследование противника до ворот Москвы) намечалось обеспечить: с южного фланга — продвижением «высвобождающихся моторизованных частей» с фронта ГА «Юг» в северо-восточном направлении, а с северного — наступлением ГА «Север» по обе стороны оз. Ильмень и навстречу финской «Карельской армии». Отдельным пунктом Гитлер подчеркивал необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций¹⁴².

Необходимо сразу подчеркнуть одну существенную деталь в плане германского командования. «Высвобождающиеся моторизованные части» с фронта ГА «Юг», т.е. соединения 2-й танковой группы, пока не предусматривалось вводить в наступление на главном направлении. Они должны были лишь прикрывать его южный фланг. Очевидно, что ОКВ беспокоилось за судьбу операции в районе Киева и не хотело опережать события. Более конкретную задачу группе Гудериана можно было поставить только в случае успешного развития боевых действий по разгрому советского Юго-Западного фронта. Естественно, такой поворот событий не устраивал командование ГА «Центр». Штаб фон Бока не оставлял надежды, что впоследствии ему удастся воспользоваться мощью 2-й танковой группы и расширить фронт атаки на московском направлении. Од-

нако пока приходилось планировать операцию на довольно узком участке, что было чревато серьезными осложнениями на флангах ГА «Центр».

Командование группы армий было вынуждено смириться с тем фактом, что даже при быстром успехе под Киевом 2-й танковой группе предстояло двинуться вначале на юг, затем, как предполагалось, опять на север — покрыть несколько сот километров. Это влекло за собой большой износ матчасти и физическое истощение военнослужащих (не говоря уже о потерях в личном составе и бронетехнике), а в конечном итоге грозило отсутствием тесного флангового взаимодействия 2-й танковой группы с наступающей из района Рославля 4-й армией.

После выхода Директивы № 35 началась кропотливая подготовка немецких войск к операции. Лимит времени заставлял германских генералов действовать быстро и энергично. В развитие директивы № 35 главное командование сухопутных войск указывало, что решающее значение имеет теперь переброска шести пехотных дивизий из 2-й и 6-й армий, двух танковых дивизий из Германии, высвобождающихся соединений ГА «Север», 2-й танковой группы в ГА «Центр» до начала октября 1941 г. Отмечалось, что наступление группы армий может осуществиться до начала октября при следующих условиях: а) боевые действия ГА «Юг» в междуречье Днепр—Десна закончатся в основном до 25 сентября; б) пехотные соединения ГА «Центр» к началу октября не будут ослаблены оборонительными боями; в) погодные условия будут благоприятствовать осуществлению передвижения; г) войска ГА «Центр» удержат фронт и сохранят за собой базу снабжения Смоленск¹⁴³.

Итак, основным замыслом первого этапа немецкого наступления на Москву осенью 1941 г. стал охватывающий удар на Вязьму. Вопрос, почему же была выбрана именно Вязьма, требует некоторого пояснения. Дело в том, что сама идея подобного охватывающего удара родилась еще в начале августа 1941 г., но не в недрах ОКХ и ОКВ, как

было принято считать ранее, а в штабе 3-й танковой группы. Офицер связи командования сухопутных войск, участвовавший в переговорах с командующим группой Г. Готом, 11 августа доносил следующее: «...общие соображения 3 ТГр более продуманы. 3 ТГр не ожидает, в целом, как 2 ТГр разгрома противника перед его фронтом только путем лобовой атаки. Командование группы больше видит возможность к его уничтожению во взаимодействии со 2 ТГр, в создании “мешка” с завершением восточнее Вязьмы, для чего требуется держать вблизи группу Гудериана...»¹⁴⁴

Хотя в сентябре 1941 г. части Г. Гудериана были отвлечены операцией на юге, идея «мешка» под Вязьмой не была забыта. 2-ю танковую группу призвана была заменить 4-я танковая группа генерала Гепнера, находившаяся в то время под Ленинградом. Это естественно ослабляло немецкие силы, предназначенные для захвата города на Неве, ставило под вопрос успешное соединение с финнами еще в 1941 г., однако, давало германскому командованию шанс сконцентрировать все имеющиеся силы на главном — московском направлении. В дальнейшем, несмотря на то, что 4-я танковая группа еще некоторое время действовала на северном участке советско-германского фронта, расчеты ОКХ и ГА «Центр» стали основываться на ее участии в предстоящем наступлении на Москву.

После выхода директивы № 35 Вязьма стала фигурировать почти во всех документах германского командования, посвященных предстоящему наступлению. Более того, название этого города часто упоминалось в переговорах по телеграфу командующего ГА «Центр» с главнокомандующим сухопутными войсками. После 6 сентября между этими двумя военачальниками возникли некоторые разногласия относительно глубины продвижения германских войск на первом этапе операции. Как теперь представляется, эти разногласия стали отражением сложившейся тогда обстановки на фронтах и изменившимся с начала кампании характером боевых действий.

И для фон Бока, и для фон Браухича было ясно, что наступление дальше откладываться не может, но оба они никак не могли прийти к согласию относительно следующего вопроса: где должны соединиться танковые клинья окружения — там, где это было указано в директиве (у Вязьмы) или все-таки дальше на востоке? Фон Бок предлагал не ограничиваться районом Вязьмы, а продвинуться дальше к Гжатску. Фон Браухич был осторожен и считал, что вариант завершения окружения у Вязьмы наиболее оптимален. Обратимся к трофейным документам.

8 сентября 1941 г. фон Бок просил главное командование сухопутных войск учесть следующие замечания: «...Рубежи укреплений по обеим сторонам Вязьмы, а также глубокоэшелонированное построение этих оборонительных рубежей позволяют провести операцию только за ними, то есть в направлении на Гжатск...»¹⁴⁵

Фон Браухич придерживался другого мнения. 12 сентября он сообщил командующему группой: «...Основная цель операции, проводимой ГА "Центр", должна заключаться в том, чтобы вывести из строя расположенный в центре группы войск Тимошенко основной стержень сосредоточения войск противника на ограниченной территории и плотным охватом уничтожить его...» Браухич отмечал, что немедленный удар на Москву из-за недостатка сил невозможен и только уничтожение окруженного противника позволит осуществить дальнейшие цели. «...Для намеченного двустороннего охвата ядра группировки Тимошенко необходимо взять направление общего наступления на Вязьму...»¹⁴⁶

В тот же день командующий ГА «Центр» в донесении в генштаб ОКХ вновь указал, что необходимо «вместо охвата позиций противника под Вязьмой вклиниться в них сосредоточенным ударом флангов. По имеющимся сведениям, противник располагает достаточным количеством сил на тыловых оборонительных участках. Таким образом, внутренние фланги ударных группировок удастся соединить только восточнее Вязьмы, примерно на полпути к Гжатску»¹⁴⁷.

Необходимо отметить, что сведения фон Бока были не совсем верными. Немецкая разведка ошибалась. Основные советские резервы находились в непосредственной близости от фронта. (Значительные силы советского Резервного фронта были сосредоточены западнее Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа или занимали совершенно самостоятельный участок обороны между Западным и Брянским фронтами. — М.М.) Однако согласно данным немецкой разведки выходило, что ГА «Центр» должна была встретить крупные советские силы восточнее Вязьмы; это подтверждалось и отчетными картами генштаба ОКХ («Lage Ost») за сентябрь 1941 г., на которых была нанесена непроверенная оперативная информация. В сводках отдела по изучению иностранных армий Востока говорилось: «...Признаков отступления противника перед центральным участком не наблюдается. Напротив, все больше подтверждается, что противник перегруппировывается к обороне и при этом рассредоточивается в тыл...» (сводка № 102 от 25 сентября 1941 г.)¹⁴⁸. Однако суть разногласий германских командующих от этого не меняется. Фон Браухич пользовался теми же разведданными, что и фон Бок. Причина их спора не в различных источниках информации, а несколько глубже — она в различной оценке возможностей немецких войск, готовившихся к завершающему удару на Москву.

И под Минском, и под Смоленском германские танковые части старались продвинуться как можно дальше и охватить как можно больше сил противника. По сути, фон Бок в сентябре 1941 г. продолжал придерживаться этой прежней линии. Браухич, напротив, теперь отдавал предпочтение более осторожной точке зрения, считая силы ГА «Центр» недостаточными для более глубокого охвата группировки Тимошенко, чем это было запланировано в директиве № 35. Он предлагал, прежде всего, уничтожить советские войска, расположенные в непосредственной близости от фронта.

Необходимо подчеркнуть, что фон Браухич, в отличие от фон Бока, поддерживал мнение тех генералов, которые считали, что слишком глубокий охват противника становится теперь все более опасным, он чреват тем, что наступление может не достигнуть своей цели. Так, представители генштаба ОКХ, находившиеся при 3-й танковой группе, предостерегали, что «при выходе к далеко отстоящим целям фронт охвата противника будет, как и до сих пор, недостаточно плотен и в этом случае крупные вражеские силы смогут прорваться и выйти, избегнув окружения, которое возможно будет завершить спустя лишь продолжительный срок. Время, же которое имеется в нашем распоряжении, ограничено»¹⁴⁹.

В конечном итоге в ОКХ решили использовать в первую очередь тактику «небольших мешков», а тем самым косвенно признавалось, что «тактика блицкрига» в России себя не оправдывает; сделалось необходимым на ходу приспособляться к действиям советских частей. Интересно, что 25 сентября 1941 г. начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер приказал подчиненным ему офицерам связи собрать в войсках данные о приобретенном опыте кампании. Одним из вопросов, который рекомендовалось задавать полевым командирам, был следующий: «Вызывает ли чувствительность флангов необходимость отказаться от применявшегося до сих пор принципа продвигаться далеко вглубь [обороны противника]»¹⁵⁰.

Браухич настоял на своем, то есть на завершении охвата именно в районе Вязьмы. Фон Бок и далее не оставлял надежды на то, что ОКХ согласится с его мнением и позволит более глубокий первый удар, чтобы перерезать противнику жизненно важные коммуникации, разбить его резервы и уничтожить средства управления¹⁵¹. Но первоначальный замысел изменен не был. Все произошло так, как предписывалось в директиве ОКВ № 35, хотя Боку ранее и было обещано, что «все двери будут оставлены открыты-

ми»¹⁵². Отказ германского командования от более глубоко охвата противника — стало одной из особенностей подготовки новой операции.

* * *

Приготовления германских войск к операции в полной мере учитывали местность для предстоящего наступления, вопросы своевременного подвоза войск, маскировки. Генштаб ОКХ определял количество корпусов и дивизий необходимых для каждого направления, уточнял оперативные планы. Развертывание войск и их сосредоточение были возложены на командование группы армий, которому вменялось в обязанность руководить операцией. Выпускники германской академии генштаба (офицеры генштаба), находившиеся непосредственно в войсках и занимавшие различные командные должности, были ответственны за конкретизацию задач каждого соединения.

Необходимо отметить, что на начальном этапе подготовки операции большое внимание уделялось тому, чтобы район сосредоточения находился на значительном расстоянии от района наступления. Противник не должен был сделать правильного заключения о направлении главного удара¹⁵³. Огромное значение для успеха наступления приобретали: маскировка, дезинформация противника (в том числе радиообман), распространение в тылу противника ложных слухов, а также учет рельефа местности, бесперебойное снабжение боеприпасами и т.д.

Масштабы приготовлений ГА «Центр» к наступлению в сентябре 1941 г. значительно превосходили все мероприятия группы по обеспечению наступательных действий в июле-августе 1941 г. Практически впервые после начала войны против Советского Союза ОКХ и штаб ГА «Центр» так скрупулезно и тщательно решали вопросы управления и взаимодействия войск. Задачи ставились объединениям, находящимся не в наступлении, как это было в предыдущие недели и месяцы, а в обороне или на пути к линии фронта.

С одной стороны, это упрощало подвоз техники и боеприпасов, пополнение частей резервами, а с другой (как это было перед началом войны) — появлялась возможность детальной проработки района предстоящих боевых действий, изучения противостоящих сил противника.

В основу замысла уничтожения противостоящих советских сил (как это было и перед началом наступления ГА «Центр» в Белоруссии в июне 1941 г. и позднее у Смоленска) был положен двусторонний охват противника. Ударные группировки ГА «Центр» были разведены на фронте и готовились окружить советские войска, прикрывавшие московское направление. Северная группировка сосредотачивалась в районе Духовщины, а южная — под Рославлем. Расстояние между группировками (острие которых должны были составить танковые соединения) было равным примерно 150 км, то есть почти в два раза меньшим, чем между 2-й и 3-й танковыми группами перед началом «Барбароссы». Такое построение войск было вызвано, во-первых, необходимостью взять в кольцо наиболее многочисленную советскую группировку, расположенную вдоль шоссе Минск—Москва, а во-вторых, тем, что немецкая разведка знала, в каких именно местах передняя линия эшелонированной советской обороны имеет наибольшую, а в каких наименьшую плотность. Немецкие удары приходились по слабым участкам советского фронта и позволяли уже на начальном этапе сражений избежать крупных потерь. 19 сентября предстоящая операция получила кодовое наименование «Тайфун».

* * *

К середине сентября 1941 г. немецкому командованию стало ясно, что бои на Украине возможно будет завершить до конца текущего месяца. Следовательно, появилась возможность задействовать в предстоящем наступлении в полную силу моторизованные и танковые соединения 2-й танковой группы. С другой стороны, окончательно решил-

ся вопрос использования на фронте ГА «Центр» крупных сил из ГА «Север». 15 сентября Гитлер отдал приказ о переброске 4-й танковой группы на центральное направление для участия в наступлении на Москву. Максимальные силы и средства сосредотачивались против «группировки Тимошенко».

Следует упомянуть об еще одном важном обстоятельстве. Как уже отмечалось, к началу наступления германское командование сумело получить достоверные сведения о расположении советских войск на передней линии обороны. Еще 12 сентября фон Браухич отметил, что направление восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта. Чуть позднее, в своей сводке № 102 от 25 сентября 1941 г., отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ сообщил о прочности советской обороны напротив внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, то есть непосредственно в районе шоссе Москва—Смоленск¹⁵⁴.

16 сентября 1941 г. фон Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»), которая в полной мере учитывала сложившуюся к тому времени ситуацию на фронте германских сил. Согласно оперативному замыслу, разработанному штабом группы и изложенному в этой директиве, 4-я армия (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я армия (с подчиненной 3-й танковой группой) должны были осуществить прорыв обороны противника по обеим сторонам шоссе Рославль—Москва и севернее автодороги Смоленск—Москва и зажать противника в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои войска в направлении на Ржев. Задачей 2-й армии было наступление на Почеп и Снопоть в направлении на Сухиничи, Мещовск и на южном фланге на Брянск. 2-й танковая группа, местом сосредоточения которой являлась местность в районе Рыльск, Почепа и Новгород-Северский, должна была ударить через линию Орел—Брянск. Указывалось, что танковая группа продвигается «с юга в направ-

лении позиций противника на реке Десна и вытесняет его во взаимодействии со 2-й армией в дуге рек Судость, Десна». Главное командование сухопутных войск дало указания, чтобы правый (южный) фланг 2-й танковой группы прикрывался реками Свапа и Ока.

В директиве также говорилось, что ситуация на флангах группы армий «Центр» в период наступления будет следующей: на северном фланге — 16-я армия (ГА «Север») будет «оборонять линию озер на участке Осташков, озеро Ильмень, Волхов»; а на южном фланге — соединения ГА «Юг», предположительно, будут «наступать в общем направлении на Харьков»¹⁵⁵.

Для операции предназначались силы двадцати двух немецких корпусов. В наступлении должны были принять участие (теперь в полном объеме) соединения 2-й танковой группы. Более того, под Рославль перебрасывалась из района Ленинграда соединения 4-й танковой группы. Из состава ГА «Юг» фон Бок получал также две танковые, две пехотные и две моторизованные дивизии. Из резерва главного командования группе армий были переданы полностью укомплектованные 2-я и 5-я танковые дивизии, прибывшие из Германии, которые должны были войти в состав 40-го корпуса, 4-й танковой группы¹⁵⁶. 19 сентября началась переброска в район действия ГА «Центр» 27-го армейского корпуса из района расположения ГА «Д» (во Франции)¹⁵⁷.

Таким образом, общий фронт предстоящего наступления ГА «Центр» против советских сил на западном направлении расширился до 600 км: от верховий Западной Двины на севере до Глухова и Шостки (Украина) на юге. Это давало возможность проводить операцию более решительно, использовать широкий маневр и не опасаться удара по южному флангу соединений, предназначенных для окружения противника под Вязьмой.

Часть дивизий ГА «Центр» оставалась в обороне восточнее и северо-восточнее Смоленска. Интересно, что в резерве группы армий оставались всего два соединения:

19-я танковая дивизия и 900-я учебная бригада, кроме того, имелся моторизованный полк СС «Великая Германия».

Некомплект личного состава немецких соединений, составлявший на конец августа в некоторых дивизиях до 25%¹⁵⁸ (при штатной численности германской пехотной дивизии 16 859 чел., моторизованной — 14 089 чел. и танковой — 16 000 чел.) был пополнен в пехотных дивизиях живой силой, примерно до 90% штатной укомплектованности. Количество танков в танковых и моторизованных дивизиях было доведено до 80—100% по штату¹⁵⁹.

Вследствие подвоза танков, моторов и запасных частей к началу октябрьского наступления ГА «Центр» количество находящихся в ней боеспособных танков увеличилось в два-три раза. Более того, 4-я танковая группа получила полностью укомплектованные 2-ю и 5-ю танковые дивизии. Учитывая, что на 1 октября 1941 г. ГА «Центр» насчитывала 1700 танков, входивших в состав 14 танковых дивизий¹⁶⁰, то в среднем на танковую дивизию приходилось около 120 бронированных машин. Согласно штатному расписанию, немецкая танковая дивизия могла включать в свой состав от 135 до 209 танков.

Часть соединений, перебрасываемых в группу армий с других участков фронта, оставались пока на значительном расстоянии от фронта. В частности, в 20-х числах сентября в Невеле сосредотачивались штабы и части 57-го, 41-го, 56-го корпусов. ОКХ обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск, выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время и с проведением мероприятий по дезинформации противника. Перемещение частей необходимо было производить по возможности в ночное время¹⁶¹.

К началу операции общая численность ГА «Центр» достигла 1 929 406 чел. Она имела свыше 14 тыс. орудий и минометов, около 1390 самолетов. В общей сложности, к наступлению готовилось 78 дивизий (включая 14 танковых и 8 моторизованных). Авиационное обеспечение осущест-

влял 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга в составе двух авиакорпусов и одного зенитного корпуса¹⁶².

Накануне наступления командование 2-го воздушного флота тщательно спланировало взаимодействие авиации с сухопутными войсками. Для облегчения связи штаб Кессельринга размещался рядом со штабными палатками ГА «Центр» в лесном лагере около Смоленска. Предполагалось, что 8-й авиакорпус и его части ПВО будут содействовать прорыву 3-й танковой группы генерала Гота, «авиасоединение взаимодействия с наземными войсками» из состава 2-го авиакорпуса и 2-й корпус ПВО генерала О. Десслоха станут прикрывать колонны 4-й танковой группы генерала Гепнера, а специальное соединение подполковника графа К. фон Шенборна, входящее во 2-й авиакорпус, совместно с переброшенным с юга 1-м корпусом ПВО генерала В. фон Акстельма способствовать прорыву 2-й танковой группы генерала Гудериана¹⁶³.

Германские силы на московском направлении составляли теперь 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества, находящегося на всем Восточном фронте¹⁶⁴.

Показательно, что по сравнению с 22 июня 1941 г. в состав ГА «Центр» входило теперь на два объединения больше, — добавились 2-я армия и 4-я танковая группа; а общее число дивизий увеличилось в 1,5 раза. Никогда немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковых объединения из четырех. Силы противостоящей группировки Красной армии значительно уступали войскам ГА «Центр». В состав советских соединений на московском направлении входило: 1 250 тыс. чел., 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов¹⁶⁵.

По последним уточненным данным количество советских самолетов на московском направлении было большим. Можно даже говорить о примерном равенстве авиа-

ционных сил сторон на 1 октября 1941 г. Во фронтовой авиации имелось тогда 568 самолетов (389 исправных), а в 6-м истребительном корпусе ПВО (командир — полковник И.Д. Климов) — 432 (343 исправных). Более того, через несколько дней после начала битвы Ставка привлекла к ударам по немецким войскам пять дивизий дальней бомбардировочной авиации¹⁶⁶.

Чрезвычайно важное значение для успеха операции «Тайфун» имело более чем полуторное превосходство немецких войск в танках. Примечательно, что ГА «Центр» сумела нанести поражение советскому Западному фронту в конце июня начале июля 1941 г., значительно уступая ему в танках (2189 танков у Западного фронта¹⁶⁷ и 1590 танков у ГА «Центр»). Теперь же наоборот, группа «Центр» значительно превосходила по танкам силы трех советских фронтов (Западного, Резервного и Брянского), прикрывавших московское направление (1700 танков у ГА «Центр» и 990 танков у советских фронтов).

Во второй половине сентября 1941 г. в штабе ГА «Центр», в штабах ее объединений продолжалась кропотливая работа по подготовке операции. Все это время уточнялись задачи каждого соединения. 24 сентября в штаб-квартире фон Бока состоялось последнее оперативное совещание всех командующих немецкими полевыми армиями и танковыми группами с участием главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухича и начальника генштаба ОКХ Ф. Гальдера. На следующий день, по итогам совещания, были даны следующие указания: День «Д» (начало операции ГА «Центр») для 2-й танковой группы — 30 сентября; для всех остальных соединений — 2 октября¹⁶⁸. Генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска.

26 сентября 1941 г. фон Бок подписал приказ № 1620/41 о наступлении. В его первом абзаце говорилось:

«После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление». Предусматривался удар 4-й армии и подчиненной ей 4-й танковой группы по обеим сторонам шоссе Рославль—Москва, а затем их поворот на Вязьму. 9-я армия и подчиненная ей 3-я танковая группа должны были продвигаться через район г. Белый к железной дороге Вязьма—Ржев, а затем повернуть в районе верхнего течения Днепра в направлении автодороги западнее Вязьмы. 2-й полевой армии ставилась задача прорвать позиции противника в районе р. Десна и наступать на Сухиничи, Мещовск, в то время как 2-й танковой группе — нанести удар в направлении Орел—Брянск и во взаимодействии со 2-й армией вытеснить противника из района дуги рек Судость и Десна.

Отмечалось, что ГА «Север» силами 16-й армии будет прикрывать линию севернее оз. Жеданье, а ГА «Юг» наступать в восточном направлении севернее Харькова.

2-му воздушному флоту ставилась задача уничтожить советскую авиацию перед фронтом ГА «Центр» и поддерживать наступление всеми силами. В связи с этим налеты на промышленные предприятия отходили пока на второй план¹⁶⁹.

* * *

К началу операции «Тайфун» общая ситуация на советско-германском фронте оставалась крайне тяжелой для Красной армии. На ряде направлений немцам удалось добиться новых крупных успехов.

В середине сентября 1941 г. части Красной армии на Украине оказались в критической ситуации. 12 сентября войска 1-й танковой группы (командующий генерал Э. Клейст) ГА «Юг» развернули наступление с Кременчугского плацдарма на Днестре и прорвали фронт обороны советских войск. 16 сентября они соединились в районе Лохвицы со 2-й танковой группой, наступавшей в южном направлении. 5-я, 37-я, 26-я армии и частично войска 38-й

и 21-й армий Юго-Западного фронта оказались в окружении. Большая часть советских солдат и офицеров попала в плен¹⁷⁰. По немецким источникам в районе Киева было захвачено около 600 тыс. чел.¹⁷¹ По отечественным данным весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. чел.¹⁷²

На северном фланге ГА «Центр» продолжали развиваться операции 57-го немецкого корпуса 9-й армии (имевшего в составе 19-ю и 20-ю танковые дивизии), временно подчиненного в оперативном отношении ГА «Север». Корпус имел цель наладить взаимодействие между 16-й и 9-й армиями вермахта¹⁷³.

Северный фланг предстоящего наступления на Москву в конце сентября 1941 г. не переставал беспокоить командующего ГА «Центр». Стойкая оборона советских соединений западнее Валдайской возвышенности и условия той местности препятствовали продвижению сил 16-й армии (ГА «Север»), которые должны были помочь группировке фон Бока в наступлении на Москву. К середине сентября 1941 г. ГА «Север» сумела форсировать р. Ловать, захватить Демянск и выйти на подступы к Осташкову. Но в то же время, германская разведка отметила переброску восьми советских дивизий на фланги ГА «Центр», в том числе на ее стык с ГА «Север»; укрепление оборонительной системы на Валдайской возвышенности¹⁷⁴.

Вопрос о поддержке наступления на Москву со стороны группы армий «Север» неоднократно обсуждался между главным командованием сухопутных войск и штабом фон Бока. Однако командующему ГА «Центр» пришлось сильно разочароваться. В соответствии с приказом ОКХ № 1494/41 от 10 сентября 1941 г., группа армий фон Лееба освобождалась от задач по поддержанию тесной связи с северным флангом 9-й армии. Основанием для такого приказа послужила именно непростая ситуация, которая сложилась тогда на правом фланге ГА «Север»¹⁷⁵.

Фон Бок, узнав об этом решении, сильно усомнился возможно ли будет вообще осуществить охват противника. Почти немедленно он послал ответную телеграмму в ОКХ, в которой попытался выразить свой протест: «...Командование группы армий на основании поступившей директивы фюрера от 6 сентября 1941 г. рассчитывало на поддержку при наступлении со стороны группы армий "Север"... Такая поддержка делается невозможной. Приказ о двойном охвате противника делается необоснованным, фронтальное наступление 9-й армии усложняется настолько, что, учитывая снизившуюся в результате тяжелых оборонительных боев боеспособность соединений армии, стоит серьезно взвесить можно ли еще в этих условиях осуществлять наступление...»¹⁷⁶

12 сентября в новой телеграмме в штаб ГА «Центр» Браухич успокоил Бока довольно своеобразным способом, выразив надежду, что «при тщательной подготовке и благодаря умелому и опытному командованию поставленная цель будет выполнена»¹⁷⁷. Однако 19 сентября 1941 г. ОКХ вновь поставило фон Бока в известность, что «силы 16-й армии будут, вероятно, полностью заняты южнее оз. Ильмень по отражению вероятного наступления противника...» и, следовательно, в атаке участия принимать не будут¹⁷⁸.

Фон Бок хорошо знал, что забота о флангах является одной из основных задач в предстоящем наступлении. И если на южном фланге ситуация складывалась более или менее приемлемая, то на северном теперь можно было ждать значительных осложнений.

В то же время в полосе самой ГА «Центр» немецкая разведка наблюдала сокращение наступательной активности советских Западного и Резервного фронтов. Отдел по изучению иностранных армий Восточного фронта генштаба ОКХ 15 сентября 1941 г. отметил в своей ежедневной сводке: «... Советские пленные офицеры (захваченные на участке фронта ГА «Центр». — М.М.) говорят о переходе к обороне. Дальнейшие планы русского командования пока не ясны...

Следует учитывать возможность, что в ближайшие дни русские произведут перегруппировку к обороне и, возможно, снимут часть сил с фронта перед ГА «Центр»¹⁷⁹.

Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г. более или менее стабилизировалось. Части Западного, Резервного и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери июля — начала августа 1941 г. войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать. В августе-сентябре 1941 г., с прибытием на фронт свежих сил, ими было проведено ряд частных наступательных операций. 6 сентября 1941 г. войска 24-й армии (командующий генерал-майор К. Ракутин) выбили немцев из Ельни. Освобождение этого города имело для Красной армии огромное значение как в военном, так и в моральном плане: во-первых, устранялся опасный плацдарм для наступления на Москву; во-вторых, советские бойцы воспрянули духом, они увидели, что врага можно успешно бить и гнать на запад. Взятие Ельни, по сути дела, являлось первой серьезной и удачно проведенной наступательной операцией Красной армии.

Хотя накал сражений в полосе ГА «Центр» несколько снизился, офицеры в боевых частях все чаще стали отмечать усталость военнослужащих вермахта. Отсутствие продвижения вперед, тяжелые условия фронтового быта, ежедневные неизбежные потери тяжело воспринимались германскими солдатами, привыкшими до этого к легким победам. Так, 268-я пехотная дивизия, согласно отчета офицера связи ОКХ при штабе ГА «Центр», потеряла к середине сентября 1941 г. уже 2 684 чел. убитыми и ранеными, но отдыха с начала кампании так и не получала. Личный состав дивизии «продолжал ютиться в землянках... почти не спал по ночам, завшивел... 45% ее военнослужащих имели заболевания кишечника, у 15% — заболевания с лихорадочны-

ми явлениями...»¹⁸⁰ Большие потери имели место и в других немецких соединениях.

В период подготовки «Тайфуна» германское командование было сильно обеспокоено тем, что до начала холодного времени года осталось не так уж много времени. Однако фон Браухич полагался на «умелое и опытное командование», имея в виду штаб ГА «Центр» и лично фельдмаршала фон Бока, и надеялся, что тот способен в сжатые сроки добиться победы в сражении. После разгрома окруженных советских войск о сопротивлении Красной армии, по мнению ОКХ, можно было забыть.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о самом Федоре Боке, который до этого времени успешно руководил операциями вверенной ему группы. Личность командующего чрезвычайно точно подходила для осуществления агрессивных намерений германской военной машины и отражала настроения высокопоставленных представителей немецкого офицерского корпуса, воспитанных в духе прусских военных традиций. Характер этого полководца сыграл определенную роль в осуществлении наступления на советскую столицу.

Федор Бок родился в старинном немецком городе Кюстрин, на реке Одер, казармы которого помнили еще времена Фридриха Великого. Отец его был прусским генералом. С детства впитав в себя страсть к военному делу, Ф. Бок поставил себе главную цель жизни — во чтобы то ни стало достичь высших армейских должностей. Он окончил военную академию, служил в генеральном штабе, а в годы Первой мировой войны участвовал в сражениях на Сомме и при Камбре, был старшим офицером генштаба при 200-й пехотной дивизии. После войны занимал ряд командных должностей в рейхсвере, быстро продвигаясь вверх по служебной лестнице. Будучи сотрудником Х. фон Секта, участвовал в деятельности «черного рейхсвера». Фон Бок не был противником нацизма и, в результате, оказался вполне подходящим человеком для фюрера. Необходимо

отметить, что никто из сослуживцев фон Бока его особенно не любил, а тот, в свою очередь, не шевелил и пальцем, чтобы помочь кому-либо из своих коллег, оказавшемуся в трудной ситуации. Ф. Бок открыто выражал свое презрение ко всем штатским и не любил австрийцев.

В конце 1938 г. Бок уже в звании генерал-оберста (генерал-полковник) командовал войсками, которые оккупировали Судетскую область. Затем последовала польская кампания, где фон Бок командовал северной группой армий. В ходе западной кампании его штаб-квартира, находившаяся в расположении группы армий «Б», участвовала в разработке удара по Голландии и Бельгии. После победы под Дюнкерком и капитуляции Франции Бок был произведен в фельдмаршалы.

Утверждают, что фельдмаршал Федор фон Бок не поддерживал идею вторжения в Советский Союз в 1941 г. Тем не менее, именно его штабу (ГА «Центр») досталась самая важная цель кампании — Москва. Его войска, в которые входили части талантливых немецких генералов Германа Гота (3-я танковая группа), Гайнца Гудериана (2-я танковая группа), фельдмаршала Гюнтера Ханс фон Клюге (4-я армия), летом 1941 г. одержали ряд больших побед над частями Красной армии. В августе-сентябре 1941 г. Боку, однако, пришлось поступиться четырьмя из пяти танковых корпусов и тремя пехотными корпусами для операции на северном фланге и на Украине. Однако он наряду с Браухичем, Гальдером, Альбертом Кессельрингом и другими немецкими военачальниками был активным сторонником удара на Москву¹⁸¹. В этом вопросе его уверенность в силу своих войск была неразрывно связана с амбициями незаурядного полководца. Бок был талантливым военачальником, способным руководить широкомасштабными и смелыми по замыслу операциями. Но простого признания заслуг и равной с другими генералами славы ему было мало. Как отмечает известный западный историк А. Кларк, «для Бока было просто необходимо стать покорителем Москвы.

Тогда бы он оказался поистине самым выдающимся среди германских фельдмаршалов, могильщиком большевизма и первым солдатом рейха. Его слава затмила бы авторитет самого Гинденбурга»¹⁸².

Не исключено также, что позиция фон Бока в споре с фон Браухичем относительно глубины охвата советских войск на московском направлении была связана и с его стремлением уже на начальном этапе операции продвинуть моторизованные части как можно ближе к Москве, создать выгодный плацдарм для завершающего удара по советской столице. Возможно, уже на том этапе он беспокоился за возможные осложнения на пути к столице после завершения окружения.

В октябре 1941 г. для фон Бока настало время воплотить свои амбиции в жизнь. Сейчас для него главным козырем являлась быстрота. От всех командиров подчиненных ему частей он требовал быстрого принятия решений и быстрого продвижения. Командир, по его мнению, должен был «раздумывать до начала боя... Если даже часть смертельно устала, командир должен найти средства и пути и начать преследование и провести его до конца...»¹⁸³ Такой приказ Ф. фон Бока, отданный 15 сентября 1941 г. и разосланный для подробного ознакомления вплоть до штабов дивизий, хорошо характеризует его стиль руководства войсками. Браухич рассчитывал на фон Бока, а тот — на своих подчиненных офицеров.

* * *

Намереваясь в осенних сражениях уничтожить Красную армию, захватить Москву и жизненно важные промышленные районы СССР, гитлеровское командование строило прогнозы относительно перспектив своего нового наступления, собирало и анализировало данные об остающемся потенциале Советского государства, его армии.

По данным немецкой разведки, поступавшим в генштаб ОКХ в конце сентября, выходило, что маршал Тимо-

шенко¹⁸⁴, «для того чтобы удержать Москву, осуществляет перегруппировку. 13 дивизий уже отведены с фронта... Не исключена возможность, что готовится система отхода и отступления...»¹⁸⁵ В связи с этим в ОКХ возникли опасения, что удар ГА «Центр» не достигнет поставленной цели, и противник сумеет отойти в тыл на заранее подготовленные позиции. (Отметим, что несколько советских дивизий действительно были сняты в конце сентября с фронта западнее Москвы и отведены в тыл. Но эти дивизии предназначались не для обороны Москвы, а для укрепления Юго-Западного фронта, который потерпел поражение).

Одновременно, германская разведка отмечала, что перед ГА «Центр» стоят силы всего 46 советских стрелковых дивизий, трех кавалерийских дивизий, пяти танковых дивизий. (Однако уже после завершения окружения под Вязьмой и Брянском немцы признали, что в полосе ГА «Центр» действовали как минимум 85 крупных советских соединений). Отделом по изучению иностранных армий Востока распространялись неверные сведения, которые убеждали ОКВ, ОКХ и командование ГА «Центр», что Советский Союз почти полностью исчерпал свои ресурсы и вряд ли будет способен их восстановить. 27 сентября 1941 г. им отмечалось: «[у русских]... крупных резервов нет. Для новых формирований не хватает оружия... все ощутимее будет нехватка боеприпасов и горючего...»¹⁸⁶ Уже на этапе подготовки операции «Тайфун» в расчеты закладывалась ошибка. Возможная переброска большого числа свежих советских дивизий из внутренних округов СССР на подступы к Москве германским командованием не учитывалась.

Руководство вермахта после разгрома советского Юго-Западного фронта под Киевом, практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия и считало, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем, и тем более его удержать¹⁸⁷. Уже после войны бывший начальник генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер

признался известному английскому историку Б. Лидделл Гарту, что Гитлер после битвы под Киевом прямо заявил: «с Россией в военном отношении покончено»¹⁸⁸.

Однако советская Ставка ВГК была другого мнения о своих силах, и даже, напротив, рассчитывала в будущем развернуть наступательные операции против группировки фон Бока. К сожалению, советское верховное командование, несмотря на многочисленные предупреждения об активной подготовке немецкого наступления на столицу (в том числе от командующего Западным фронтом генерал-полковника И. Конева), не сумело определить точное время его начала. Кроме того, командованием Западного, Резервного и Брянского фронтов были допущены непростибельные просчеты при анализе ситуации на фронте. К этому можно отнести проведение поощряемых Ставкой ВГК частных наступательных операций в ущерб укреплению оборонительных позиций, а также неправильное определение направления возможных главных ударов немецких войск (основные силы советских фронтов прикрывали район шоссе Смоленск—Вязьма—Москва). В частности, генерал Конев 26 сентября докладывал Сталину и Шапошникову, что по материалам опроса пленного летчика «противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма—Москва...»¹⁸⁹

Реалистическая оценка советским военным руководством сложившейся обстановки в конце сентября 1941 г., решительные действия некоторых командующих на фронте, более тщательный анализ данных разведки (следствием которого должно было стать иное распределение советских сил на московском направлении) могли бы предотвратить катастрофические последствия окружения советских войск под Вязьмой и Брянском.

В заключение этого раздела необходимо отметить следующий факт: несмотря на то, что ошибочные данные немецкой разведки об отсутствии у СССР крупных резервов,

представленные в сентябре 1941 г., не повлияли серьезно на результаты начального этапа операции «Тайфун», тем не менее, в дальнейшем они привели к крупным просчетам германского командования, явились одной из причин поражения немецких войск под Москвой. В конце сентября 1941 г. германское командование строило свои прогнозы исходя из существующей военной обстановки и игнорировало остающийся людской, экономической и моральной потенциал советского народа. Немцы не принимали в расчет, что окончательный успех нового наступления может зависеть от способности Красной армии в кратчайшее время подготовить и перебросить к фронту стратегические резервы.

И все же в тот конкретно-исторический период ситуация на всех фронтах складывалась для Красной армии крайне неблагоприятно. Обстановка на западном (московском) направлении зависела от положения в стране в целом, а оно оставалось сложным, трудным и напряженным. Ввиду вынужденного отхода советских частей германским войскам удалось захватить наиболее развитую в промышленном отношении территорию европейской части СССР. К концу сентября 1941 г. Советское государство лишилось донецкого угля, многих металлургических предприятий, продовольствия Украины, что привело к резкому сокращению производственных, материальных и продовольственных ресурсов. Чтобы обеспечить всем необходимым вооруженные силы, советскому народу приходилось максимально напрягать все свои силы для налаживания массового производства боевой техники и вооружения, в условиях, когда значительная часть предприятий эвакуировалась на восток.

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что многое в грядущей битве должно было решиться благодаря действиям конкретных сил и их руководства. В этой связи следует отметить, что численное превосходство немецких войск, боевой опыт германских генералов, неожи-

данность начала операции и ошибки советского командования сыграли роковую роль в трагедии частей Красной армии под Вязьмой и Брянском.

Октябрь 1941 года

Немецкое наступление на орловском направлении началось 30 сентября, а на вяземском — 2 октября 1941 г.

Дивизии 47-го и 24-го моторизованных корпусов танковой группы Гудериана нанесли удар по войскам левого крыла Брянского фронта. Соединения группы генерала А.Н. Ермакова (три стрелковые, две кавалерийские дивизии, две танковые бригады) развернутые на этом направлении оказались неподготовленными к такому развитию событий. В первый день наступления 2-я танковая группа вышла в тыл советской 13-й армии. 1 сентября соединения 47-го корпуса захватили Севск и устремились на север. 24-й корпус, наступая на орловском направлении, к исходу дня увеличил глубину прорыва до 80 км. Немцы окружили две дивизии 13-й армии и отрезали от главных сил фронта группу Ермакова¹⁹⁰. Успех 2-й танковой группы во многом был предопределен активностью 2-го воздушного флота люфтваффе, авиационные соединения которого поддерживали танки Гудериана. И хотя ненастная погода несколько помешала работе немецкой авиации, все же бомбежка войск Брянского фронта началась одновременно с артиллерийской канонадой. В общей сложности немцы задействовали здесь около 300 боевых машин¹⁹¹. Германские самолеты буквально утюжили советские оборонительные позиции, расчищая путь для механизированных колонн вермахта.

В ночь на 2 октября 1941 г. солдатам Восточного фронта было зачитано обращение фюрера. В нем говорилось: «...Теперь за считанные недели три наиболее крупных промышленных района России без остатка будут в руках нем-

цев (Северо-Западный, Центральный, Донецко-Приднепровский промышленные районы. — М.М.)... Сегодня, наконец, создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар»¹⁹².

К вечеру 2 октября штаб ГА «Центр» получил крайне обнадеживающие телеграммы от объединений, входивших в ее состав. На всех направлениях продолжалось успешное продвижение: «... 2 ТГр: ...главные силы 2 ТГр движутся на Дмитровск, 18 тд форсировала р. Сев между Севск и Кокушкино... 48 корпус — воздействие противника перед Шепетовка в западном направлении;

9 А: ...Первые позиции противника везде прорваны. Внезапность удалась. Противник слабый по численности, но упорно сопротивляющийся, без сильной артиллерийской поддержки.

4 А: Противник упорный, но слаб, прежде всего по численности и в отношении артиллерии... Железнодорожные мосты юго-восточнее Буда неповрежденные в наших руках...

2 А: Железнодорожный мост через Десну в 15 км юго-восточнее Дубровки не разрушен. 52-я дивизия заняла мост через р. Десна»¹⁹³.

Командование сухопутных войск отмечало, что наступление войск ГА «Центр» по всей ширине фронта застало противника врасплох и поэтому встретило первоначально лишь незначительное сопротивление: «...В общем же оборона противника оказалась слабее, чем предполагалось». Разведка пока не могла определить отходит ли противник планомерно или отступает под давлением немецких войск¹⁹⁴.

К исходу дня части генерала Гота (3-я танковая группа) прорвали советский фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а группа генерала Гепнера (4-я танковая группа) — в полосе обороны 43-й армии, к югу от Варшавского шоссе. В дальнейшем 4-я танковая группа смяла советские части и нанесла удар уже по второму эшелону Резервного фрон-

та, — по войскам 33-й армии. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в этот момент было приковано к Орловскому и Брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К этому времени 2-я танковая группа углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км¹⁹⁵. Но ситуация в районе Вязьмы не рассматривалась пока как критическая.

Советское верховное командование не смогло оперативно среагировать на изменение обстановки и предотвратить дальнейший прорыв германских моторизованных соединений. В Генштаб РККА поступали пока донесения об успешных действиях в обороне 16-й, 20-й и 24-й армий Западного и Резервного фронтов и мало кто мог поверить, чтобы немецкие танки вышли уже на шоссе Спас-Деменск—Юхнов, обходя основную группировку советских войск.

4 октября германскому военному руководству стало ясно, что советские войска не проводят планомерный отход на запасные позиции, а обороняются, оказывая различное по силе сопротивление¹⁹⁶. Более того, командование Красной армии продолжало удерживать участок фронта между флангами прорывов немецких соединений. Оно пока не знало, что вечером 4 октября потеряло последний шанс для отвода войск в центре, и что провести организованно отступление теперь уже не удастся. Бронированные клинья 3-й и 4-й танковых групп продолжали развивать наступление в направлении Вязьмы, охватывая силы Западного и Резервного фронтов.

Как и на брянском направлении, немецкие прорывы на Вязьму осуществлялись после соответствующих обработок советской обороны авиацией. Германские самолеты действовали большими группами, нанося массированные удары по частям Красной армии. Только 4 октября соединения 8-го авиакорпуса произвели 152 самолетовылета пикировщиков и 259 рейдов бомбардировщиков в треугольнике Белый—Сычевка—Вязьма.

Оперативное соединение Фибига выполнило соответственно 202 и 188 вылетов для ударов по тылам и коммуникациям Резервного и Брянского фронтов. Германские экипажи доложили об уничтожении 22 танков (в т.ч. четырех тяжелых), трех нефтехранилищ и не менее 450 автомашин¹⁹⁷. Следует отметить, что командиры немецких сухопутных корпусов и дивизий хорошо понимали поставленные перед ними задачи и стремились выполнить их точно и в срок. Если немецкая часть должна была пройти в сутки определенное количество километров, то она, как правило, проходила их, даже если для этого приходилось совершать ночной марш. Сухая погода благоприятствовала продвижению войск и обеспечивала непрерывную поддержку авиации.

Действия же советских войск поначалу даже несколько удивили германских полевых командиров. Прорыв 3-й танковой группы через Белый, Холм, р. Днепр на Вязьму развивался настолько успешно, что штаб объединения генерал-полковника Гота поначалу опасался, что противник уже заранее отошел на тыловые позиции¹⁹⁸. В первые дни наступления число советских военнопленных, захваченных немецкими частями было еще не так велико, но некоторые генералы могли уже «похвастаться» своими успехами. Так, 3 сентября командующий 4-й армией фельдмаршал фон Клюге докладывал в штаб группы, что корпус под командованием генерала Гейера (9-й армейский корпус), находящийся в 4 км от Ельни, захватил уже 2 500 пленных. «...[Пленные] в один голос показывали, что им дан приказ безусловно держаться...»¹⁹⁹

Некоторое замешательство возникло 3 октября в штабе 8-го армейского корпуса генерала Гейтца, входящего в состав 9-й армии. Причиной тому стали данные воздушной разведки, полученные наземными частями.

Здесь необходимо сказать, что во время проведения операции «Тайфун» (как, впрочем, и в предыдущих операциях) в немецких моторизованных и пехотных соедине-

ниях было хорошо налажено взаимодействие с авиацией. При командовании каждого объединения создавался штаб связи ВВС, принимающий от наземных частей заявки на бомбежку войск противника и передающий их в эскадрильи, осуществляющие воздушную поддержку наступления. Более того, при управлении каждого корпуса и дивизии, действующих на главном направлении находились офицеры люфтваффе, которые держали связь непосредственно с боевыми группами самолетов в воздухе²⁰⁰.

Командир одной из немецких эскадрилий сообщил вечером 3 октября представителю ВВС при штабе 8-го армейского корпуса, что огромная советская автоколонна с солдатами, протяженностью в 20 км, двигаясь с востока на запад, подошла на расстояние трех км к Ярцеву (вероятней всего это были части 16-й либо 19-й армий Западного фронта. — *М.М.*). Немецкое командование стало опасаться — не собираются ли советские войска атаковать и подрубить глубокий фланг 9-й немецкой армии²⁰¹? Такой удар, возможно поставил бы под вопрос успех дальнейшего продвижения германских соединений к Вязьме с северо-запада. Однако уже на следующий день движение этой колонны было замечено в обратном направлении, — на восток. Командование Западного фронта упустило шанс на начальном этапе сражения попытаться предотвратить катастрофу окружения своих войск мощным ударом по южному флангу 9-й немецкой армии, который заставил бы германских генералов тратить время и силы на его нейтрализацию.

4 октября 28-я пехотная дивизия (9-й армии) овладела выходом из леса, расположенного восточнее р. Вопь, в районе Боголюбова. Перед ней накапливались отходящие советские колонны на единственной дороге, ведущей из района наступления в тыл. Вблизи деревень Бердяева и Хващевка сражение с арьергардами 30-й и 19-й армий достигло наивысшего накала. Немцам, однако, удалось обойти советские части, продвигаясь по лесистой местности и выйти им в тыл. Вскоре части 8-го армейского корпуса вы-

шли к верхнему течению р. Днепр (в районе Павлово) и обезопасили восточный фланг 9-й армии, наносящей с северо-запада главный удар на Вязьму²⁰². Существуют данные советского командования, которые показывают, что на этом участке фронта германские солдаты часто шли в атаку пьяными. Они бежали вперед в полный рост, несмотря на ожесточенный пулеметный и ружейный огонь с советской стороны. В результате только одна 110-я немецкая пехотная дивизия понесла за несколько дней боев потери до 4 тыс. чел. убитыми и ранеными²⁰³.

На Днепре части Красной армии имели хорошо подготовленную систему обороны. Однако должного сопротивления войскам вермахта они оказать не сумели. В боевых донесениях от 41-го и 56-го моторизованных корпусов 3-й танковой группы, которые наступали севернее 8-го и 5-го армейских корпусов 9-й армии, отмечалось, что германские танки появились на позициях противника у Днепра как раз в момент его отхода. Немецкие авангардные подразделения докладывали о советских колоннах,двигающихся по дорогам на восток²⁰⁴.

К исходу 4 октября острие танкового клина генерала Гота (3-я танковая группа) находилось уже в 60, а Э. Гепнера (4-я танковая группа) — в 70 км от Вязьмы. Советские войска, удерживавшие позиции между флангами участков прорыва были удалены от города на 100—110 км. На просьбу командующего Западным фронтом И. Конева разрешить тогда отход к Ржевско-Вяземскому рубежу Верховный Главнокомандующий Сталин не ответил²⁰⁵.

5 сентября 1941 г. ОКХ отметило, что на четвертый день наступления противник все еще не начал отвод своих главных сил, а отход на отдельных участках фронта (9-й и 4-й армий) «...обусловлен различной боеспособностью соединений противника и по-разному складывающейся боевой обстановкой». То, что советские войска продолжали удерживать фронт по обеим сторонам шоссе Смоленск—Москва, было выгодно германскому командованию. Оно теперь

ожидало, что в окружение попадет около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма²⁰⁶.

В донесениях от передовых немецких частей появились сведения, что сила сопротивления противника стала слабее, чем раньше; у него все в больших масштабах вырисовывались явления разложения. Штаб 3-й танковой группы позднее сделал из этого факта вывод о том, что «постоянные неудачи русских как в обороне и наступлении, так и при отходе, по-видимому, сломали его силу сопротивления...»²⁰⁷

Операция «Тайфун» продолжала развиваться точно по сценарию. 6 октября, когда кольцо окружения под Вязьмой было сужено до 20 км, Ставка ВГК, наконец, разрешила командующему Западным фронтом И.С. Коневу начать отход. Одновременно Ставка приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов²⁰⁸. Однако к этому времени ситуация для советских войск стала катастрофической.

9-й немецкой армией был прорван днепровский рубеж восточнее Дернова, а «перед флангом охвата 4 А, — как отмечалось в немецких документах, — силы противника были разбиты и не оказывали сопротивления, ... у русских стали проявляться элементы деморализации». На участках наступления 20-го и 9-го германских армейских корпусов советские войска под прикрытием арьергардов отходили на северо-восток²⁰⁹.

К сожалению, мужественное (но не всегда умелое) сопротивление воинов Красной армии не смогло остановить объединения Г. Гота и Э. Гепнера. Многие советские дивизии Резервного и Западного фронтов комплектовались из ополченцев, которые не имели необходимого опыта и выучки. В то же время немцы по максимуму использовали свое преимущество в огневой мощи и подвижности. Еще одной причиной, обусловившей тщетность попыток преградить путь танковым клиньям вермахта, стал тот факт, что немцы часто знали о намерениях советского командования. Германские полевые командиры оперативно использовали в своих ин-

тересах радиоперехваты переговоров между советскими штабами и применяли радиообман.

6 октября 1941 г. в 13:05 пост управления радиоперехватом ГА «Центр» передал в оперотдел штаба группы фон Бока следующий приказ командования советского Западного фронта командующему 32-й армией. (32-я армия вместе с 20-й армией 5 октября была выведена из состава Резервного фронта и подчинена штабу Западного фронта). Текст приказа гласил: «С рассветом 7 октября всеми силами ударить в стену танковых войск противника, которые движутся по дороге Юхнов—Знаменка. Должны быть приняты все меры». 4-я немецкая армия фельдмаршала Клюге моментально получила ориентировку относительно действий советских частей и приняла соответствующие меры по недопущению их прорыва²¹⁰.

Уверенность немцев в собственном превосходстве достигла к этому моменту наивысшего предела. Пользуясь неразберихой в действиях Красной армии германское командование стало еще шире применять радиообман. В то время, когда штаб 4-й армии получал для ознакомления перехваченный документ противника, севернее Вязьмы (в полосе действий 3-й танковой группы) германская разведка пыталась ввести в заблуждение штаб советской 242-й стрелковой дивизии (30-й армии). Еще 5 октября части этой дивизии вышли к дороге Белый—Вязьма, имея намерение перейти ее в восточном направлении. Однако дорога была уже блокирована немецкими войсками. Командование дивизии старалось наладить связь со штабом армии и получить указания о дальнейших действиях. Когда же, наконец, рация вышла в эфир, то на первый запрос пришел странный и односложный ответ — «ждите».

Позднее выяснилось, что на волне дивизии работала радиостанция немцев, которая и передавала для штаба 242-й дивизии приказание «ждать», а также неясные шифровки и информацию с целью задержать советские подразделения на месте, а затем уничтожить их.

С 8 часов 5 октября до 12 часов 6 октября 1941 г. дивизия находилась без движения. К утру 6 октября 1941 г. стало ясно, что выход из окружения с матчастью уже невозможен, так как немцы подтянули в этот район крупные силы. Командование советского соединения, наконец, осознало, что полученные радиogramмы — не что иное, как дезинформация, и приняло решение пробиваться на восток без тяжелого вооружения²¹¹. 10 октября 1941 г. часть сил дивизии и ее штаб сумели прорваться из вражеского кольца. Две группы, общей численностью 800 чел., пробились в район расположения 29-й армии и пополнили собой соединения 220-й и 250-й стрелковых дивизий. Около 700 чел. (в основном тыловые подразделения) вышли восточнее Можайска и были обращены на формирование 2-й Московской стрелковой дивизии²¹².

7 октября 1941 г. кольцо окружения под Вязьмой замкнулось. Западнее города 7-я танковая дивизия (3-й танковой группы) соединилась с 10-й танковой дивизией (4-й танковой группы). Согласно оперативным данным, нанесенным на отчетную карту ОКХ 8 октября 1941 г., в «котел» попали части 19-й, 20-й, 24-й и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых дивизий и 3 танковых дивизий, кроме того отдельные части 8 стрелковых и 2 танковых дивизий. Около 6 стрелковых, одной танковой дивизии и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных боевых порядках в районе деревень Медведки—Преображенское, севернее Спас—Демянск²¹³. Под Брянском окружение 3 советских армий (50-й, 13-й, 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября.

7 октября штаб ГА «Центр» издал приказ № 1870 о продолжении операций на московском направлении. В нем говорилось: «Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся перед своим уничтожением. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все могущие быть высвобожденными части должны немедленно приступить к преследованию избегнувших окружение час-

тей противника с тем, чтобы не дать ему возможность создать новый фронт обороны...»²¹⁴

Наряду с задачей уничтожения противника в «котле» под Вязьмой, которое возлагалось на дивизии 4-й и 9-й немецких армий, фон Бок поставил своим войскам следующие задачи: 2-я танковая армия (до 1 сентября 1941 г. 2-я танковая группа. — *М.М.*) — при первой возможности прорваться к Туле и продвигаться дальше на Каширу, Коломну и Серпухов; 13-й и 12-й армейские корпуса (4-й армии) — наступать с рубежа Калуга, Медынь в северо-восточном направлении; 57-й моторизованный корпус (4-й армии) — захватить переправы через р. Протва; незанятые блокированием «котла» дивизии 4-й танковой группы — продвигаться вдоль автодороги от Вязьмы на Можайск; высвобождающиеся силы 3-й танковой группы — подготовиться к дальнейшему удару в направлении Калинин, Ржев; 2-я армия — во взаимодействии с частями 2-й танковой армии уничтожить противника в районе Трубчевск, Жиздра²¹⁵.

У командования ГА «Центр» были все основания рассчитывать на быстрое уничтожение советских войск под Вязьмой. Теперь части РККА, которые оставались неразбитыми и держали оборону между флангами германских прорывов, начали отход со своих позиций на восток, рассчитывая с ходу пробить брешь в немецком кольце. Быстрое отступление соединений Западного и Резервного фронтов (уже после завершения окружения) было на руку командованию ГА «Центр», так как теперь у советских войск не оставалось пространства для маневра. Преследуемые с запада германскими пехотными дивизиями, части Красной армии упирались в стальную завесу на востоке. На фронте шириной 80 км, южнее и севернее Вязьмы, немцы сосредоточили 6 танковых дивизий (2-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю, 10-ю и 11-ю)²¹⁶. Непосредственно Вязьму прикрывала 10-я танковая дивизия. Фронт советской обороны быстро сужался, а все попытки командования 19-й армии (генерал-лейтенанта Ф.М. Лукина) и 20-й армии (генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова)

прорваться в районе деревни Богородицкое (северо-западнее Вязьмы) и в районе Панфилово—Юшково (южнее Вязьмы), предпринятые 8—12 октября 1941 г. окончились неудачей.

К сожалению, советская авиация не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам. Не было налажено должного снабжения отрезанных частей, плохо работала авиаразведка. Прорывы из окружения осуществлялись не в самых подходящих районах — именно там, где были сосредоточены мощные германские заслоны. Получилось, что немцы от воздушных наблюдателей хорошо знали о всех намерениях окруженных, а те — ничего о своем противнике. У ВВС Красной армии не имелось необходимых средств для организации «воздушного моста», лишь эпизодически войскам сбрасывалось некоторое количество боеприпасов²¹⁷.

Уже 9 октября 1941 г. командование 8-го армейского корпуса сообщило в штаб 9-й армии, что днепровский рубеж в районе Павлова пройден. Было отмечено, что русские отвели с него так много сил, что «можно было, преодолевая слабое и несогласованное сопротивление, пройти этот участок и прорвать оборонительную полосу...» Наступившая плохая погода, дождь, слякоть не помешали немецким частям совершать непрерывное движение, в том числе автотранспорта. Правда теперь приходилось больше полагаться на ускоренные марши во время ночных заморозков²¹⁸.

Согласно отчетной карте ОКХ на 13 октября 1941 г., количество соединений Западного и Резервного фронтов, попавших в кольцо, составляло уже 24 стрелковых дивизии, 3 танковых дивизии и части 15 стрелковых и 7 танковых дивизий²¹⁹. Между тем в сводках ОКХ продолжали появляться новые номера окруженных советских дивизий. В общей сложности в двух «котлах» под Вязьмой и Брянском оказались — 7 полевых управлений армий (из 15); 64 дивизии (из 95); 11 танковых бригад (из 13); 50 артиллерийских пол-

ков (из 62)²²⁰. Для войск Западного и Резервного фронтов создавалась критическая ситуация. Боевые действия сторон под Вязьмой и Брянском и положение советских войск на московском направлении в октябре 1941 г. были отражены в ежедневных сводках отдела по изучению иностранных армий Восточного фронта генштаба ОКХ. (см.: Приложение, док. № 4)

Действуя испытанными методами, командование ГА «Центр» попыталось расколоть фронт окружения западнее Вязьмы на две части, чтобы было легче подавить сопротивление и волю к борьбе советских войск. Для этой цели 12 октября 1941 г. 87-я пехотная дивизия, в боевом дозоре которой находился командный пункт 8-го армейского корпуса, пробилась с запада, вдоль автострады, к Вязьме. Была установлена связь с находящимися в городе частями 10-й танковой дивизии.

12 октября части 8-го корпуса участвовали в тяжелейшем бою с советскими войсками, прорывавшимися через автостраду с севера на юг западнее Вязьмы. (Генерал Лукин пытался вывести подчиненные ему силы на соединение с генералом Ершаковым.) Лукин не знал, что в районе Селиваново, где находился Ершаков, сопротивление окруженных было уже практически подавлено²²¹. Тем не менее, немцы не смогли сдержать последнего отчаянного натиска советских солдат и в ночь с 12 на 13 октября значительная их часть, в результате тяжелых и кровопролитных боев, смогла прорваться на юг. Однако, там они попали в новое окружение — теперь 4-й немецкой армии. 13 октября местность в районе автострады Смоленск—Вязьма была очищена²²². Советские войска прекратили организованное сопротивление, хотя разрозненные группы продолжали сражаться в тылу у немцев еще как минимум десять дней.

Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. Офицер из штаба 8-го армейского корпуса передал свои впечатления от увиденного им тогда в отчете, подготовленном для командования соединения. В нем говорится: «...Наступил мороз и выпал первый снег. Беско-

нечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки». Значительны были и немецкие потери. Только один 8-й армейский корпус в период 2—14 октября 1941 г. потерял 4.077 чел. (убитыми, ранеными, пропавшими без вести). Однако его части за это время пленили 51.484 советских военнослужащих, и взяли в качестве трофеев — 157 танков, 444 орудия и др. имущество²²³.

Если под Вязьмой все было уже кончено, то в районе действия 50-й, 3-й и 13-й советских армий Брянского фронта (командующий фронтом генерал-лейтенант А. И. Еременко, а с 14 октября 1941 г. — генерал-майор Г.Ф. Захаров) еще продолжались кровопролитные бои. Только 9 октября 1941 г. соединения 2-й армии генерала Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую группировку на две части: северную — в районе Брянск, Дятьково (50-я армия) и южную — в районе Трубчевск, Суземка, Навля (13-я и 3-я армии)²²⁴.

Особенностью сложившейся ситуации было то, что если для 13-й армии (генерал-майора А.М. Городнянского) и 3-й армии (генерал-майора Я.Г. Крейзера) соединение частей Вейхса и Гудериана означало фактическое окружение, то для 50-й армии (генерал-майора М. П. Петрова) оставалась возможность отступления на северо-восток, на город Белев. К 8 октября командование ГА «Центр» смогло прикрыть это северо-восточное направление лишь силами 112-й пехотной дивизии и частично 52-й пехотной дивизии (2-й армии). Здесь немцы не имели сплошного фронта²²⁵. Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белев был вскоре остановлен по приказу Б.М. Шапошникова, начальника Генштаба РККА. Все попытки частей армии пробиться в юго-восточном направлении (на р. Рессета) оказались безуспешными. Потеряв здесь свыше 80 % личного состава и более 97 % артиллерии, лишив-

шись командующего генерала М.П. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на Белев²²⁶.

Катастрофическим было положение 3-й армии генерала Крейзера, которая вела бои в районе Дмитровск—Орловский. Из окружения в районе северо-восточнее Поньри смогли пробиться лишь 3 тыс. чел.²²⁷

Соединения 13-й армии генерала Городнянского изначально пробивались на юго-восток, в общем направлении на Севск. Это было обусловлено как оперативной обстановкой, так и наличием за рекой Свапа частей из группы Ермакова, контратаковавших силы немецких 34-го армейского и 48-го моторизованного корпусов Гудериана.

9 октября для немецкого командования в этом районе создавалась непростая обстановка. Генерал-полковник Гудериан требовал выступления всех частей 48-го корпуса на Севск. В полдень 11 октября в районе южнее Севск на восток прорвались крупные силы советской 13-й армии (около двух дивизий). Дальнейшее продвижения немецких 9-й танковой и 16-й моторизованной дивизий на Дмитровск—Льговский встало под вопрос. Документы штаба 48-го корпуса говорят о том, что прорыв соединений 13-й армии вызывал в то время наибольшее беспокойство у Гудериана.

13 октября генерал-полковник Гудериан отправился в расположение 48-го корпуса, чтобы лично руководить действиями его сил. Однако и на следующий день ситуация не улучшилась. 14 октября немцам пришлось даже оставить деревню Тепловка и бросить там две артиллерийские батареи. Прорыв советских войск приобретал угрожающие формы. С востока же, в направлении Студенок, навстречу 13-й армии все ближе подходили части группы Ермакова. Им удалось даже навести мост через реку Свапа северо-восточнее Злобино. Для немецкого командования дело осложнялось еще и тем, что войска 34-го корпуса, следовавшие за 48-м корпусом несколько отстали. В результате на дороге южнее Злобино образовалась брешь

шириной в 4 км, которую командование 2-й танковой группы пока закрыть не могло. На восток стали уже просачиваться мелкие группы из 13-й армии. Однако во второй половине дня 16 октября немецкому мотоциклетному батальону, продвигавшемуся с юга, удалось установить связь с 3-м батальоном 156-го пехотного полка и таким образом закрыть брешь. Только отдельным советским частям удалось в ночь на 17 октября прорваться в направлении моста через р. Свапа²²⁸.

Наступившая плохая погода чрезвычайно затрудняла действия обеих сторон. Однако, достигнув дорог с хорошим покрытием, идущих через Брянск, Орел и Курск немцы получили явное преимущество и смогли быстро продвинуться в обход оборонительных позиций советских войск. Путь отступления для частей Красной армии был прегражден. Из окружения смогли выйти лишь 10 тыс. чел. 13-й армии генерала Городнянского²²⁹.

Итог «сражения на уничтожение» под Вязьмой и Брянском был тяжелейшим для советских войск. Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г. в плену оказались свыше 500.000 советских войск, было захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков и др. техника. Чуть позже, к 18 октября 2-я полевая армия доносила о пленении 55.105 чел. и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин и др. техники²³⁰. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1.242 танков и 5.412 орудий. По недавно опубликованным данным за первые 2—3 недели боев под Москвой Красная армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленными²³¹.

Следует, однако, сказать, что действия окруженных под Вязьмой и Брянском советских частей сыграли важную роль в спасении столицы. Для ликвидации двух огромным

котлов ГА «Центр» пришлось привлечь до 61 % своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от 7 до 14 суток²³².

К середине октября люфтваффе снизили воздействие на советскую оборону на ближних подступах к Москве. Важнейшим направлением была признана борьба с окруженными под Вязьмой и Брянском советскими войсками. Таким образом, сопротивление отрезанных соединений Красной армии сковало значительные силы германской авиации. Так, эскадра пикировщиков «Иммельман» постоянно бомбила окруженные войска, не давая им организовать прорыв²³³.

Однако, фактически, теперь все пути на Москву были открыты, а немецкие дивизии, продолжавшие наступление на восток, имели подавляющее превосходство в силах над советскими частями, тем или иным образом сумевших избежать окружения.

* * *

Спустя всего полмесяца после поражения под Киевом, Красную армию постигло под Вязьмой новое величайшее бедствие. В советской стратегической обороне на московском направлении образовалась брешь шириной около 500 км. Закрывать ее было нечем или почти нечем. 8 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ констатировал, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы²³⁴.

Германское командование решило, что с Советами покончено и Москва в ближайшее время падет, но чтобы застраховать себя от неожиданностей руководство вермахта решило одновременно с продвижением к столице, сходу провести совершенно новую, незапланированную ранее операцию и разгромить советские войска, в районе Валдайской возвышенности. Этим, в частности, был бы обеспечен северный фланг ГА «Центр» в момент ее удара непосредственно на Москву.

Германские замыслы были поистине гигантскими и явно соответствовали той атмосфере эйфории, которая сложилась после завершения окружения под Вязьмой. Немецкие генералы переоценили свои силы, считая, что теперь им можно делать с Красной армией все что угодно. Территория, предназначавшаяся для наступления, простиралась практически через весь Валдай, захватывая часть Ленинградской области. Планировалось привести в движение значительные силы ГА «Север» в юго-восточном направлении, а навстречу ей бросить подвижные соединения 9-й армии и 3-й танковой группы. Такая операция как нельзя лучше увязывалась с намерениями командования ГА «Центр» и лично фон Бока. Уничтожением Северо-Западного фронта (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин) устранялись последние препятствия к быстрейшему продвижению на Москву, захвату Ленинграда и создавались хорошие предпосылки к крушению всего советского государства.

Но инициатива проведения новой операции принадлежала отнюдь не Боку, а представителям ОКВ и ОКХ. Похоже, что в этот момент они вновь утвердились в безусловной правильности стратегии блицкрига и в абсолютной универсальности методов, применяемых войсками вермахта для достижения победы в войне. Превосходство германского военного искусства над военным искусством противника, как тогда казалось руководству генштаба ОКХ, получило новое и окончательное подтверждение. Документы ОКХ и ГА «Центр» проливают свет на цели германского командования во второй декаде октября 1941 г.

8 октября 1941 г., в 23 ч 10 мин, генштаб ОКХ направил следующую директиву штабу ГА «Центр» из которой следовало, что Гитлер принял решение высвободить 3-ю танковую группу у Вязьмы (выполнение ее задач возлагалось на 4-ю танковую группу) и как можно скорее направить танки Гота в общем северном направлении для участия совместно с частями северного фланга 9-й армии и южного флан-

га 16-й армии в «уничтожении противника также в районе между Белый и Осташков». Генштаб ОКХ просил сообщить, какие мероприятия командование ГА «Центр» намечает произвести в связи с этим приказом²³⁵.

Спустя полчаса, штаб ГА «Центр» получил новую телеграмму генштаба ОКХ, где, в частности, говорилось: «...его [противника] отступление у северного фланга ГА “Центр” дает... следующие возможности в районе действия 16 А: ...Наиболее вероятным будет использование подвижных соединений и более крупных пехотных частей из района Чудово (севернее оз. Ильмень. — М.М.) в общем юго-восточном направлении»²³⁶.

11 октября 1941 г. ОКХ конкретизировало предстоящую задачу. ГА «Север» при благоприятном развитии обстановки должна была продвигаться из района Чудово «в общем юго-восточном направлении — на Боровичи, с целью уничтожения противника к югу от озерного края Валдайского района, вместе с 9 А, продвигающейся в общем направлении на Калинин и к западу, и воспрепятствовать отступлению сил противника в глубь территории Советского Союза на восток...»²³⁷ Для 9-й армии оставалась также задача взаимодействуя с южным флангом 16-й армии, уничтожить противника между Белый и Осташков²³⁸.

Наступление 16-й армии [ГА «Север»] и 9-й армии и 3-й танковой группы [ГА «Центр»] навстречу друг другу, в случае успеха, могло поставить в критическое положение не только советский Северо-Западный фронт, но и все силы Красной армии, действующие на северном фланге советско-германского фронта.

12 октября 1941 г. штаб ГА «Центр» подчинил 3-ю танковую группу непосредственно себе (выведя из оперативного подчинения 9-й армии) и приказал ее командующему генерал-полковнику Готу: заняв Калинин, перебросить крупные силы в район Торжка, предотвратив тем самым отход противника к востоку от Осташкова²³⁹.

Командование ГА «Центр» было практически уверено в успехе предстоящего наступления в районе Валдая. Фон Бока не смущало разделение главных сил группы на несколько направлений. По донесениям разведки и показаниям военнопленных, противник располагал в районе Москвы лишь отдельными частями НКВД и милиции, без артиллерии и тяжелого вооружения. Перед фронтом 4-й полевой армии, наступающей на столицу, было замечено всего лишь одно [!] полнокровное советское соединение, появившееся под Медынью (это была 17-я танковая бригада), и пока не подтверждалась переброска из тыла свежих сил Красной армии. Предполагалось, что на участке от Козельска до Рузы находится не больше четырех-пяти советских стрелковых дивизий²⁴⁰. Немецкие части уже к 10 октября вышли к Можайской линии обороны, а 14 октября соединения 3-й танковой группы ворвались на окраины Калинина.

14 октября 1941 г., штаб группы фон Бока издал новый приказ на продолжение операций на московском направлении.

Согласно приказу, 2-я танковая армия должна была охватить Москву с юго-востока; 4-я армия (совместно с 4-й танковой группой) окружить столицу с юга, запада и севера и в дальнейшем, при возможности, наступать на Ярославль и Рыбинск. Другие оперативные объединения должны были наступать по расходящимся направлениям: 2-я армия — на Елец и Богородицк, а в дальнейшем, вероятно, и на Воронеж; 9-я и 3-я танковая группа — на Торжок и Вышний Волочек, не допуская «отвод живой силы противника стоящей перед северным флангом 9 А и южным флангом 16 А...». 9-я армия и правый фланг 3-й танковой группы должны были также уничтожить советские части в районе Ржева, Зубцова, Старицы.

В приказе также отмечалось, что 16-й армии (ГА «Север») ОКХ была поставлена задача преследовать соединения Красной армии, отступающие из района оз. Ильмень,

т.е. продвигаться навстречу войскам 3-й танковой группы и 9-й армии²⁴¹. [Карта № 6]

Решение штаба ГА «Центр» окружить Москву выглядело вполне логичным. Подобно тому, как после завершения окружения под Минском немецкие танковые группы разошлись для того, чтобы произвести охват под Смоленском, так и теперь германские ударные клинья после уничтожения сил Красной армии под Вязьмой собирались создать очередной «котел» для советских войск непосредственно прикрывавших Москву. Представители командования ОКХ и ГА «Центр», вероятно, полагали, что, как и раньше, достаточно будет двух танковых объединений, чтобы замкнуть новое кольцо. Поэтому 3-й танковой группе и поручалась задача наступать на Валдай, а ее место должна была занять 4-я танковая группа. Предполагалось взять столицу в клещи: с севера силами 4-й танковой группы и с юга 2-й танковой армии. Но реальная ситуация складывалась таким образом, что закреплять успехи танковых объединений планировалось теперь пехотными соединениями только одной 4-й полевой армии фон Клюге (9-я армия разворачивалась в сторону северного фланга ГА «Центр»). Однако фронт 4-й армии был и так сильно растянут и ей было крайне тяжело организовать тесное взаимодействие с танковой армией Гудериана. Отметим также, что 2-я танковая армия продвигаясь на Тулу не имела должного прикрытия своего правого фланга. Участие соединений Гудериана в сражении под Киевом в сентябре грозило ослаблением решающего натиска ГА «Центр» на Москву с юго-западного направления в период операции «Тайфун».

В середине октября немецким генералам казалось, что дальнейшее наступление на Москву пойдет как по маслу. Они были убеждены, что основные силы Красной армии на западнее столицы уже разбиты. Следовательно, оставалось только продвигаться вперед и добивать разрозненные советские части. Проблема с флангами могла быть решена по ходу дела. Наиболее опасное для советских войск

направление в середине октября обозначилось на Можайском направлении. Именно здесь почти параллельно друг другу проходят железные и автомобильные дороги на Москву и именно здесь моторизованные части вермахта, незадействованные в уничтожении окруженных, пытались прорваться по кратчайшему маршруту, ведущему к советской столице. Благодаря хорошим дорогам наступившая осенняя распутица не прервала маневр немецких частей и подброс на этот участок высвобождающихся из-под Вязьмы частей. В первом эшелоне продвигались 10-я танковая дивизия вместе с дивизией СС «Райх». Эти закаленные в боях германские соединения встречали молодые советские курсанты, собственной грудью заслонившие путь вермахта на Москву. Они выиграли время, столь необходимое командованию РККА для переброски на это направление резервных соединений. Ожесточенность боев день ото дня все возрастала, но немецкое наступление вдоль Можайского шоссе постепенно замедляло свой ход.

Как уже говорилось, замысел новой операции германских войск по окружению советских соединений в районе Валдайской возвышенности не был заранее проработан немецким командованием. Наступление намечалось провести без предварительной подготовки. Штаб ГА «Центр» рассчитывал на то, что в результате разгрома советских фронтов под Вязьмой будут дезорганизованы и остальные участки обороны Красной армии. В случае успеха операции немецкие войска окружали практически все силы советского Северо-Западного фронта и часть сил, подчиненных 17 октября Калининскому фронту в районе Валдая (западнее линии: Бологое — Вышний Волочек — Калинин).

Немецкое командование уже чувствовало дыхание приближающейся победы. Но именно в это время, когда сила германских танковых группировок, казалось, вновь стала всепокрушающей, начали сказываться очевидные изъяны планирования операции «Тайфун», объективные

факторы, препятствующие ГА «Центр» достичь окончательного успеха.

Главным и основополагающим фактором замедления наступления германских войск на Москву, справедливо выделяемый как отечественными, так и большинством западных историков, является, безусловно, мужественное сопротивление бойцов и командиров Красной армии, экстренные меры советского правительства, руководства вооруженных сил по мобилизации всех ресурсов на защиту Москвы. Но стратегическая инициатива еще находилась в руках немецкого командования.

14 октября 1941 г. 1-я танковая дивизия, 41-го моторизованного корпуса, 3-й танковой группы захватила большую часть Калинина. Стремительный бросок танковой группы на северо-восток и быстрый захват города нанес серьезный удар по оперативным планам советского командования. Был взят крупный узел шоссейных дорог, исключительно важный для снабжения ГА «Центр» и одновременно закрыт путь отступления частям Красной армии через Волгу на восток. Следует добавить, что захватом города немцы сильно осложнили переброску советских войск из района Валдая к Москве и взаимодействие между центром и северным флангом Западного фронта. Это вынудило нового командующего фронтом генерал армии Г.К. Жукова (назначен 11 октября 1941 г.) ходатайствовать о создании отдельного Калининского фронта (командующий, с 17.10.41, генерал-полковник И. С. Конев). Несмотря на неоднократные и ожесточенные атаки советских войск в направлении Калинина, вернуть город не удалось. 41-й моторизованный корпус 3-й танковой группы держался там достаточно крепко.

3-я танковая группа и 9-я армия получили дальнейшую задачу продвигаться на Вышний Волочек²⁴². Это означало начало выполнения операции по окружению советских войск в районе Валдайской возвышенности. Первой крупной целью на пути немецких войск был старинный

русский город Торжок. Однако выдвинутые вперед части 1-й танковой дивизии и 900-й учебной бригады не смогли его достигнуть. У населенного пункта Медное немецкие соединения встретили ожесточенное сопротивление и были контратакованы советскими войсками. В германских подразделениях начал сказываться недостаток в боеприпасах. Солдаты вермахта были переутомлены тяжелыми маршами по проселочным дорогам, когда приходилось продвигаться по колено в грязи. Вскоре 1-я танковая дивизия была отозвана с полпути к Торжку обратно в Калинин. Наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений 3-й танковой группы перешла под Калинин к обороне. 41-й моторизованный корпус еще некоторое время пытался пробиться к Торжку, но успеха не достиг и был отведен в тыл.

Вскоре выяснилось, что ГА «Центр» не может рассчитывать и на мощное наступление 16-й армии навстречу своим войскам. Теперь фон Бок начинал понимать, что соединение двух групп армий вряд ли окажется реальным. Уже 14 октября он получил телеграмму от командующего ГА «Север». Фельдмаршал фон Лееб жаловался на труднопроходимую местность в районе, предназначенном для наступления 16-й армии, на многочисленные заграждения на дорогах и их минирование. Если 2-й армейский корпус еще осуществлял какое-то движение в восточном направлении, то 10-й армейский корпус мог возобновить наступление только после отхода противника. Командующий ГА «Север» сомневался теперь в выборе направления, по которому следует наступать его силам после захвата г. Валдай: либо на Боровичи (на северо-запад), либо на Вышний Волочек (на юго-запад)²⁴³.

Стало ясно, что войскам фон Лееба не хватает сил, чтобы преодолеть советскую оборону. Вскоре штабу ГА «Север» была поставлена другая задача наступать в северо-восточном направлении, на Тихвин, — цель двойного окружения Ленинграда и соединения с финнами вновь стала

приоритетной. В штабе ГА «Центр» понимали, что это осложняет и без того не простую обстановку на северном фланге группы фон Бока.

Отсутствие тесного взаимодействия групп армий фон Бока и фон Лееба в период проведения операции «Тайфун» привело к тому, что по мере продвижения немецких войск к Москве на северном фланге ГА «Центр» стал образовываться громадный выступ, обороняемый с советской стороны войсками Калининского фронта. Этот выступ висел подобно балкону над немецкими армиями. 23-й армейский корпус (командир генерал Шуберт), наступающий на левом фланге 9-й армии, не был в состоянии его «срезать»²⁴⁴. В то же время части советских 22-й, 29-й и 31-й армий смогли отойти на северо-восток и закрепиться на рубеже — Осташков, Торжок, район Калинина.

Фон Боку не оставалось ничего другого, как задействовать 9-ю армию только для обороны северного фланга группы. Уже 14 октября 1941 г. штаб 9-й армии отмечал, что теперь первой задачей армии является «во время окружения Москвы силами 4-й армии и 2-й танковой армии принять фланговую защиту против сил противника, продвигающихся в направлении от Ленинграда...». Иными словами, немцы были вынуждены принять меры к защите от возможного удара советских войск, действующих в районе Валдая²⁴⁵. 3-я танковая группа продвигаться далее на северо-запад не могла.

Более того, на южном фланге ГА «Центр», ко второй половине октября, выявилась невозможность продвижения части сил 2-й танковой армии в направлении на Воронеж для поддержки наступления 2-й полевой армии. В ответ на запрос генштаба ОКХ относительно возможности дальнейшего продвижения 2-й танковой армии в юго-восточном направлении, штаб ГА «Центр» 27 октября ответил следующее: «...Независимо от нижеизложенного затруднительного положения, продвижение 2 ТА на юго-восток создало бы широкую брешь на всем протяжении фронта группы ар-

мий, в результате чего возникла бы постоянная угроза восточным флангам 2 ТА и 4 А. Чтобы замкнуть эту брешь, достаточных сил не имеется... Приказ 2 ТА изменить направление своего продвижения, вынудило бы 4 А прекратить всякое продвижение по всему ее фронту...» Далее штаб ГА «Центр» отмечал, что после отдыха, соединения 3-й танковой группы будут иметь задачу наступать или в восточном направлении, вместе с 4-й танковой группой, или в северном на Бежецк — для глубокого охвата Москвы с северо-запада. Наступление в направлении Торжка (без поддержки 16-й армии) мог продолжать лишь один 6-й армейский корпус²⁴⁶. Тем самым идея окружения советских войск на Валдае оказалась «под сукном».

Наступление ГА «Центр» по расходящимся направлениям, предусмотренное приказом от 14 октября 1941 г., отнимало время и силы необходимые для удара непосредственно на Москву, и фон Бок понимал это. Более того, осуществить такое наступление теперь не представлялось возможным. В этом состояла первая неожиданность с которой немцы встретились во время операции «Тайфун». Удары на Торжок и Воронеж откладывались, но цель продвижения к Ярославлю и Рыбинску еще оставалась. Захват этих городов позволял германским войскам перерезать важнейшие транспортные артерии, связывающие столицу с северными и северо-восточными районами Советского Союза, затруднить подход к ней резервов и подвоз военных материалов, в том числе поставляемых по ленд-лизу через Мурманск и Архангельск. Полное окружение Москвы 4-й армией (вместе с 4-й танковой группой) и 2-й танковой армией означало, по мнению фюрера, ее неминуемое падение. Капитуляция столицы, согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г., не должна была быть принята. Город обрекался на уничтожение²⁴⁷.

Однако достижение этих целей требовало значительных сил и средств. Немцам необходимо было также произвести перегруппировку своих войск²⁴⁸. 28 октября, со-

гласно решению фюрера, ОКХ приказало продолжить продвижение 2-й танковой армии в направлении р. Ока (т.е. в северо-восточном направлении) и захватить там не разрушенный мост восточнее Серпухова²⁴⁹. В тот же день штаб ГА «Центр» поставил задачу 9-й армии: «...прекратить наступление на север и занять оборону на рубеже Калинин, южнее Торжок, Большая Коша». Штаб подчеркивал, что задачей 3-й танковой группы будет, после наступления хорошей погоды, наступать на Ярославль и Рыбинск²⁵⁰.

Итогом перегруппировок явилась концентрация всех возможных сил группы армий для достижения главной задачи. Однако теперь фон Бок не мог рассчитывать на легкий «вояж» к стенам Москвы. 200-километровый фронт советских войск, подчиненных генералу Коневу, нависающий с севера над ГА «Центр», отнимал девять пехотных дивизий 9-й армии, которые использовались теперь только в обороне²⁵¹. (см.: Приложение, док. № 5) На юге 2-я армия также не имела реальной возможности (без содействия 2-й танковой армии) занять Воронеж. Поддержка с ее стороны наступлению на Москву была минимальной. Занятием 2 ноября города Курска, силами 48-го корпуса, армия, по существу, достигла предела своих возможностей. Фронт восточнее Курска начал постепенно стабилизироваться. Войска 2-й армии готовились к зимовке²⁵².

Соединения фон Бока оказались в такой ситуации, когда вынуждены были наступать на относительно узком участке фронта, в условиях все возрастающей угрозы своему северному флангу. Сказалась потеря драгоценного времени и снижение наступательного порыва, обусловленные расширением задач и увеличением количества направлений продвижения после приказа от 14 октября 1941 г. Можно констатировать, что гигантомания, в основе которой лежало стремление следовать «тактике блицкрига», осенью 1941 г. полностью исчерпала себя и угрожала срывом всего наступления на Москву. Основная задача быстрое продвижение к столице после завершения боев под Вязьмой и

Брянском пока выполнялась только ограниченными силами. По кратчайшему маршруту, с запада, на Москву двигались не четыре, как вначале операции, а только два объединения: 4-я армия и 4-я танковая группа.

Однако и этих двух объединений могло стать достаточно для взятия столицы, поскольку они имели огромное численное превосходство над избежавшими окружения советскими частями. Остается фактом, что, не имея перед собой значительных сил Красной армии, 4-я армия и 4-я танковая группа так и не смогли быстро прорвать оборону советских войск перед Москвой. Немецкая разведка была недалеко от истины, отмечая, что в начале октября перед восточным флангом 4-й армии противник располагал всего четырьмя или пятью дивизиями, для непосредственной обороны Москвы — тремя дивизиями НКВД²⁵³.

Действительно, согласно документам советского командования, все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны к 6 октября 1941 г. практически не были обеспечены войсками. Согласно приказу, приводившему эту линию в боевую готовность, позиции в окопах заняли лишь наспех переброшенные сюда части РККА. Основу Малоярославецкого укрепрайона составили курсанты Подольских Пехотного и Артиллерийского училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков ПТО, гаубичного артиллерийского полка и танковой роты; Волоколамского укрепрайона — курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1000 чел.), личный состав двух батарей ПТО, батальона 33 сбр²⁵⁴. Других боевых частей, способных помешать наступлению ГА «Центр» на Москву, у советского командования на тот момент не было. Почему же войска вермахта во второй половине октября 1941 г. не смогли прорваться к столице? Документы германского командования помогают нам ответить на этот вопрос.

18 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока в своей сводке констатировал: «...В ходе

боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за эту кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков...»²⁵⁵ Особенно ожесточенными для 4-й армии оказались бои с советской 17-й танковой бригадой в районе Медыни и переброшенной с Дальнего Востока 32-й стрелковой дивизией под Можайском.

Во второй половине октября 1941 г. к Москве из тыловых районов СССР и с других участков фронта в спешном порядке подходили все новые эшелоны с советскими войсками. Они практически сходу вступали в бой. Это не замедлило сказаться на оперативной обстановке западнее столицы. К 22 октября перед фронтом ГА «Центр» немецкая разведка насчитывала уже силы 38 стрелковых, 8 кавалерийских, 2 танковых дивизий и 17 танковых бригад. Правда отмечалось, что большая часть этих соединений была сосредоточена юго-западнее Москвы, под Калинин и севернее Ржева²⁵⁶, а боеспособность их была различной. Однако, практически во всех донесениях говорилось об исключительной самоотверженности частей РККА. Упорство советских солдат в обороне удивляло полевых командиров ГА «Центр». Так командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316 русская дивизия (с 18 ноября 1941 г. — 8-я гвардейская, командир генерал-майор М.М. Панфилов. — *М.М.*), которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками...»²⁵⁷ Далее в докладе отмечались трудности продвижения из-за

непогоды. Упоминались «размокшая почва, против которой человек и лошадь в течение многих дней ведут борьбу...», а также перебои с горючим «в связи с чем всякое движение вперед и работа значительной части средств связи оказались парализованными»²⁵⁸.

Погодный фактор в октябре 1941 г., безусловно, сыграл свою роль. Полевые командиры ГА «Центр», чьи части вязли в грязи и иногда сутками стояли на одном месте, оказались не подготовленными к такому повороту событий. Дождь, мокрый снег мешали им осуществлять быстрое продвижение, а российские дороги не были похожи на автострады Западной Европы. Так, 45-я пехотная дивизия (2-й танковой армии) еще 13 октября 1941 г. застряла недалеко от населенного пункта Быстроны из-за «невообразимо плохих дорожных условий, не имея перед собой противника...» Такое же положение было и в других дивизиях²⁵⁹.

Вместе с тем детальный анализ немецких документов показывает, что погодные условия стали тем фактором, который лишь осложнил ту ситуацию, которая начала складываться для соединений ГА «Центр» в результате усилившегося советского сопротивления. Не случайно в упомянутой сводке ОКХ от 18 октября 1941 г. основное внимание было уделено именно «высокой обороноспособности русских», а не погодным условиям. На следующий день в очередной сводке появилась следующая запись: на фронте 4-й танковой группы «противник по-прежнему оказывает упорное сопротивление и не сдает без боя ни пяди земли, ни одного дома...»²⁶⁰

Избранная командованием Западного фронта тактика прикрытия основных направлений возможного продвижения германских войск к Москве (в т.ч. главных дорог) заставляла части вермахта либо наступать на советские укрепленные позиции в лоб, либо обходить их по бездорожью. Более того, в этот период от командующих армиями в штаб ГА «Центр» стала поступать тревожная информация

об ожесточенных столкновениях с русскими танками. Головной болью командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге в конце октября начале ноября 1941 г. была не размокшая почва и плохие дороги, а советская техника, контратакующая германские соединения. 2 ноября он доложил в штаб фон Бока: «...На участке 34 пд 13 октября произошел бой между нашими легкими полевыми гаубицами и тяжелыми советскими танками (предположительно 52-тонными), в ходе которого с расстояния от 500 до 25 метров по танкам было выпущено попеременно 30 бронебойных и брзизантных снарядов и 10 снарядов 10 см образца 1939 г. Уничтожив 3 легких полевых гаубицы, 7 средних и одну легкую противотанковую пушку, танки отошли назад... Несмотря на многочисленные попадания бронебойных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% из всех танков — танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение...»²⁶¹

Еще раз обращаясь к вопросу о «погодном факторе» в период немецкого наступления на Москву, отметим, что полевым командирам ГА «Центр» было приказано встретить непогоду во всеоружии. Еще 3 сентября 1941 г. фон Бок отдал распоряжение своим войскам принять для этого все необходимые меры²⁶². Но, видимо, вера немецких генералов в быстрый успех была так велика, что передовые немецкие части к приходу распутицы оказались не готовы ни физически, ни психологически.

Снабжение группы фон Бока оказалось также не на высоте. В целях бесперебойного движения грузов немецкому командованию приходилось выделять значительные ресурсы для восстановления транспортного сообщения. 26 октября 1941 г. было открыто движение немецких поездов до станции Вязьма²⁶³. Войска 4-й армии и 4-й танковой

группы оказались, таким образом, в лучшем положении, чем остальные объединения группы армий. Однако для 9-й армии и 3-й танковой группы, чьи соединения действовали далеко на фланге ГА «Центр», проблема снабжения и все последующее время оставалась довольно серьезной. Ее не смогло решить восстановление железнодорожной ветки от ст. Вязьма до Сычевки²⁶⁴. Командующий 3-й танковой группой генерал Рейнгардт (назначен вместо Г. Гота 5 октября 1941 г.) доносил, что ежедневный подвоз грузов покрывает лишь текущие потребности танковой группы, но не обеспечивает потребностей наступления²⁶⁵.

Сразу возникает вопрос — как немцы собирались снабжать 3-ю танковую группу на Валдае, если им и под Калинин доставлять грузы было проблематично. Попытка прорваться на Торжок съела последние ресурсы этого объединения, и теперь ему приходилось стоять на месте, восстанавливая свои запасы в бензине, снарядах и продовольствии. 2-я танковая армия также испытывала нехватку топлива и боеприпасов. Таким образом, германским силам, действующим на северном и южном флангах ГА «Центр» во второй половине октября стала просто необходима передышка.

Отсутствие у ГА «Центр» достаточных резервов — еще одна важнейшая причина срыва германского наступления на Москву в октябре месяце 1941 г. Уже спустя несколько дней после начала операции «Тайфун», 3 октября 1941 г., начальник штаба ГА «Центр» генерал Грайфенберг передал в подчиненные ему инстанции приказ ОКХ: расформировывать в случае необходимости целые батальоны в полках и роты в батальонах и передавать личный состав для укомплектования незанятых штатных должностей. Это было вызвано тем обстоятельством, что в ближайшее время не предусматривалось прибытия сколько-нибудь значительного пополнения. Численность аппарата снабжения подразделений стала приходиться в несоответствие с их боевым составом; часто снабженцев оставалось больше, чем сол-

дат на передовой²⁶⁶. Напомним, что к началу октября все наличные резервы ГА «Центр», за исключением 19-й танковой дивизии, 900-й учебной бригады и полка СС «Великая Германия» были уже введены в сражение²⁶⁷.

* * *

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин германские части вынуждены были приостановиться, чтобы пополнить передовые подразделения личным составом тыловых служб, привести в порядок материальные, продовольственные и боевые припасы. Стойкость советских частей на укрепленных рубежах Можайской оборонительной линии и на главных направлениях удара группы армий «Центр» стала неожиданностью для немецкого командования, она предопределила фиаско германского наступления во второй половине октября 1941 г. Группе армий «Центр» стала необходима передышка для продолжения наступления. Это, в свою очередь, дало Ставке Верховного Главнокомандования возможность перебросить на защиту столицы дополнительные соединения из восточных регионов Советского Союза. Встреча передовых германских подразделений, продвигающихся на Москву со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. Еще 22 октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что в дальнейшем можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной дивизии с Дальнего Востока и, что «до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба...»²⁶⁸ В дальнейшем оказалось, что немцы глубоко заблуждались.

Затягивать оперативную паузу до начала морозов германская армия не собиралась. 30 октября 1941 г. фон Бок издал приказ по группе армий № 2250 на продолжение операций.

Последний натиск на Москву

С момента выхода приказа № 2250 до начала нового наступления ГА «Центр» на Москву прошло целых две недели. Операции немцев продолжились лишь с 15 ноября. Части и соединения ГА «Центр» совершали перегруппировку, приводили в порядок материальную часть, пополнялись личным составом. Существенную роль в определении сроков наступления сыграли погодные условия. Германское командование намеревалось дожидаться, пока почва подмерзнет с тем, чтобы продвинуть вперед моторизованные соединения, не опасаясь, что они увязнут в грязи. Однако не это являлось главной причиной затянувшейся оперативной паузы. ГА «Центр» находилась под непрерывным воздействием контрударов советских частей.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной военно-исторической литературе достаточно хорошо изучены вопросы, касающиеся разногласий между ОКВ, ОКХ и командованием групп армий по поводу возможности и необходимости продолжения наступления на Москву. Известно, что на совещании в Орше 12 ноября 1941 г., состоявшемся в ставке фельдмаршала фон Бока с участием Гальдера, Браухича, начальников штабов групп армий и других высших германских офицеров были высказаны различные точки зрения о целесообразности дальнейших операций в направлении столицы. Начальники штабов ГА «Север» и ГА «Юг» были против продолжения наступления. Напротив, представители ОКХ и штаба ГА «Центр» считали необходимым завершить кампанию 1941 года взятием главного города Советского Союза. Для них Москва являлась не только важнейшим стратегическим объектом, но и символом. Немецкие войска, по их мнению, не могли остановиться на полпути, не дойдя до цели каких-то 60—100 км. К тому же, ни Браухич, ни Гальдер, ни честолюбивый фон Бок просто не могли отказаться от захвата города, поскольку тогда

ставилось под сомнение значение всех побед германского оружия, достигнутых на московском направлении летом и осенью 1941 г.

Представители верховного командования Германии (в первую очередь сам Гитлер) полностью поддерживали стремление ОКХ продолжать операции на Востоке поздней осенью. Уже после войны, летом 1945 г., британский историк Б. Лидделл Гарт получил возможность задать несколько вопросов находившемуся в американском плену В. Кейтелю. Историк спросил его, почему же наступление на Москву возобновилось в ноябре 1941 г? Не сыграла ли здесь свою роль, в частности, позиция Японии? Бывший начальник штаба ОКВ ответил: «Япония здесь не причем. ОКВ полагало, что японцы будут и дальше сохранять свой нейтралитет с СССР. Удар по советской столице в ноябре был нами тщательно подготовлен, и мы верили, что он должен привести к окончательной победе...»²⁶⁹

В этой связи нуждаются в дополнительном исследовании некоторые существенные моменты планирования нового наступления. Во-первых, недостаточно ясно на основании каких источников (данных) немецкие генералы строили свои расчеты на очередной и теперь уже окончательный успех; и, во-вторых, какие конкретные действия разрабатывались в штабе группы армий «Центр» по захвату Москвы²⁷⁰.

Детальный анализ всех этих вопросов поможет нам более целостно представить обстановку на фронте ГА «Центр» в ноябре — начале декабря 1941 г. и понять причины незавершенности операции на ближних подступах к столице.

Прежде всего, германское командование строило свои расчеты на том, что советские вооруженные силы крайне ограничены в своих возможностях: «...После сражения под Киевом, Брянском и Вязьмой, — отмечалось в сводке отдела по изучению иностранных армий Востока в конце октября, — русская армия сражается на растянутом фрон-

те, имея лишь на некоторых участках массированные группировки. Противник стремится спасти от уничтожения, по возможности, сильные части и сохранить приемлемый базис для продолжения боевых действий в следующем году...». При разработке плана нового наступления главное командование сухопутных войск учитывало следующие обстоятельства: «...Высшее русское командование, учитывая слабость своих сил, видимо отказалось от прежнего опыта ведения активной обороны...». Для продолжения борьбы, по мнению представителей германской разведки, русским необходимо было обеспечить максимальное использование железных дорог в треугольнике Ростов—Москва—Вологда (что обеспечивало связь с Кавказом, Уралом и Мурманском), поскольку резервов под Москвой, имеющих сколь-нибудь значительную силу, Красная армия уже не имела²⁷¹.

Безусловно, что такая оценка ситуации рождала надежды на долгожданный успех.

Приказом № 2250 от 30 октября объединениям ГА «Центр» были поставлены следующие задачи: 2-й армии — наступать на Воронеж; 2-й танковой армии нанести удар через р. Оку между Рязанью и Каширой; 4-й армии — наступать на Москву по важнейшим направлениям южнее и севернее шоссе Москва—Смоленск; северному флангу 4-й армии и 4-й танковой группе — продвигаться на Клин; 3-й и 4-й танковым группам, в перспективе, — наступать на Ярославль и Рыбинск; 9-й армии — отбросить противника на участке р. Лама и захватить переправы на западном берегу Волжского водохранилища (операция «Волжское водохранилище»). Немецкое командование рассматривало этот план как продолжение действий, предусмотренных приказом № 1960/41 от 14 октября 1941 г. на окружение Москвы²⁷². Насколько широким должно стать кольцо охвата советской столицы в приказе от 30 октября не уточнялось.

В этом приказе также не ставились конкретные задачи немецкой авиации. И это, как отмечает российский ис-

следователь Д. Хазанов, не случайно. Генерал-фельдмаршал фон Бок учитывал, что в ставке фюрера принято решение, не дожидаясь окончания боев под Москвой, вывести значительную часть сил 2-го воздушного флота с Восточного фронта. Трудная обстановка, которая сложилась в районе Средиземного моря заставляла фюрера заботиться о внутривосточном положении Италии, и Гитлер пообещал Муссолини помощь дополнительных сил авиации. Для поддержки действий ГА «Центр» на Востоке оставался только 8-й авиакорпус, которому подчинили оперативное соединение генерала М. Фибига. Общее соотношение сил на московском направлении в середине ноября стало в пользу Красной армии (1138 советских самолетов, против 580 немецких)²⁷³.

Выше уже говорилось о трудностях, с которыми пришлось столкнуться ГА «Центр» в начале ноября 1941 г.: угроза флангам; плохое снабжение; отсутствие достаточного пополнения людьми и др. Необходимо отметить, что у личного состава вермахта отсутствовал опыт ведения боевых действий в условиях морозной погоды, а в частях не было достаточного запаса комплектов теплого обмундирования. Более того, чтобы завести танк или автомобиль в условиях русской зимы немцам требовалось теперь значительное количество времени.

Все возрастающее сопротивление советских войск заставляло германских генералов учитывать вероятность новых крупных потерь в ходе предстоящей операции. Командиры многих соединений ГА «Центр» видели, что противник не намерен сдаваться без боя. В этом отношении показателен пример с дивизией СС «Райх» (4-я танковая группа), которая еще до начала нового наступления подверглась ожесточенным контратакам советских войск на волоколамском направлении.

Перед дивизией «Райх» в начале ноября была поставлена задача уничтожить противостоящие части РККА и достигнуть дороги Истра—Волоколамск. Однако вскоре в штаб

эсэсовского соединения стали поступали сообщения о переброске на этот участок советских танков и стрелковых подразделений²⁷⁴. Две недели упорных боев не привели к сколь-нибудь значительному изменению оперативной обстановки. Советские части продолжали упорно обороняться и контратаковать. 12 ноября 1941 г. командование дивизии было вынуждено отдать приказ на «организацию обороны». При этом немецкой разведкой, посредством наблюдения за позициями Красной армии, было установлено, что: «противник восточнее дивизии «Райх» находится на прежних позициях. Его войска, расположенные напротив 10 тд (соседней с дивизией «Райх». — М.М.) усилились особенно в отношении артиллерии и многоствольных минометов...» Основанием для перехода к обороне послужил тот факт, что «12 ноября превосходящие силы противника провели наступление при поддержке самых тяжелых танков на предместное укрепление около деревни Скирманово...»²⁷⁵

Таким образом, реальная обстановка на фронте группы армий «Центр» диктовала немцам свои условия. 11 ноября фон Бок заявил Гальдеру, что из-за недостатка необходимого количества войск и плохого снабжения взятие Москвы в широкое кольцо окружения невозможно. Более реалистичной целью являлся охват города по линии Дмитров, Загорск, Орехово-Зуево, Коломна. Но и этот вариант был под большим вопросом. Западногерманский историк К. Рейнгардт отмечал, что командующий ГА «Центр» вообще уже больше не рассчитывал на окружение Москвы. Речь шла о фронтальном прорыве в направлении столицы. Вместе с тем немецкий историк говорит о сохранявшейся после совещания в Орше идее наступления в виде охвата противника силами двух наступающих на флангах армий при одновременном фронтальном ударе силами одной армии и одной танковой группы²⁷⁶. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к германским документам, которые непосредственно отражают планиро-

вание действий объединений группы фон Бока в середине ноября 1941 г.

К 15 ноября 1941 г. штаб ГА «Центр» подготовил последнее распоряжение для предстоящего наступления, которое было озаглавлено как «План группы армий». Учитывая положение со снабжением, удар на фронте 4-й армии мог быть произведен не ранее 18 ноября. 9-я армия, самое позднее 15 ноября должна была начать операцию «Волжское водохранилище», достичь р. Ламы и занять переправы на юго-западной оконечности водохранилища, и в дальнейшем наступать в направлении дороги Теряво—Клин—Завидово (Ленинградское шоссе. — М.М.). Задачи 2-й танковой армии в целом не изменились, ей предстояло наступать на северо-восток, к р. Оке. Штабу 2-го воздушного флота была выражена настоятельная просьба усилить свои действия в период проведения наступления. Сроки операции могли изменяться по мере ослабления сопротивления противника на конкретных участках фронта²⁷⁷ (см.: Приложение, док. № 6).

Этот план, подписанный фон Боком, не содержал в себе прямого указания о том — следует ли окружить Москву, или захватить ее фронтальным ударом. Перед немецкими армиями и танковыми группами ставились лишь ближайšie задачи. Однако подразумевалось, что предыдущий приказ об окружении Москвы пока оставался в силе.

Объединения, входящие в состав ГА «Центр», разрабатывали свои собственные планы. К 15 ноября 1941 г. штаб 9-й армии уточнил задачу подчиненным ему войскам. 3-й танковой группе, оперативно подчиненной 9-й армии, предстояло вместе с 56-м армейским корпусом и, по возможности, вместе с 27-м армейским корпусом, опрокинуть противника за р. Лама в районе Телегино. Ближайшей целью 3-й танковой группы была дорога Клин—Завидово, выход к которой создавал предпосылки для дальнейшего наступления к каналу Москва—Волга²⁷⁸.

Необходимо отметить, что постановка конкретных задач подчиненным войскам штабами немецких объединений определялась тогда реальной оценкой сложившейся обстановки и нежеланием забегать далеко вперед пока не станут известны первые результаты нового наступления. Приказ охватить советскую столицу силами 4-й армии и 2-й танковой армии никто не отменял, но генералы вермахта понимали, что выполнить его можно будет только в случае быстрого крушения всей советской обороны. Показательно, что осознание германским командованием того факта, что окружение Москвы является для них непосильным делом, происходило практически одновременно с переходом немецких войск в наступление. Например, хорошо известен факт, что контрудар 49-й советской армии (командующий генерал-лейтенант И.Г. Захаркин) в районе Серпухова, проведенный согласно приказу командующего Западным фронтом от 14 ноября 1941 г., нанес ощутимый урон ГА «Центр». В шестидневных боях были измотаны соединения правого фланга 4-й армии и сорваны их наступательные планы²⁷⁹. В результате, фельдмаршал Клюге сделал вывод, что об окружении Москвы силами 4-й армии не может быть больше и речи²⁸⁰. (Клюге имел ввиду планировавшийся охват Москвы силами его объединения с юга. — М.М.).

Между тем, менее пострадавшие соединения 4-й танковой группы продолжали готовиться именно к охвату города (с севера). В частности, оперативная группа Гейера (9-й армейский корпус и 40-й моторизованный корпус) получила 17 ноября 1941 г. приказ наступать в составе объединения Гепнера через р. Истра с целью окружения Москвы. Начало операции было намечено на 18 ноября; для дивизии СС «Райх», приводившей себя в порядок после предыдущих боев, оно в последний момент было перенесено на 19 ноября 1941 г.²⁸¹ (см.: Приложение, док. № 7).

Не будет преувеличением сказать, что планирование наступления на Москву в ноябре 1941 г. несло на себе определенный оттенок импровизации. Германское командо-

вание видело, что для широкого охвата столицы и решения стратегических задач за ее пределами у немецких войск может не хватить сил, однако, с другой стороны, опытные генералы понимали, что и брать город фронтальным штурмом тоже тяжелейшая задача, — это означает увязнуть в кровопролитных боях в сильно укрепленном и застроенном районе. Факты говорят за то, что германское командование выбирало компромиссный вариант, концентрируя силы на флангах советской обороны и рассчитывая, что удачные решения будут найдены уже в ходе самого сражения. Продвижение 3-й танковой группы и части сил 9-й армии к каналу Москва-Волга отрезало столицу от северо-западных районов страны, а 2-й танковой армии — на Тулу и Коломну от южных и юго-западных. Это улучшало оперативную обстановку на фронте ГА «Центр» и ограничивало возможность советского военного руководства перебрасывать дополнительные войска на помощь обороняющемуся городу. Однако дальнейшее растягивание фронта играло уже против замыслов германского командования. Оно понимало, что рассчитывать на то, что для Красной армии будут устроены очередные «Канны», по крайней мере, преждевременно.

Очередная корректировка оперативных задач ГА «Центр» произошла уже после того, как основные германские силы перешли в наступление на Москву. Но поскольку новые указания во многом дополняли предыдущие немецкие планы, будет правильней рассмотреть их прежде чем перейти непосредственно к описанию хода боевых действий. 19 ноября 1941 г. в ОКХ поступила следующая директива ОКВ: «целью операции на северном фланге ГА «Центр», — говорилось в ней, — должно быть уничтожение противника в районе г. Клин путем двустороннего охвата...» Общий смысл нового приказа, переданного из ОКХ в штаб ГА «Центр» на следующий день, 20 ноября, сводился к тому, чтобы окружить советские части в районе Клина—Солнечногорска силами северного фланга 4-й танко-

вой группы и 3-й танковой группы, а затем прорвать фронт пояса обороны Москвы по обеим сторонам автострaды (имелось в виду шоссе Москва—Минск. — *М.М.*). Главное командование сухопутных войск разъясняло, что согласно устному распоряжению фюрера такое разделение общей операции на несколько двусторонних охватов должно привести к уничтожению большинства соединений Красной армии и воспрепятствовать их отступлению на новые позиции. Наступление в направлении Ярославля ставилось в зависимость от количества сил, которые останутся в распоряжении группировки после прорыва фронта под Москвой²⁸². (см. Приложение, док. № 8)

В тот же день, 20 ноября, отвечая на запрос генштаба ОКХ о возможности осуществления замыслов ОКВ, фельдмаршал Бок указал на безусловную необходимость проведения так называемой «северной» операции — в районе Клина—Солнечногорска. Однако он предостерегал, что ее обеспечение с востока силами 3-й танковой группы из-за плохого снабжения будет ограниченным. Далее фон Бок отметил, что наступление по обеим сторонам автострaды («южная» операция) не соответствует возможностям группы армий: правый фланг 4-й армии был не в состоянии перейти в решительное наступление. Он полагал, что будет возможно после проведения первой части операции путем давления с севера и одновременного фронтального удара 20-го и 12-го армейских корпусов заставить противника отойти перед правым флангом 4-й армии. Командующий ГА «Центр» указывал на то, что не имеет достаточно сил для полного уничтожения советских войск, а наступление в направлении Ярославля, по всей видимости, придется отложить из-за нехватки горючего²⁸³.

Поддержка наступления ГА «Центр» со стороны соседних группировок по-прежнему отсутствовала. Фон Бок упрекал командующего 6-й армией фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау, а также командующего ГА «Север» фельдмаршала фон Лееба в том, что они никаким образом не

содействуют удару его соединений²⁸⁴. В результате, 2-я и 9-я армии, по мере наступления главных сил группы на Москву, вынуждены были планировать частные наступательные операции для прикрытия растягивающихся флангов ГА «Центр».

Надо сказать, что командование этих армий действовало с оглядкой. В приказе по 9-й армии № 1а 4300/41 с. от 9 ноября 1941 г. говорилось о большой вероятности ведения ее соединениями позиционных боев вплоть до начала весны следующего года²⁸⁵. Генерал Штраус надеялся, что к началу зимы ему все же удастся выйти на линию Волжский бассейн — Калинин — Вышний Волочек, которая сократила бы фронт армии на 90 км и сделала бы северный фланг ГА «Центр» менее угрожаемым. Однако для осуществления этого замысла необходимо было привлечение дополнительных сил, что было практически нереальным²⁸⁶.

Не видело возможностей для глубокого продвижения на восток и командование 2-й армии (командующий генерал танковых войск Р. Шмидт с 15 ноября 1941 г. по 15 октября 1942 г., в период, когда генерал М. Вейхс находился в отпуске по болезни). После захвата Курска, командиры соединений 2-й армии стали также подумывать о зимних квартирах. В телеграмме командующему ГА «Центр» от 3 ноября 1941 г. начальник штаба армии отмечал: «...армия должна иметь ввиду то, что она до конца ноября или начала декабря не отойдет далеко от линии восточнее Курск—Малоархангельск—Новосиль. К этому времени надо рассчитывать на наступление зимы... поэтому армия считает необходимым... расположиться на зимних исходных позициях, планомерно подготовить места расположения войск, обеспечить себя средствами отопления и т.п.»²⁸⁷. В конце ноября командование 2-й армии планировало продвигнуться максимум на 80 км в глубь территории Советского Союза, чтобы улучшить оперативную обстановку и занять выгодный участок обороны.

По существу, основная тяжесть наступательных операций ложилась на три танковых объединения (3-я и 4-я танковые группы и 2-я танковая армия) и одну полевую армию (4-я армия). Сила их была еще велика, но в середине ноября фон Бок стал беспокоиться, что противник в состоянии преподнести сюрприз, перебросив под Москву свежие силы с других участков фронта²⁸⁸. Группа армий «Центр» резервов не имела. Однако фон Бок верил в новый решительный успех своих войск. Ноябрьское наступление германской армии на Москву должно было привести вермахт к окончательной победе. Взятие столицы и подавление остатков сопротивления Красной армии, по мнению немецкого командования, было делом ближайших дней.

* * *

Итак, 15 ноября ГА «Центр» возобновила наступление на Москву. Ее войска вводились в сражение в течение почти пяти суток. Погода благоприятствовала атаке. Солдаты и техника начали продвигаться на восток по мерзлой и твердой, словно камень, земле, лишь слегка припорошенной снегом. Даже когда солнце достигло зенита, оно было едва ощутимо и не давало никакого тепла. Небо было ясное, светлое, почти кристальное²⁸⁹. Метелей не предвиделось до конца месяца. Никаких ограничений действий германской авиации не было. Казалось, пройдет еще несколько дней и немецкие танки ворвутся в советскую столицу.

15 ноября начался поистине кульминационный момент кампании 1941 года. Он не был продолжительным. С начала нового немецкого наступления на Москву 15—19 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление — 5—6 декабря 1941 г. прошло всего полмесяца с небольшим, но именно за это время сила германских соединений, наступающих на Москву, основанная на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров были превзойдены стойкостью советских бойцов, экстренными мерами правительства Советского Союза и руково-

дства его вооруженных сил по мобилизации ресурсов на отпор врагу. В срыве последнего наступления сыграла свою роль и накопившаяся масса ошибок германского командования в анализе общей ситуации на Восточном фронте и в оценке остающегося потенциала Красной армии.

Сразу отметим, что немецкой авиации не удалось в ноябре захватить господство в воздухе в районе Москвы. Неудачными оказались германские атаки на советские аэродромы. Боеспособность многих авиачастей люфтваффе снизилась до критической отметки. Они теряли самолеты как в воздухе, так и на земле. Многие боевые машины не могли взлетать и по причинам плохой погоды, неудовлетворительного состояния аэродромов. Неспособность немецкой авиации в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижало темпы продвижения ГА «Центр» к советской столице, отрицательно влияло на моральное состояние германских военнослужащих. Так, командование 4-й танковой группы отмечало тогда, что «налеты русских бомбардировщиков и штурмовиков причиняют большие потери. В войсках недовольны отсутствием нашей авиации»²⁹⁰.

Первой нанесла удар 9-я немецкая армия. Прорвав оборону 30-й армии Калининского фронта, немцы расчленили ее соединения, оттеснив их к Волге, а также к востоку и югу от Волжского водохранилища. 9-я армия завершила свою операцию захватом переправ через водную преграду, и с 19 числа перешла к обороне²⁹¹. 3-я танковая группа продвинулась в направлении Клина.

4-я танковая группа за три дня наступления смогла вытеснить 16-ю советскую армию лишь с главной полосы обороны и продвинуться всего на 4—6 км. 16 ноября перешел в наступление 5-й армейский корпус генерала Руофа (2-я танковая, 35-я и 106-я пехотные дивизии) на левом фланге 4-й танковой группы. Корпус продвигался навстречу 3-й танковой группы в направлении на Клин²⁹².

Проведенный по приказу Ставки ВГК контрудар 16-й советской армии не застал немцев врасплох. Соединения

4-й танковой группы сумели нанести значительные потери советским 58-й танковой, 17-й и 44-й кавалерийским дивизиям. Действуя на открытом пространстве, кавалерийские части нередко в упор расстреливались артиллерийским и пулеметным огнем противника, что привело к большим потерям и значительно ослабило участок фронта 16-й армии.

19 ноября генерал-полковник Гепнер ввел в сражение два моторизованных корпуса: 40-й генерала танковых войск Штумме и 46-й генерала танковых войск Витингхоф-Шеель, действовавших совместно с пехотными частями. Перед моторизованными соединениями вермахта лежала укрепленная полоса обороны, простиравшаяся до р. Истра. Уже в первые дни наступления завязались жестокое сражение. Особенно упорные бои шли на участке дивизии СС «Райх», которой противостояла 78-я стрелковая дивизия («сибирская»). С 26 ноября 78-я дивизия стала 9-й гвардейской. Ей командовал полковник, а с 27 ноября генерал-майор А.П. Белобородов. Несмотря на контратаки советских войск, 21 ноября 46-й корпус занял населенный пункт Ново-Петровское. В то же время 40-й корпус пробился на восток севернее города Истра²⁹³.

Удар соединений левого фланга ГА «Центр» пришелся как раз по стыку Калининского и Западного фронтов, где советская оборона была наиболее уязвимой. Это обстоятельство, наряду с неудачным проведением контрудара 16-й армией, позволило немецким войскам добиться значительного успеха. 23 ноября они заняли Клин и Солнечногорск. Дивизия СС «Райх» сумела потеснить 78-ю стрелковую дивизию. В приказе командира немецкого соединения от 24 ноября отмечалось, что «слабые силы противника, ведя арьергардные бои, отступают на восток... На дороге от Ново-Петровского до Истры и южнее они удерживают полевые укрепления с целью защиты города Истра... Группа Гейера (9 АК и 40 МК) продолжает наступление на Истру с целью ее окружения с обеих сторон...»²⁹⁴

24 и 25 ноября 11-й танковой дивизии вермахта удалось переправиться через р. Истра и Истринское водохранилище. 26 ноября этот участок советской обороны был уже полностью в руках немецких войск. Попытки удержать г. Истра окончились для советских частей неудачей²⁹⁵.

Наступление войск фон Бока развивалось, казалось, вполне успешно. Штаб группы получал обнадеживающую информацию о положении своих соединений. 23 ноября штаб 3-й танковой группы сообщал о своих намерениях «продвинуться вперед для защиты восточного фланга сил, окружающих Москву, а также непосредственно на Москву, пока до района восточнее Сенежского озера...» Однако наступление к каналу Москва-Волга командование танковой группы предлагало пока отложить²⁹⁶.

Штаб ГА «Центр» немедленно отреагировал на изменение оперативной обстановки на северном фланге сил наступающих на Москву. В директиве командованию 3-й танковой группы и 4-й армии ставилась следующая задача: «...4-й армии надлежит продвигаться левым флангом восточнее водохранилища Истра в южном и юго-восточном направлении, в целях разгрома противника перед центром атакующей группы; 3-я танковая группа обеспечивает северо-западный фланг наступления 4-й армии и с этой целью продвигает свои части возможно дальше на восток...»²⁹⁷

Ставка была сделана на успех 4-й танковой группы. С истринского участка немецкие соединения выходили на ближние подступы к Москве. Бои шли уже в районе дачных поселков в окрестностях города. Окружение столицы отошло на второй план, — германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на городских улицах. Удары соединений ГА «Центр» следовали один за другим. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствующих сторон. Немцы стремились открыть себе путь продвижения к столице по важнейшим транспортным магистралям с твердым покрытием. Захват Истры, Клина и

Солнечногорска, казалось, позволял им исполнить задуманное.

Штаб дивизии СС «Райх» полагал, что после захвата Истры устранил «самый важный опорный пункт последнего фронта обороны западнее Москвы», а впереди остаются лишь арьергарды советских частей, отступающих на восток²⁹⁸. Основной задачей 4-й танковой группы в сложившейся обстановке являлось теперь максимально возможное расширение захваченной территории²⁹⁹. Отметим, что советскому командованию приходилось прилагать в тот момент максимум усилий, чтобы обстановка не вышла из-под его контроля.

Несмотря на то что основные сражения развернулись северо-западнее Москвы, дальнейший успех немецкого наступления зависел во многом и от событий на южном фланге ГА «Центр», в районе г. Тулы. С 18 ноября главный удар танковой армии Гудериана был направлен по стыку Западного и Юго-Западного фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга армии А.Н. Ермакова (50-я армия), немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа, что в 6 км к югу от Каширы. Но неожиданно сильный контрудар кавкорпуса Белова (2-й кавкорпус, а с 26 ноября — 1-й гвардейский кавкорпус) заставил противника перейти к обороне. Все попытки Гудериана овладеть Тулой также оказались безрезультатными³⁰⁰. Важно подчеркнуть, что позиции советских частей, обороняющих этот город, образовывали большой выступ в немецком фронте, который как бы разрезал ГА «Центр» на две неравные половины и не давал возможности германскому командованию осуществлять нормальное снабжение и пополнение выдвинутых вперед соединений Гудериана. Это обстоятельство сказалось на осуществлении всего оперативного замысла операции.

В начале декабря немцы вновь попытались овладеть Тулой. 24-й моторизованный корпус обходил город с северо-востока, а 43-й армейский корпус — с запада. Соеди-

ниться они должны были в районе Кострова, в 25 км от Тулы. Германские соединения вышли к Московскому шоссе. Тула была почти полностью окружена, оставался лишь узкий коридор в 5—6 км, но преодолеть его немцы не смогли. Войска советской 50-й армии отразили натиск противника. Стоит подчеркнуть, что в решающий момент сражения 2-й танковой армии не хватило сил и средств, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Объединению Гудериана пришлось не только преодолеть значительное расстояние, чтобы выйти к Туле, но и выделить ряд соединений для охраны своего восточного фланга. 47-й моторизованный корпус был вынужден продвигаться на восток к Михайлову для защиты растянувшихся коммуникаций 2-й танковой армии. Очевидно, что если бы Тула в тот момент пала, то немцы добились бы более тесного взаимодействия 4-й армии и 2-й танковой армии. В этом случае советская оборона к югу и юго-западу от Москвы могла бы не выдержать очередного натиска соединений ГА «Центр», и части вермахта сумели бы подойти к столице вплотную и на этом направлении. Удержалась бы тогда Москва или нет — ответить на этот вопрос крайне трудно.

По мнению Гудериана, продвижение фон Клюге навстречу его армии имело даже большее значение, чем проводимое наступление на северном фланге ГА «Центр». Гудериан отмечал, что важнейшим условием успеха всей операции является обеспечение стыка правого фланга 4-й армии с левым флангом 2-й танковой армии³⁰¹.

Командующий 2-й танковой армией считал, что фон Бок действует неправильно, пытаясь взять Москву только с одного направления. Но последний, казалось, не замечал критики в свой адрес. Он уже видел городские кварталы в бинокль и рассчитывал ворваться в них без содействия Гудериана, штаб которого находился еще сравнительно далеко от столицы. (Талантливый и удачливый Гудериан, кроме всего прочего, мог впоследствии составить фон Боку конкуренцию, как «первому полководцу» германского рейха).

Между тем, напряжение на фронте ГА «Центр» усиливалось, а боеспособность германских частей быстро сокращалась. В ротах оставалось всего по 20—30 человек, а пополнения ждать не приходилось. Фельдмаршал Бок понимал, что должен использовать свой последний шанс. Он сравнивал происходящие на северо-западе от Москвы события с битвой на Марне времен Первой мировой войны и полагал, что ему придется бросить в сражение всё до последнего солдата, чтобы окончательно перевесить чашу весов в свою пользу³⁰².

Для того чтобы ворваться в Москву с северо-запада, командующему ГА «Центр» требовалось обеспечить свой левый фланг. Поскольку 9-я армия уже не могла продвигаться на восток, эта задача ложилась целиком на 3-ю танковую группу. Генералу Рейнгардту пришлось смириться, против своего желания, с расширением фронта объединения и отдать приказ по 3-й танковой группе № 31 от 24 ноября 1941 г., в котором была поставлена задача достигнуть канала Москва-Волга в районе Яхромы—Дмитров (см.: Приложение, док. № 9). Однако его сильное беспокойство в это время вызвало большое количество минированных участков, находящихся на пути следования танковых частей группы как на дорогах, так и в населенных пунктах³⁰³.

Ценой громадных усилий 3-й танковой группе удалось в конце ноября продвинуться к каналу и переправиться в районе Яхромы на его восточный берег. Но здесь ее соединения были остановлены передовыми частями советской 1-й ударной армии, переданной 29 ноября 1941 г. из резерва Ставки Западному фронту. Более того, немецкое командование надеялось произвести форсирование канала Москва-Волга на широком фронте, но к началу декабря он замерз лишь частично. Ледяной покров был лишь у берега, а по фарватеру сохранялось слабое течение. Немцы искали возможность предотвратить поступление воды в канал. Однако, как отмечал штаб 3-й танковой группы, насосная установка находилась на восточном берегу, то есть на

участке, занятом советскими войсками³⁰⁴. Быстрого форсирования канала не получилось. Вскоре соединениям 1-й ударной армии удалось разбить и отбросить на противоположную сторону уже переправившиеся немецкие части из 56-го армейского корпуса.

Южнее полосы наступления 3-й танковой группы активными действиями советской 20-й армии было остановлено продвижение вперед 4-й танковой группы на рубеже, проходящем через район деревни Красная Поляна (что в 27 км от Кремля), которая была занята немецкими войсками 1 декабря. Вплоть до 5 декабря на этом участке продолжались ожесточенные бои.

Последняя, отчаянная попытка ГА «Центр» прорваться к Москве произошла 1—3 декабря 1941 г. в районе Звенигорода и Наро-Фоминска (в полосе 4-й армии). Но и она окончилась полным провалом. Вот как излагает происходившие тогда события современный российский исследователь В.М. Сафир. Утром 1 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немцы начали наступление. В районе Звенигорода, их 78-я и 252-я пехотные дивизии особого успеха не имели, но северо-западнее Наро-Фоминска 292-я и 258-й пехотные дивизии, используя свое более чем пятикратное превосходство, прорвали оборону 33-й советской армии. К полудню 2 декабря 478-й пехотный полк 258-й дивизии при поддержке 15 танков занял Петровское и Бурцево. До окраин Москвы оставалось всего 30 км. Прорыв немцев к деревне Бурцево был чрезвычайно опасным и являлся практически последней попыткой фон Бока путем фронтального удара взломать оборону Москвы. Для фланговых атак ГА «Центр» сил уже не имела. Однако в результате контрудара боевой группы 33-й армии под командованием полковника М.П. Сафира части вермахта были остановлены. 478-й пехотный полк, усиленный танковым батальоном, в районе деревень Юшково и Бурцево был разгромлен, а его остатки отброшены назад (по советским данным немцы потеряли до 2 тыс. сол-

дат и 11 танков). Когда стало ясно, что бой проигран, понесены тяжелые потери, а резервов больше нет, командир немецкой 258-й пехотной дивизии принял единственно верное решение — под покровом ночи отойти в исходное положение, сохранив оставшийся личный состав и технику. Операция по ликвидации нарочоминского прорыва ГА «Центр» имела большое значение в битве за Москву. 5-я и 33-я армии Западного фронта сдержали последний отчаянный натиск германских войск и не допустили их продвижения к столице по Минскому и Киевскому шоссе³⁰⁵.

Настроения германских войск, их боеспособность катастрофически падали. Проверяющий офицер генштаба ОКХ, посетивший в начале декабря 1941 г. 20-й и 57-й армейские корпуса 4-й армии (на участке которых и был произведен последний фронтальный удар ГА «Центр» на Москву) отмечал в своем отчете о своей поездке: «...Войска еще готовы к ведению наступательных боевых действий. Но есть серьезная озабоченность по поводу быстрого и резкого понижения этого настроения, если не будет оказана помощь по многим вопросам... [снабжение, пополнение и т.п.]» Негативное влияние на немецких военнослужащих оказывали огромные потери в последних боях, а также, — как особо подчеркивалось офицером генштаба, — поспешность, с которой осуществлялся отход после неудачной операции на фронте 4-й армии³⁰⁶.

Необходимо отметить, что существуют различные точки зрения относительно воздействия, которое оказала наступившая морозная погода на наступление ГА «Центр» в конце ноября — начале декабря 1941 г. Данные о температуре воздуха в период последних попыток группы фон Бока достигнуть столицы в отечественных и зарубежных исследованиях расходятся. Отметим, однако, что по немецким источникам она редко превышала тогда обычную для этого времени отметку — минус 15—16 градусов; и лишь в первых числах декабря достигла 30 градусов ниже нуля по Цельсию³⁰⁷. Естественно, сильный мороз вносил немалые

коррективы в действия германских войск, — в частности, заставлял экипажи танков и водителей грузовиков тратить массу времени и сил на подогрев моторов, а боевые подразделения были вынуждены совершать переходы только вблизи населенных пунктов. Но температура ниже 30 градусов стояла всего 2 дня, и, конечно, холод оказывал воздействие не только на немецких, но и на советских солдат. Причиной срыва наступления ГА «Центр» был не мороз, а возросшее сопротивление Красной армии. Прорыв 478-го пехотного полка вермахта, усиленного танками, в районе Наро-Фоминска, когда немцы всего за сутки продвинулись на глубину 25 км, но затем были остановлены контрударом советских частей — яркое тому подтверждение.

Германскому командованию в начале декабря предстояло реально оценить создавшееся положение, определить свои возможности и решить — что же делать дальше. Чтобы правильно разобраться в ситуации необходимо было, прежде всего, получить достоверные сведения о намерениях противника и его силах. С 20-х чисел ноября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока сообщал о подходе к фронту новых соединений Красной армии, способных вести упорную борьбу и успешно противостоять натиску группы фон Бока: «Русские отошли, ведя бои за выигрыш времени, — отмечала немецкая разведка. — С вводом в бой новых сил усилилось сопротивление противника южнее г. Солнечногорск...»³⁰⁸

Подобная информация в нараставшем объеме стала поступать в генштаб ОКХ, и оттуда — командующим группами армий, армиями, командирам соединений. Однако с их стороны немедленной реакции не последовало. Это произошло не в последнюю очередь потому, что в разведсводках конца ноября — начала декабря 1941 г. о положении на Восточном фронте наряду с достоверными сведениями присутствовали совершенно неверные выводы о намерениях противника.

Так, в сводке за 26 ноября 1941 г. указывалось, что «воздушная разведка установила интенсивное железнодорожное движение между городами Тамбов и Ранненбург...» Однако далее говорилось: «Пока не выяснено — идет ли речь о подвозе новых сил или об эвакуации...»³⁰⁹ 2 декабря немецкая разведка донесла об отступлении советских сил на левом фланге 4-й армии Клюге на юго-восток. Этот факт послужил основанием для следующего вывода: «...отвод сил с фронта обороны и использование их на особо угрожаемых участках еще раз подтверждает предположение о том, что русское командование в настоящее время не располагает резервами и поэтому предпринимает попытки, введя в бой все имеющиеся в распоряжении силы, приостановить наступление немецких войск...»³¹⁰ Заметим, что этот вывод был сделан всего за три дня до начала контрнаступления советских войск под Москвой.

На следующий день, 3 декабря, ситуация на фронте и в тылу Красной армии продолжала оставаться неясной для германского командования. Разведка отмечала, что «на восточном фланге 2-й танковой армии противник активности не проявлял. Признаков появления новых сил нет... По показаниям пленных, юго-западнее Москвы созданы пять оборонительных линий, расположенных одна за другой. Неоднократно противник переходит в атаку севернее Москвы под Яхромой, а также прощупывает слабыми силами фронт 3 ТГр. Противник провел разведку боем перед 13 АК (4 А)... Перед 41 АК значительно увеличилась численность стрелковых дивизий противника, предположительно за счет служащих тыловых служб. Сведения (пока неподтвержденные) о подтягивании противником нескольких бригад на участок фронта в районе канала свидетельствуют о подготовке противника к продолжению наступательных действий западнее Яхромы и севернее Дмитров...»³¹¹

Активные действия Западного и Калининского фронтов настораживали командующих объединениями ГА «Центр». Однако сверху никаких указаний о переходе к обороне

они не получали, и особых мер для охраны своих позиций они не предпринимали.

Данные о прибытии в начале декабря в район Калинина двух свежих советских дивизий сильно обеспокоили командующего 3-й танковой группой генерала Рейнгардта, но не поколебали его дальнейших наступательных намерений. 4 декабря 1941 г. штаб его объединения оценивал ситуацию следующим образом: «Противник подтягивает новые подкрепления к каналу, на фланг танковой группы. Перед продолжением наступления на юг необходимо изолировать этого противника западнее участка: канал Волга-Москва — Икша—Яхрома...»³¹² Замысел командования 3-й танковой группы заключался в том, чтобы продвинуться частями 1-й, 6-й, 7-й танковых дивизий на юг через населенный пункт Черная, одновременно обеспечивая свой фронт с востока. Фланговое прикрытие 56-го армейского корпуса 3-й танковой группы рассматривались как вполне надежное и способное выдержать дальнейшие контратаки советских частей. В то же время штаб объединения генерала Рейнгардта отмечал отсутствие в группе резервов, что крайне неблагоприятно сказывалось на положении наступающих войск³¹³.

Командование 9-й армии в телеграмме в штаб ГА «Центр» от 4 декабря 1941 г. тоже указывало на продолжающуюся перегруппировку противника и его «уплотнение» в районе восточнее Калинина, на участке 186-й и 162-й пехотных дивизий, «по которому, — как отмечалось в донесении, — можно заключить о предстоящих атаках». Советские пленные говорили о «наступлении, в котором, по всей вероятности, примут участие 9-я и 10-я сталинские дивизии...» Штаб 9-й армии ранее надеялся на отступление советских войск перед своим фронтом, которое, однако, пока не наблюдалось³¹⁴.

В сложной ситуации находилось и командование 4-й танковой группы. Дивизии этого объединения продвигались на восток и юго-восток, к окраинам столицы, теряя

силы. 4 декабря вынужден был приостановить наступление 40-й моторизованный корпус. В 14 ч 00 мин 4 декабря 1941 г. отдал приказ на переход к обороне штаб дивизии СС «Райх». Потрепанные в предыдущих боях полки этой дивизии «Дойчланд» и «Дер Фюрер», после захвата поселка Ленино полностью исчерпали свои возможности. Находясь в двух десятках километров от Москвы, командир эсэсовского соединения вынужден был даже отвести свои передовые подразделения на западную окраину поселка Ленино, как подчеркивалось им «имея ввиду лучшую возможность для ведения обороны в течение ближайших дней...»³¹⁵

Получая определенную информацию о перемещении новых советских дивизий в непосредственной близости от линии фронта, видя истощение ударных соединений ГА «Центр» в последней декаде ноября и в первые дни декабря 1941 г., немецкое командование имело возможность предотвратить худшие для него последствия надвигающегося кризиса. В сводках ОКХ отмечалось, что не только на северном фланге ГА «Центр», но и в районе Тулы, на участке 5-го армейского корпуса «противник ввел в бой свежие силы...»³¹⁶

Однако парадокс заключался в том, что выводы немецкой разведки (которые разделяли представители и ОКХ, и ОКВ) во многом противоречили здравому смыслу. Весьма характерна следующая оценка обстановки на фронте отделом по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ. 4 декабря 1941 г. он сообщил: «...сила противника заключается в умелом использовании заминированных участков и в большом количестве тяжелых танков, самолетов и тяжелых орудий... В общем же боеспособность противника не настолько велика, чтобы без значительного подкрепления можно было предпринять крупное наступление»³¹⁷.

Можно только догадываться чего было больше в подобном заключении германских штабистов — незнания истинной обстановки на фронте или нежелания признать ошибочность своих расчетов на неминуемый крах Совет-

ского Союза. Возможно, подчиненная ОКХ разведывательная служба не желала идти против стержневой линии верховного командования Германии, все еще надеявшегося на успех последнего штурма советского бастиона. В любом случае необходимо отметить, что подобные выводы оказывали непосредственное воздействие на командование ГА «Центр». Оно не усматривало в сложившейся ситуации никакой серьезной опасности. Пока была хоть малейшая надежда на успех фон Бок не желал отдавать войскам приказ зарываться глубоко в землю. Противоречие, возникшее между реальной обстановкой на фронте и оценкой таковой немецким командованием стало одной из причин разразившегося вскоре сильнейшего кризиса германской армии.

Безусловно, советское командование сделало все от него зависящее, чтобы контрнаступление было подготовлено как можно более скрытно. Все переговоры по радио и переписка строжайшим образом засекречивались и контролировались. Немецкому военному руководству не удалось получить достоверных данных, раскрывающих замыслы противника. Перехваченные тогда документы Красной армии не содержали планов какого-либо широкого наступления. Так, в руки разведотдела 2-й полевой армии попал приказ штаба одной из противостоящих советских частей. Но в нем немцы нашли лишь информацию о ближайших задачах по удержанию обороны³¹⁸. В немецких сводках также отмечалось, что в ходе боев за город Ефремов не удалось раскрыть намерений советского командования, на этом участке³¹⁹.

Наступление ГА «Центр» на всем ее фронте в первые дни декабря выдохлось. Силы немецких войск иссякли. Продвижение вперед стало невозможным. Что делать дальше, оставалось неясным. Планы ОКХ были фон Боку неизвестны. Как отмечает К. Рейнгардт, командующий ГА «Центр» не имел понятия, как его объединения должны готовиться к обороне в зимних условиях, будут ли для них

подтянуты резервы и не следует ли группу отвести на рубеж, сокращающий линию фронта³²⁰. Шло время, а директивы ОКХ на отступление или закрепление на достигнутых позициях все не поступало; брать инициативу в свои руки фон Бок не стремился и поэтому некоторое время бездействовал. Но 5 декабря 1941 г. когда возникла угроза неоправданно больших потерь 2-й танковой армии, он согласился с отводом ее соединений за р. Дон (на чем настоял генерал Гудериан) и санкционировал переход к обороне 3-й танковой группы³²¹.

В этот же день фон Бок отдал распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковых групп начать подготовку к возможному отходу. Приказ командующего ГА «Центр» № 2870 от 5 декабря 1941 г. гласил: «На случай, если последует приказ на частичный отрыв от противника и занятие обороны, группа армий устанавливает следующий общий рубеж: Нарские пруды — течение реки Москва до Каринское — Истринское водохранилище — Сенежское озеро — район восточнее Клин — левый фланг 36 мд в районе Волжского водохранилища...» Возможное начало отхода было намечено на вечер 6 декабря³²². Но время на организацию обороны было уже упущено. На рассвете 5 декабря соединения левого фланга Калининского фронта, а в 14 часов пополудни — правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли мощные удары по германским частям. Началось контрнаступление советских войск под Москвой. Согласие Гитлера на отход ГА «Центр» последовало лишь на следующий день.

Таким образом, ГА «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 года так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу взятия советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. Одна из них на короткое время достигла Химок. Наступил кульминационный момент сражений, таящий в себе опасность для немец-

ких войск. Академик А. Самсонов писал, что положение ГА «Центр» характеризовалось тогда следующими факторами: армии фон Бока растянулись одним эшелоном на фронте до 1000 км; над фланговыми группировками ГА «Центр» нависли с севера — войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронта; коммуникации группы фон Бока подвергались ударам советских партизан и авиации. К тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная армия была подготовлена намного лучше³²³. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября советские войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной армии на центральном участке фронта.

Время для удара по войскам ГА «Центр», 5—6 декабря, было выбрано советским командованием очень удачно. Противник был истощен, и нужно было использовать выгодную ситуацию, пока фон Бок не получил подкрепления из самой Германии и оккупированных стран Европы.

ПОВОРОТ

«ДЕРЖАТЬСЯ» ЗА КРАЙ ПРОПАСТИ

Начавшееся 5—6 декабря 1941 г. контрнаступление советских войск под Москвой продолжалось до начала января 1942 г. и переросло в общее наступление сил Красной армии. ГА «Центр» оказалась какое-то время на краю пропасти, ее поражение грозило катастрофой всем немецким войскам на Восточном фронте. Инициатива перешла к Красной армии, — теперь уже ее командование определяло время начала и направления ударов по противнику. Однако руководство вермахта все же сумело зимой 1941/42 г. избежать полного разгрома своих войск. Помня о судьбе Наполеона, Гитлер и его генералы предприняли в декабре 1941 — в первой половине января 1942 г. ряд жестких контрмер, позволивших ликвидировать угрозу развала всего фронта. Понять, что из себя представляли эти контрмеры и какое влияние они оказали на ход дальнейших событий, не менее важно, чем разобраться в действиях советской стороны. В этом отношении ключевые этапы боевых действий ГА «Центр» в обороне не всегда совпадают с этапами наступления противостоящих ей сил Красной армии (то есть с хронологическими рамками контрнаступления под Москвой и Ржевско-Вяземской операции). Оборонительные действия ГА «Центр» можно подразделить на следующие периоды: с начала советского контрнаступления и до приказа «держаться»; после этого приказа и до разрешения на отход; и далее — до конца апреля 1942 г. Настоящий раздел посвящен первым из двух указанных периодов, то есть событиям с начала декабря 1941 г. до середины января 1942 г. Обратимся к немецким документам, которые отражают действия ГА «Центр» в кризисной ситуа-

ции и объясняют причины, почему она все-таки не была разгромлена и сумела стабилизировать свое положение на фронте.

* * *

Советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Оно застало войска ГА «Центр» в крайне невыгодный момент, — как раз тогда, когда они переходили от наступления к обороне. Наиболее чувствительными к ударам Красной армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы фон Бока. Они практически до последнего момента продолжали попытки продвинуться к Москве и не предприняли никаких мер на случай отступления.

Еще ранним утром 5 декабря 1941 г. на фронте 3-й танковой группы была сделана последняя попытка продвинуться к столице силами 1-й танковой и 23-й пехотной дивизий. Однако из-за сильного сопротивления противника она быстро сорвалась. Не успели соединения 3-й танковой группы привести себя в порядок, как сразу же сами оказались под ударами советских войск. «Утром 5 декабря, — как отмечалось в телеграмме штаба 3-й танковой группы, отправленной в штаб ГА «Центр» в 15 ч 00 мин, — противник предпринял сосредоточенную атаку силами 2 полков против южного фланга 7 тд...»³²⁴ Это было первое упоминание командованием крупного германского объединения о начале советского контрнаступления. Далее в документе говорилось: «...В настоящее время положение крайне напряженное, 7 тд резервами не располагает. Следует рассчитывать на дальнейшее усиление противника и перед северным флангом танковой группы, так как противник подтягивает силы, по всей вероятности, к 9-й армии. Намерение противника: решительное контрнаступление с целью путем наступления против северного фланга наступающего фронта добиться разрядки обстановки в районе Москвы...» Штаб 3-й танковой группы указывал также

на необходимость срочного перехода к обороне в связи с трудностями обороны чрезмерно широкого участка фронта и слабой боеспособностью измотанных в боях немецких частей. Подчеркивалось, что в некоторых батальонах осталось всего по 3—6 офицеров и 150—180 человек личного состава (как, например, в 6-й танковой дивизии), и что удержать в таких условиях позиции чрезвычайно трудно, а «о расширении фронта, следовательно, не может быть и речи...»³²⁵

Одновременно немецкая воздушная разведка установила движение крупных моторизованных колон противника в районе северо-восточнее Рогачево. Немцы начинали понимать, что действия Красной армии имеют далеко идущие цели и выходят за рамки обычных контрударов тактического масштаба.

Следующий день стал для командующего 3-й танковой группой генерала Г. Рейнгардта днем крушения последних надежд удержаться на достигнутых рубежах. В 15 ч 45 мин, 6 декабря 1941 г. он направил донесение в штаб группы фон Бока: «Противник продолжает свои атаки против 14-й и 36-й моторизованных дивизий с центром тяжести на северном фронте... Вследствие перенапряжения войск и из-за глубокого фланга удержание западного берега канала [в районе] Яхрома—Дмитров больше невозможно...»³²⁶

«Прорыв», «вклинение», «брешь» — эти слова в начале декабря 1941 г. не выходили из лексикона германских полевых командиров ГА «Центр», когда они сообщали о ситуации на своем участке фронта. В полосе 9-й немецкой армии ожесточенные бои развернулись в районе г. Калинин. Штаб армии 6 декабря 1941 г. оценивал положение следующим образом: «...Северо-восточнее Калинина на участке 86 пд противник вел атаки силами 2 дивизий и частью сил кав[алерийской] дивизии; на участке 162 пд противник вел атаки силами 3 дивизий... Кроме известных до сих пор дивизий в этом наступлении, по всей вероятности, приняли участие еще две, неизвестные до сих пор дивизии. Ко-

мандование армии расценивает это наступление как попытку уменьшить нажим 3 ТГр между Москвой и бассейном (Волжским водохранилищем. — М.М.)... Предпринятые вчера и сегодня сильные атаки противника юго-восточнее Калинина закончились прорывами до дороги Москва—Калинин. Ограничатся ли эти атаки противника местными целями или при использовании новых сил они преследуют более широкие цели — определить пока нельзя...»

Далее штаб 9-й армии доносил о неготовности своих соединений к обороне: «...Пехота большей частью находится в земле и смогла создать только незначительные препятствия, так что при более крупном наступлении, поддержанном артиллерией и авиацией, местные прорывы неизбежны и постоянно придется использовать тыловые резервы...» Указывалось, что снабжение частей оставляет желать лучшего и войскам требуется длительный отдых³²⁷.

Очередная опасность возникла на южном фланге ГА «Центр». 7 декабря оперативная группа генерала Ф.Я. Костенко (5-й кавкорпус, 1-я гв. стрелковая дивизия, 129-я танковая бригада и 34-я мотострелковая бригада), которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта нанесла удар по 95-й и 45-й пехотным дивизиям 2-й армии генерала Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассеяны на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. Поздним вечером 7 декабря генерал Шмидт сообщал в штаб ГА «Центр»: «Наша армия отныне перешла к обороне. На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил. Фронт протяженностью в 260 км делает необходимым наши пехотные дивизии располагать на участке в среднем равном 40 км и моторизованные дивизии — 30 км. Этими силами можно осуществлять только охранение, но нельзя организовать защиты... Прорыв фронта армии в одном месте или охват у Курска создает опасность отведения назад всего фронта...»³²⁸

Прорыв не заставил себя долго ждать. Наступление советских объединений Юго-Западного фронта (13-я армия генерал-майора А. Городнянского, 3-я армии генерал-майора Я. Крейзера и оперативная группа Костенко) не позволило беспрепятственно отвести назад войска немецкого 34 армейского корпуса. Штаб 2-й армии оценивал 9 декабря ситуацию на его участке как чрезвычайно тревожную: «...сильное давление противник оказывает с юго-восточного направления на Ливны. Проведенный здесь сегодня глубокий прорыв в районе Юркий должен быть ликвидирован атакой правого полка 95 пд... вечером необходимо начать отход из района по обе стороны Ельца...»³²⁹

Оборона 2-й армии не выдержала натиска советских частей. Контратаки немцев также не увенчались успехом. Создалась угроза глубокого оперативного прорыва Красной армии на курском и орловском направлениях и связанная с этим опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода 2-й танковой армии.

В свою очередь, соединения 2-й танковой армии, атакованные ударными силами 10-й советской армии (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) и оперативной группы генерал-майора П.А. Белова вынуждены были уже 7 декабря 1941 г. оставить город Михайлов и начать отход от Тулы³³⁰.

В оперативной сводке штаба ГА «Центр» за 7 декабря 1941 г. говорилось об ожесточенных боях на участке 53-го армейского корпуса (2-я танковая армия). 3-я танковая дивизия после ожесточенного боя оставила н.п. Новоселки. 296-я пехотная дивизия испытывала на себе непрерывный артиллерийский и минометный огонь противника. На восточном участке фронта 2-й танковой армии у города Михайлов, подошедшие свежие советские части усилили натиск на немецкие позиции.

Не было спокойно и в полосе 4-й танковой группы. В оперсводке штаба ГА «Центр» за 7 декабря сообщалось, что «...на участке 4 ТГр происходили атаки противника не-

уменьшающейся численности. Особенной ожесточенностью отличаются атаки на фронте 5 АК...»³³¹

Создавшееся кризисное положение вынуждало немецкое командование принимать решения. 6 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» отдал приказ № 2900 на отход части сил 3-й и 4-й танковых групп на новый рубеж. Согласно указанию фон Бока 3-й танковой группе было разрешено с 7 декабря начать отступление до линии Сенежского озера, Аладыно, Доршево; 4-й танковой группе «...отвести свой северный фланг, соответственно с отходом южного фланга 3 ТГр, до района Сенежского озера»³³².

Командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Гепнер отдал распоряжение оставить занимаемые позиции и на других участках своего фронта, в т.ч. в полосе дивизии СС «Райх». 8 декабря штаб эсэсовской дивизии приказал своим подчиненным частям ускорить занятие оборонительных позиций западнее Истры. Отступление должно было начаться уже в ночь с 9 на 10 декабря. Однако в тылу у немцев никаких «оборонительных позиций» пока не было. Они существовали лишь на бумаге. Начальники создаваемых оборонительных участков только приступили к рекогносцировке местности у р. Истра. Для рытья окопов и постройки ДОТов срочно перебрасывались саперы. Но использовались на земляных работах все немецкие солдаты, которые тогда оказывались под рукой: личный состав роты противотанкового дивизиона и батареи легкой зенитной артиллерии³³³.

Отступая с оккупированной территории, германские войска оставляли за собой выжженную землю. На мирное советское население обрушились новые ужасающие бедствия. Античеловечная сущность нацизма отразилась в приказе командира дивизии СС «Райх» от 8 декабря 1941 г. Вот лишь выдержка из него: «...7) Все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования [противника] были бы сожжены без остатка. Для каждого

дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7.00, 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло бы внимание противника...»³³⁴

Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской армии. Они, кстати, свидетельствуют о том, что ответственность за уничтожение советских населенных пунктов несет на себе не только высшее германское руководство, но ее в равной мере разделяет командование на фронте (причем созданием после себя «полной пустыни», как будет показано ниже, занимались не только войска СС, но и обычные части вермахта).

Командующего ГА «Центр» в это время еще не оставляла надежда на то, что каким-то образом удастся остановить начавшееся контрнаступление Красной армии. Он никак не мог поверить в способность советского командования навязать немцам свою волю. В один момент фон Бок даже решил, что все дело в боеприпасах. Его беспокоило большое количество танков, введенных в сражение советскими фронтами, и он рассчитывал приостановить их продвижение применением новых бронбойных снарядов. Вечером 7 декабря фон Бок запросил разрешение главного командования сухопутных войск выдать войскам его группы артиллерийские боеприпасы с «красной головкой» (кумулятивные снаряды. — М.М.). Свою просьбу он подкрепил донесением командующего 4-й армией фельдмаршала Клюге, в котором, в частности отмечалось: «...танки, участвующие во всех атаках русских, особенно Т-34 и тяжелые [танки], представляют угрозу для нашей сильно уставшей и измотанной пехоты. Борьба с танками Т-34 и тяжелыми [танками] имеющимися в распоряжении средствами явно недостаточна. Если удастся снять эту нагрузку с нашей пехоты, то она, несмотря на свою малочисленность, еще будет в состоянии выполнить свою задачу...»³³⁵

Естественно, что одно только поступление новых боеприпасов не могло спасти ситуацию (тем более что достав-

ка их на фронт задерживалась). Тем временем ГА «Центр» продолжала откатываться назад. Лавина советского контрнаступления нарастала как снежный ком. Отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ 7 декабря доносил о подходе все новых советских сил из тыловых районов Советского Союза: против юго-восточного фланга 2-й армии — кавалерийских частей из Воронежа; против фронта 9-й армии — 262-й стрелковой дивизии и еще двух дивизий с неустановленными номерами. Немецкая разведка также отмечала: «...Сосредоточение крупных ударных сил противника, массированное использование им авиации, артиллерии и танков позволяет сделать вывод о подготовке и попытке осуществить наступление с целью деблокирования московского участка фронта... Русское командование планирует прорыв нашего фронта на участке между Москвой и Калининым, чтобы иметь возможность ударить в тыл нашим частям». Германское командование беспокоилось, что советские войска имеют цель охватить соединения 3-й танковой группы и для этого развивают свой успех в направлении города Клин³³⁶.

В районе Клина немцы оказали упорное сопротивление наступающим силам 1-й ударной и 30-й армиям Западного фронта. Город был узлом, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а всю эту группу — с тылом ГА «Центр». Выход советских частей к Клину создавал серьезную угрозу флангового удара по всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Германскому командованию пришлось спешно усиливать свою клинскую группировку переброской войск с других участков. Терять город оно не было намерено. Это обстоятельство привело к некоторому замедлению темпа наступления 1-й ударной и 30-й советских армий, но облегчило боевые действия другим войскам правого крыла Западного фронта (16-й и 20-й армий), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях³³⁷.

Расширение боевых действий на фронте под Москвой заставляло командование ГА «Центр» теперь более объективно оценивать обстановку и приступить к разработке плана отвода своих группировок на подходящие для обороны позиции. 8 декабря 1941 г. Гитлер дал принципиальное согласие на отход войск на новые тыловые рубежи. Однако он потребовал их предварительно подготовить: «отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках...» и т.п.³³⁸ В директиве фюрера № 39 от 8 декабря 1941 г. говорилось о необходимости «прекращении всех крупных наступательных операций и переходу к обороне».

Гитлер признал, наконец, что наступление на Москву полностью провалилось, но делать из этого далеко идущие выводы в отношении мощи Советского Союза он не желал. Дело в том, что Германия, по его мнению, вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. Гитлер был к этому психологически готов. Вступление Америки в войну, по его расчетам, должно было придать новый импульс боевым действиям на Восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году, когда войска вермахта смогут привести себя в порядок. Решение на переход к обороне было обусловлено Гитлером необходимостью удержания важных в оперативном и военно-хозяйственном отношении районов противника; предоставлением отдыха войскам и их пополнением; и, главное, созданием предпосылок для возобновления в 1942 г. больших наступательных операций на Востоке. Предусматривалась также передислокация сил из различных районов Германии и оккупированных западных стран на советско-германский фронт, замена солдат старших возрастов на более младших, сокращение штатов военных миссий в союзных странах, мобилизация рабочих имеющих бронь и замена их пленными³³⁹.

Главному командованию сухопутных войск поручалось теперь определить районы для создания новых оборонительных позиций. Тыловые рубежи, которые «предоставляли бы войскам лучшие условия для обороны» должны были быть подготовлены прежде всего на тех участках, где «фронт отодвигается без воздействия со стороны противника»³⁴⁰.

Безусловно, это был необходимый, но уже во многом запоздалый приказ. Наступление Красной армии проводилось на широком фронте, прорывы немецкой обороны следовали один за другим. Вечером 8 декабря штаб группы фон Бока констатировал очередное вклинение советских частей на участке 95-й пехотной дивизии в районе Юркий и 6-й танковой дивизии в районе Федоровка. Начался отход 41-го армейского корпуса и правого фланга 56-го армейского корпуса 3-й танковой группы. 9 декабря в оценке обстановки, данной штабом ГА «Центр», чувствовалось опасение, что советские войска будут продолжать усиливать нажим юго-восточнее Ливны, севернее и юго-восточнее Клина «так как русские, — отмечалось в документе, — несомненно, установили слабость в настоящее время германских оборонительных сил». Командование ГА «Центр», однако, рассчитывало, что в стороне от участков прорыва придется иметь дело лишь со «сковывающими атаками и подвижной обороной» частей Красной армии³⁴¹.

8 декабря, в целях более удобного снабжения и пополнения 3-й танковой группы, фон Бок распорядился подчинить ее командованию 4-й танковой группы. При этом указывалось, что «прорыв противника должен быть остановлен самое большее на линии: северная оконечность Истринского водохранилища, Некрасино, юго-западная оконечность Волжского водохранилища...» Войскам 3-й танковой группы выражалась особая благодарность за упорную оборону каждого населенного пункта³⁴².

Вечером 9 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» подготовил предварительные соображения по вопросу размещения и

обустройства тыловых позиций для основной группировки войск на период зимы и весны 1941/42 г. Намечалось провести рекогносцировку местности для построения обороны по линии: 2-я армия — восточнее Курск—Орел; 2-я танковая армия — восточнее Орел, место впадения реки Жиздра в р. Ока; 4-я армия — по рекам Ока и Угра, западнее Медынь, восточнее Гжатск; 9-я армия — восточнее Гжатск, восточнее, севернее и северо-западнее Ржев, р. Волга. Обращалось внимание на сокращение протяженности позиций (в целях экономии сил) и на то, чтобы они проходили по участкам, обеспечивающим движение транспорта в условиях зимы и весны³⁴³.

Отметим, что как раз в тот момент, когда штабы немецких объединений намечали рубежи для устройства оборонительных позиций, командование советского Западного фронта подготовило специальную директиву относительно того, какой именно тактики следует придерживаться войскам РККА, чтобы осуществлять безостановочное наступление на запад и преодолевать сопротивление противника. Генерал армии Г. Жуков потребовал 9 декабря 1941 г. от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев. Он приказал шире применять обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и т.п. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника³⁴⁴.

Через неделю после начала советского контрнаступления, немецкое командование осознало, что удары Красной армии имеют цель не просто ликвидировать опасность столице, но и разбить в ходе дальнейшего преследования основные силы ГА «Центр». Разведсводки отдела по изучению иностранных армий Востока содержали тревожную информацию о развитии событий на фронте (см.: Приложение, док. № 10). Стремление командования РККА достигнуть крупного успеха подтверждалось как характером

продолжавшихся боевых действий, так и немногочисленными советскими документами, попавшими в руки германской разведки в тот период. Так, немцев не мог не насторожить боевой листок, распространявшийся в то время среди красноармейцев одной из боевых частей с обращением члена Военного совета Западного фронта к наступающим войскам, где был выражен призыв продолжать операции «для окончательного разгрома фашистов, вплоть до уничтожения последнего солдата»³⁴⁵.

Во второй декаде декабря обозначился полномасштабный кризис в обороне 4-й танковой группы. Штаб генерала Гепнера, был просто не в состоянии нормализовать обстановку в полосе своего объединения. 10 декабря 1941 г. войска группы начали отход на новый рубеж обороны. Однако потери вследствие непрерывных советских атак и обморожения личного состава превысили все допустимые рамки. Существенным моментом в оценке обстановки штабом 4-й танковой группы было сомнение в возможности удержания обороны и на новом рубеже, хотя на то был строжайший приказ свыше³⁴⁶.

11 декабря штаб ГА «Центр» разрешил начать рекогносцировку отсечной позиции для 4-й и 9-й армий по линии Нарские Пруды — Теряево — Ошейкино Гнездово — Спас-Дары — Подол. Указывалось, что «планомерный отход на отсечную позицию можно будет осуществить до того, как ляжет глубокий снег (до начала января 1942 г.). Отход будет осуществляться исключительно по приказу штаба группы армий, который поступит своевременно...» Было также разрешено начать эвакуацию имущества из г. Калинин³⁴⁷.

На южном фланге ГА «Центр» отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство. Оборона 2-й танковой армии Гудериана не выдержала натиска 1 гв. кавкорпуса генерала Белова. 11 декабря вслед за кавалерийскими частями в прорыв были введены свежие советские силы. Командование 2-й армии отмечало, что на боеспособность 45-й и 134-й пехотных дивизий (34-го армейского корпуса)

теперь уже вряд ли возможно было рассчитывать. Директивной № 39 предусматривалась защита и удержание дороги Орел—Курск, однако, немецкому командованию нечем было закрыть брешь шириной 30 км на участке 34-го корпуса; обещанные резервные соединения пока не прибыли, а потери все возрастали. Например, германская 95-я пехотная дивизия потеряла к этому времени более трети личного состава³⁴⁸.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой войска ГА «Центр» начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами и продвинулись еще дальше на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы фон Бока. Складывающаяся для нее кризисная ситуация заставляла немецкое командование осуществлять беспорядочное отступление. Чтобы предотвратить катастрофу были предприняты ряд мер, которые, однако, не сказались немедленно на обороноспособности германских сил. В частности, было принято решения готовить новые тыловые рубежи и объединить командование войсками соседних объединений под началом одного военачальника. Остановимся более подробно на событиях, произошедших в полосе ГА «Центр» до 16 декабря 1941 г.

12 декабря 1941 г. советские войска освободили города Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили г. Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й уд. армии с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск—Руза немецкое командование продолжало удерживать этот город. Его потери боялся и штаб 9-й армии, поскольку тогда осложнялась задача удержания Калинина, где уже обозначился перелом в пользу советских войск. «Последние атаки русских, — отмечалось в телеграмме генштаба ОКХ в штаб ГА «Центр», — попали в самое слабое, с точки зрения снабжения, и самое опасное место

на фронте 9 А. Это объясняется отсутствием необходимой железнодорожной связи с Калининским... Поэтому в настоящем положении правому флангу армии угрожает большая опасность в отношении снабжения и в течение зимы он вряд ли продержится...». Предлагались два варианта возможных действий: первый — перенести фронт вперед восточнее железнодорожной линии Калинин — Вышний Волочек (что было абсолютно нереально в тех условиях) и второй — отвести фронт армии к линии Вязьма—Ржев—Старица³⁴⁹.

12 декабря 1941 г. начальник штаба 9-й армии отдал приказ на рекогносцировку и оборудование тыловых позиций по линии Теряева — Гнездово дорога — Старица — Лотошино. Намечалось широко использовать при строительстве новой обороны население, живущее вблизи расположения немецких войск (то есть заставлять мирных советских граждан расчищать снег, рыть окопы, рубить дрова и т.п.). Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы...»³⁵⁰ Отметим, что этот приказ подготовлен офицерами вермахта. Их отношение к мирному населению было отнюдь не лучшим, чем у эсэсовцев. Тысячи советских крестьян были обречены на голод и холод, грозившие быстрой смертью.

Несмотря на кризис, немцы оставались педантичными в вопросах подготовки оборонительных рубежей. Более того, на бумаге все отмечалось ими с большой скрупулезностью. Представители тыловых служб успевали прорабатывать сложнейшие вопросы распределения тающих ресурсов и отхода отдельных соединений. Куда, как и в каком порядке должны были отступить немецкие войска, и каким должно быть инженерное оборудование новых позиций,

описывалось в «директивах по строительству», разработанных штабами немецких армий, а также штабами корпусов и дивизий. Стоит также напомнить, что в августе 1941 г., под Ельней, немецким войскам уже приходилось довольно срочно создавать оборонительные позиции, которые помогли им некоторое время успешно сдерживать удары советской 24-й армии. Сильной стороной германских пехотных частей было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути продвижения соединений противника. Однако теперь, зимой 1941 г., германским военнослужащим приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала больших усилий и, естественно, времени.

На участке 4-й танковой группы, западнее Истринского водохранилища, оборонительные позиции строились только в ночное время во избежание обстрелов со стороны противника. 13 декабря 1941 г. командование дивизии СС «Райх» приказало оборудовать на Истринском рубеже глубокие траншеи, тщательно замаскировать огневые точки, протянуть колючую проволоку³⁵¹. Командование ГА «Центр» подгоняло подчиненные ему штабы объединений, отдавая распоряжения об ускоренной подготовке тыловых позиций, «чтобы в ближайшее время можно было осуществить отход...» Отвод войск намечалось произвести только с разрешения фюрера, по приказу штаба ГА «Центр»³⁵².

Быстрое продвижение советских войск не позволяло немецким частям подготовить новую линию обороны надлежащим образом. Тыловые позиции в самое короткое время становились передовыми. Кроме того, соединения Красной армии стали широко применять тактику обхода германских узлов сопротивления. Так, столкнувшись с крепкой, сравнительно хорошо подготовленной обороной частей вермахта на рубеже Истринского водохранилища, командование 16-й советской армии не стало продолжать лобовые атаки. Генерал К. Рокоссовский организовал две подвижные группы для наступления в обход водохра-

нилища. К 15 декабря эти группы, совместно со 2-м гв. кавкорпусом генерала Л. Доватора, создали угрозу окружения немецких войск в этом районе и вынудили их отступить³⁵³. Теперь германскому командованию приходилось срочно создавать оборону на ружском рубеже и поспешно отводить туда свои соединения³⁵⁴.

На северном фланге ГА «Центр» немецкие войска продолжали отход под натиском советских 30-й и 1-й уд. армий. 15 декабря был освобожден Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. Конева³⁵⁵. Германское командование признавало, что теперь угроза соединениям 9-й армии и 3-й танковой группы еще более возросла. Они не имели возможности получить передышку и закрепиться. Натиск советских частей возрастал. Генерал-полковник Гепнер 16 декабря послал в штаб ГА «Центр» телеграмму, в которой привел мнение командующего 3-й танковой группой по вопросу отхода на тыловые позиции. Положение немецких войск выглядело крайне тяжелым и генерал Рейнгардт предупреждал, что беспрепятственный отход к н.п. Теряево уже 14 декабря стал практически невозможен: «...все соединения могут быть оттянуты только с совершенно незначительным вооружением, потерями... и без значительного технического имущества...» Генерал Гепнер, разделяя точку зрения командующего 3-й танковой группой, отдал распоряжение об отводе подчиненных ему сил еще далее на запад, на линию: течение р. Москва — до устья р. Руза — восточнее н.п. Благовещенская. Указывалось, что эта позиция будет достигнута приблизительно 20 декабря, но «и она не является зимней (то есть окончательной. — М.М.) позицией...»³⁵⁶

На южном фланге ГА «Центр» командующий 2-й армией генерал танковых войск Шмидт сообщал в это время, что полностью потерял инициативу в ведении боевых действий. 9 декабря части Красной армии освободили Елец, а 12 декабря советские войска Юго-Западного фронта (13-я армия и оперативная группа Костенко) смогли частично ок-

ружить елецкую группировку немцев. 14 декабря в контрнаступление включилась еще одна советская армия, 49-я (командующий генерал И.Г. Захаркин). Войска Юго-Западного фронта (командующий до 18 декабря 1941 г. маршал С. Тимошенко) сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й армейский корпус (2-й армии). 21 декабря немецкое командование было вынуждено отдать приказ о его расформировании. Успешное взаимодействие войск левого фланга Западного и правого фланга Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю танковую армию на 80—100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Генерал Шмидт рассматривал участок обороны 2-й армии как «один из самых слабых звеньев в центре Восточного фронта»³⁵⁷. Очевидно считая, что создавшееся на южном фланге группы армий критическое положение является следствием недостаточно твердого управления войсками, фон Бок принял решение возложить руководство боевыми операциями на этом участке на генерала Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я танковая группа временно объединились в «армейскую группу Гудериана». Ей ставилась задача вести боевые действия таким образом, чтобы «остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска район Новосиль — район Алексина...»³⁵⁸

15 декабря 1941 г. германское командование решает на очередное объединение сил. «С занятием новой линии обороны, — говорилось в телеграмме штаба ГА «Центр» войскам группы, — 4 ТГр, с подчиненной 3 ТГр (но без 7 АК), перейдет в подчинение 9 А, а 43 АК — в подчинение 4 А...»³⁵⁹ Причиной такого шага являлось, скорее всего, желание фон Бока сконцентрировать все силы в руках командующих полевыми армиями (то есть, фельдмаршала Клюге командующего 4-й армией и генерала Штрауса — командующего 9-й армией), поскольку танковые группы понесли значительные потери и не могли теперь эффективно использоваться как отдельные объединения. (Добавим

также, что танковые группы изначально создавались как ударные силы и не были приспособлены к ведению длительной обороны по причине отсутствия в них достаточного количества пехотных частей). В случае с подчинением 2-й армии генералу Гудериану, решение было принято, видимо, исходя из самой личности последнего, Фон Бок не решился поставить знаменитого военачальника в зависимость от командующего соседним объединением. Однако ни Гудериан, ни Клюге, ни Штраус не смогли выправить ситуацию в полосе своей обороны. Для противодействия советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

Оперативные донесения ГА «Центр» в тот период отражали всю серьезность положения немецких войск: «15 декабря 1941 г.

2 А: 48 МК: ...Северный фланг [корпуса] и 95 пд закончили отход на линию железнодорожная станция Мармыжи—Ливны до Ламские высоты — Горково. На участке «группы Филиппи» (командир группы генерал А. Филиппи. — М.М.) все атаки противника, поддержанные огнем трех батарей, на Ливны отражены, причем русские понесли сильные потери...

34 АК: От 45 пд нет никаких донесений, т.к. все радиостанции дивизии повреждены...

9 А: ... С наступлением темноты в районе 129 и 161 пд начался отход на новый указанный передний край обороны... Снежные заносы затрудняли наше движение по отводу частей...

16 декабря 1941 г.

2 ТА: 24 МК: ... артиллерия 4 тд состоит всего из трех легких и двух тяжелых батарей. 3 тд требуется немедленно несколько дней отдыха. 4 тд вынуждена была в Веневе взорвать 14 танков из-за отсутствия запасных частей. Танковая армия располагает еще распределенными по фронту около 40 танками, применение которых из-за условий погоды и местности в высшей степени ограничено.

4 А: ...На южном фланге армии происходит интенсивная деятельность противника. Атаки на фронте р. Ока и Протва привели у Троицкое к вклинению противника в нашу оборону на небольшом участке в южном направлении...

4 ТГр: ...Обстановка в районе 4 ТГр снова обострилась... 20 тд подчинена 9 АК, чтобы в любом случае защищать Рузу, однако отсутствие горючего препятствует вводу дивизии в дело. Дивизии 9 АК переутомлены, истощены и из-за отсутствия горючего принуждены были бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части... В таком же положении находится большая часть 26 МК...

9 А: В полосе 261 пд происходит нажим усилившегося противника по всему ее фронту, и, прежде всего, на правом фланге. Вклинения были ликвидированы путем контратак. Передний край обороны смогли удержать после введения в дело последних резервов...»

Штаб ГА «Центр» передавая это донесение в генштаб ОКХ, дополнил его абзацем, в котором отчетливо просматривалась тревога за целостность обороны всего немецкого фронта. Подчеркивалось, что противник «и в дальнейшем подтянет крупные силы на фронт группы, чтобы перейти в большое наступление». Отступающие германские части повсюду активно преследовались крупными советскими соединениями³⁶⁰.

Приведенные документы подтверждают, что в середине декабря фронт ГА «Центр» находился на грани развала. Преследование германских частей советскими соединениями не давало возможности немецкому командованию создать достаточно прочную оборону. Реальностью стала возможность превращения отхода войск группы в их бегство, когда вывод утомленных частей из боя становится неконтролируемым процессом с потерей взаимодействия между соединениями. В это время фон Бок обсуждал с главнокомандующим сухопутными войсками и адъютантом Гитлера Шмундтом вопрос об оборудовании дальнейшего рубежа как можно далее на западе. Он опасался, что при-

каз об отходе частей может запоздать³⁶¹. В телеграмме штаба ГА «Центр» в ОКХ от 15 декабря 1941 г. высказывалось намерение скорейшей подготовки тыловых позиций³⁶².

Однако, 16 декабря 1941 г. фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии принял свое решение. Гитлер отдал приказ, запрещающий проведение крупных отступательных операций, известный также под названием «держаться». Он требовал фанатически упорного сопротивления прорвавшемуся противнику. Одновременно, приказом предусматривалось переброска на фронт с Запада маршевых батальонов³⁶³.

Командующий ГА «Центр» был вынужден немедленно отреагировать на решение фюрера. В полночь 16 декабря в соединения 2-й, 4-й, 9-й армий и 2-й танковой армии ушла телеграмма фон Бока с приказом о мерах по усилению стойкости войск, в котором запрещался их отход с занимаемых позиций без разрешения. «...Только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, говорилось в телеграмме, — он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза...»³⁶⁴

Следует заметить, что фон Бок четко среагировал на решение фюрера. Более того, он сам отдал приказ удерживать занимаемые рубежи еще до того, как на основе приказа фюрера «держаться» была составлена директива ОКХ № 1736, направленная в штаб ГА «Центр» 18 декабря 1941 г., в 1 ч 05 мин³⁶⁵. Однако, это не спасло его от отставки. Гитлер уже решил, кого он уберет из «провинившихся» генералов. 18 декабря, фон Бок передал свои полномочия командующего группой армий фельдмаршалу Г. фон Клюге.

Гитлер, приняв решение любой ценой удерживать фронт, 16 декабря посчитал необходимым заменить на своем посту как Браухича, так и Бока, которые были, по его мнению, более не способны действовать в кризисной

ситуации. Спустя три дня, 19 декабря, Гитлер официально возложил на себя обязанности командующего сухопутными войсками Германии.

Приказ «держаться» до сих пор является предметом полемики среди военных историков. Споры идут, в основном, вокруг вопроса — способствовало ли решительное вмешательство Гитлера стабилизации Восточного фронта и тем самым спасению сухопутной армии Германии или же жесткий приказ оказал наоборот негативное влияние на положение немецких войск и стоил им громадных людских и материальных потерь.

Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941/42 г. показывает, что приказ фюрера повлиял на стойкость обороны немецких частей, способствовал ее укреплению. Надо учитывать и то обстоятельство, что подобный шаг был единственно приемлемым для верховного командования Германии в тех условиях. Это хорошо чувствуется из обращений Гитлера к войскам в то время.

20 декабря 1941 г. генштаб ОКХ, проинформировав штаб ГА «Центр» о том, что «фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами... принял на себя командование сухопутными войсками...», одновременно передал следующий текст, составленный Гитлером: «...Солдаты сухопутной армии и войск СС! Освободительная борьба нашего народа близится к своему кульминационному пункту! Предстоят решения мирового значения! Главным участком борьбы является сухопутная армия! Поэтому с сегодняшнего дня я лично принял командование сухопутными войсками. Участники многих сражений мировой войны я неразрывно связан с Вами единой волей к победе!

А. Гитлер. Ставка, 19 декабря 1941 г.»³⁶⁶.

20 и 21 декабря 1941 г. новый командующий ГА «Центр» получил еще два приказа, содержащие требования проявлять фанатическую волю в защите территорий. Текст первого из них был первоначально подготовлен фельдмаршалом В. Рейхенау (командующим ГА «Юг» с декабря 1941 г.).

Однако затем, после того как с документом познакомился Гитлер, он пошел во все группы армий. В приказе говорилось о «кровожадности озверелого русского командования», о советских солдатах «безвольных инструментах в руках их комиссаров».

Рейхенау призывал военнослужащих вермахта защищать свою жизнь «до последнего патрона, чтобы русские заплатили за Вашу жизнь как можно дороже»³⁶⁷.

Второй документ — запись выступления самого фюрера перед своими приближенными генералами 20 декабря 1941 г. Вот лишь некоторые выдержки из него: «...История отступления Наполеона грозит повториться вновь. Поэтому отвод возможен лишь с тех участков, где подготовлены тыловые позиции. Только если солдат видит, что, оторвавшись от противника, он займет пусть даже наспех, но оборудованную позицию, он поймет этот отход...». Далее Гитлер подчеркивал: «...Территория, с которой наши войска будут вынуждены отступить, должна попасть в руки противника непригодной для использования. Каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен, чтобы противник был лишен мест расквартирования...»³⁶⁸

Гитлер стремился своими приказами убедить германские войска в их превосходстве над Красной армией, заставить командующих объединениями действовать согласно его воле. В руках Гитлера была сосредоточена вся власть в стране. Он, как никто другой в Третьем рейхе, мог оказывать влияние на положение дел в армии. Поскольку обстановка на Восточном фронте требовала решительных и оперативных мер по предотвращению паники, фюрер посчитал необходимым лично руководить действиями сухопутных войск, устранив Браухича как промежуточную инстанцию между ним и командованием на фронте.

Здесь будет уместным сказать несколько слов и о новом командующем ГА «Центр» генерал-фельдмаршале Гюнтере Хансе фон Клюге (1882—1944). Он родился в городе Позене (ныне г. Познань, Польша). Участвовал в Первой

мировой войне. В 1935 г., в звании генерал-майора, Ключе был назначен начальником 6-го военного округа. Но в 1938 г., за поддержку, которую он оказывал генералу В. Фричу, был уволен в отставку. После начала Второй мировой войны фон Ключе вновь был призван на военную службу. В 1939 г. он командовал 6-й армейской группой во время захвата «Польского коридора», а в 1940 г. — армией на Западном фронте. 19 июля 1940 г., после победы над Францией, получил звание генерал-фельдмаршала. С начала войны против СССР фон Ключе был во главе 4-й армии. Сослуживцы считали его одним из самых компетентных военачальников германской армии и даже дали ему прозвище «мудрый Ханс»³⁶⁹.

Однако было бы неправильно утверждать, что Ключе располагал большим полководческим талантом, чем фон Бок. Скорее другое — Гитлер видел в нем того человека, который не остановится перед самыми жесткими мерами, чтобы предотвратить отступление. Именно поэтому он назначил его в декабре 1941 г. на пост командующего ГА «Центр». Генерал Хейнрици, уже после войны, сообщил историку Лидделл Гарту: «Ключе был жестче, чем фон Бок. Однако у Бока был больше развит стратегический инстинкт. Фон Бок, в отличие от Ключе, был мастером стратегии»³⁷⁰. Гитлер доверял фон Ключе, тот, в свою очередь, верил своему фюреру. Но когда поражение Германии в войне стало неминуемым, фон Ключе пал духом и покончил с собой. Это случилось 18 августа 1944 г.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на ГА «Центр» продолжал усиливаться. Это особенно проявлялось теперь на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула—Серпухов. Согласно донесению оперотдела штаба группы армий от 19 декабря 1941 г.: «...особенно ожесточенные атаки противник вел в районе Руза, северо-восточнее Волоколамск и юго-западнее Волжского водохранилища. На правом фланге 9 А противник ожесточенно атаковал на всем участке 27 АК...»³⁷¹

Утром 20 декабря вновь обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий, по донесениям командующего, могла сравниться теперь только с усиленным пехотным полком. Намерением 2-й танковой армии в этой ситуации было не удержание обороны, а продолжение отступления. Гудериан считал необходимым: «...а) отход 47 МК на линию Озерки—Островки (2 км северо-западнее Подосиновка); б) высвобождение 24 МК, как армейского резерва в районе восточнее и южнее Орел...»

Критической оставалась ситуация и на участке 4-й танковой группы. Отмечалось наступление советских войск, поддержанных танками из района деревень Сляднево и Ядрово. Штаб танковой группы констатировал: «...в некоторых местах противнику удалось отрезать путь отступления нашим войскам, так что им пришлось пробиваться назад на позиции у Рузы...»³⁷²

Другими словами, немецкому командованию приходилось все чаще думать о том, как избежать окружения и полного разгрома. Рассчитывать в этих условиях на спасение основной массы техники и военных материалов уже не приходилось. Выполнение строжайшего приказа фюрера, запрещавшего отход, было более чем проблематичным. Действительно, как могли соединения 4-й танковой группы продолжать «держаться», если советские части уже обошли оборонительные порядки немцев. В донесениях генералов с фронта в штаб ГА «Центр» начинало проследиваться теперь нечто и более существенное — разочарование по поводу слишком жесткого подхода высшего командования германской армии к руководству войсками. В предыдущие месяцы полевые командиры вермахта имели известную свободу в выборе оперативных решений.

Так, командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Гепнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г., отмечая сократившуюся численность личного состава своего объединения, высказал мнение о невозможности удерживать

неподготовленную линию обороны. Крайне негативно он отнесся к приказам вышестоящего командования, которые мешали, с его точки зрения, руководству войсками³⁷³ (см.: Приложение, док. № 11).

Одним из следствий приказа «держаться» стал кризис доверия многих полевых командиров к верховному командованию, с одной стороны, и простых солдат к своим непосредственным военачальникам — с другой. Отрицательная оценка, которую этот приказ получил среди значительной части военнослужащих вермахта, указывает на то, что дух и дисциплина германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни Гитлеру, ни его генералам уже никогда не удалось.

Германское командование было не в силах предотвратить многочисленные прорывы своего фронта. Используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части советских 39-й, 29-й, 10-й, 49-й армий и 1-го гв. кавкорпуса сумели продвинуться далеко вперед. Позднее обозначился успех в полосе 43-й и 33-й армий. Это заставляло германских генералов спешно изыскивать резервы для латания дыр. Встала проблема ведения боевых действий в окружении. Прорыв 1-го гв. кавкорпуса и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил 2-й танковой армии и 2-й армии. 24 декабря Гудериан донес в штаб ГА «Центр», что «в прорванную брешь между 16 мд и 9 тд противник вклинивается крупными частями пехоты, поддержанной танками, в слабо защищенные участки нашей обороны между Кардаково и Покровским... Вначале успешная контратака южнее Покровского захлебнулась от огня тяжелых и самых тяжелых танков. 5 танков противника подбито. 4 наших противотанковых орудия выбыло из строя вследствие прямых попаданий. Нужно считаться с продолжением вклинения в свободные от наших войск зоны... Центральный фронт 2-й армии от Ливны отступил на линию р. Сосна и р. Труды»³⁷⁴.

Это донесение было направлено в генштаб ОКХ в 20 ч 05 мин, 24 декабря 1941 г. Однако всего за час до этого

фюрер отдал приказ, запрещающий дальнейший отход 2-й танковой армии и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Гудериана. Он требовал «чрезвычайного напряжения всех сил», но не указывал, на какие подкрепления можно рассчитывать, чтобы остановить советское наступление³⁷⁵. Гудериан не имел права ослушаться приказа Гитлера, но возможностями для его исполнения не располагал. Поздним вечером 24 декабря генерал разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить н.п. Чернь, а 25 декабря попросил об отставке, которая и была немедленно удовлетворена. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Шмидт³⁷⁶.

Пока повезло новому командующему 4-й армией генералу Кюблеру, назначенному на этот пост вместо фон Клюге. 23 декабря соединения 4-й армии дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малооярославец, а также 33-й и 43-й армий на нарофоминском и боровском направлениях. Однако здесь, фюрер все же позволил 24 декабря «отвести на запад правый фланг и центр 4 А, настолько, насколько это необходимо для устранения... угрозы тылу 13 АК и 12 АК в районе р. Ока и р. Протва...»³⁷⁷ 26 декабря 4-й немецкая армия оставила Наро-Фоминск.

* * *

Обстановка, сложившаяся на фронте ГА «Центр» в конце декабря 1941 — начале января 1942 г., быстро менялась, количество прорывов немецкой обороны постоянно увеличивалось. Иногда ситуация складывалась таким образом, что отдельные советские объединения отрывались от главных сил Красной армии и сами оказывались в полуокружении или даже полном окружении. Тогда, они вынуждены были вести упорную борьбу в кольце германских частей и прорываться навстречу основному фронту. Положение, в которое попали соединения 29-й, 39-й, 33-й армий, отражает сложный и противоречивый характер боевых действий в битве под Москвой зимой 1941/42 г.

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление 39-й (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников) и соседних с ней армий. Начало наступления намечалось на 22 декабря³⁷⁸. 30-я и 31-я армии Калининского фронта нанесли удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта и разгромить 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Войска генерала Конева, занимавшие выгодное (охватывающее) положение по отношению к ГА «Центр» теперь могли использовать это обстоятельство при наступлении и создать угрозу немецкой группировке, расположенной северо-западнее Москвы. Участок обороны 9-й немецкой армии стал в конце декабря 1941 — в начале января 1942 г., когда советские 39-я и 31-я армии подошли к Ржеву и Зубцову, одним из самых напряженных.

Вечером 29 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» оценивал ситуацию следующим образом: «...на фронте 9 А противник продолжал ожесточенные атаки, против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до 12 раз подряд. Северо-западнее Старица противник, ведя наступление силами не менее 4 дивизий, осуществил главный прорыв и занял лес северо-западнее Обухово, Касково, Гришнево...»³⁷⁹

Командующий ГА «Центр» фон Клюге ничего пока не мог противопоставить успешным действиям советских войск. Группа армий получила реально в декабре пополнения в составе маршевых рот и батальонов всего — 40,8 тыс. чел., тогда как ее потери составили 103,6 тыс. чел.³⁸⁰

Единственным выходом для германского командования облегчить давление на свои войска являлось сокращение протяженности линии фронта, осуществить которое можно было только путем отхода. Но, несмотря на то что, например, общая протяженность оборонительных позиций 3-й и 4-й танковых групп с 6 по 20 декабря сократилась более чем вдвое с 289 км до 140 км³⁸¹, в дальней-

шем она оставалась непостоянной и часто увеличивалась по мере продвижения вперед сил Красной армии. «Противник, — как отмечалось в донесении штаба ГА «Центр» от 29 декабря 1941 г., — с успехом продолжал операции, которые сводились к достижению сосредоточенными силами ряда новых прорывов наших линий и окружению наших частей...»³⁸²

В конце декабря 1941 г. фланги ГА «Центр» затрещали по швам. Если на севере покатила назад 9-я армия с подчиненной ей 3-й танковой группой, то на юге не удержали позиции 2-я танковая армия с подчиненной 2-й армией и правый фланг 4-й армии. Соединения советских 49-й армии и 50-й армии продвинулись на запад и северо-запад в направлении Калуги. 21 декабря советские части уже ворвались на окраины этого старинного русского города (окончательно Калуга была освобождена 30 декабря). В результате этого удара образовалась брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. Для ее ликвидации, по приказу штаба ГА «Центр», 27 декабря была образована группа «Штумме». Эта группа (командир генерал танковых войск Штумме, командный пункт Сухиничи) подчинялась штабу 4-й армии и включала в себя управление 40-го корпуса, части 216-й пехотной дивизии, 234-го пехотного и 156-го артиллерийского полков. Главными задачами группы являлись: «охрана железнодорожных путей у Сухиничей, ...восстановление связи с северным флангом 2 ТА и южным флангом 4 А...»³⁸³

Однако скорого улучшения ситуации на этом участке фронта ГА «Центр» не произошло. Советские войска продолжали продвижение вперед. 31 декабря 1941 г. в оперативном донесении ГА «Центр» в генштаб ОКХ отмечалось, что на фронте 40-го корпуса «противник с юга и востока на широком фронте начал наступление на Сухиничи, численностью до дивизии...» Констатировалось, что началась эвакуация немецких сил из н.п. Гатен, а также то, что «неприятель расширил прорыв между внутренними фланга-

ми 2 ТА и 4 А и атаковал германские войска в направлении к западу и северо-западу... Противник атаковал Сухиничи с востока и с юга численностью до дивизии, а кавалерийские части противника (1-й гв. кавкорпус. — М.М.) продвинулись в направлении Юхнова, к северу»³⁸⁴.

Немецкий историк К. Рейнгардт отмечал, в частности, что войскам 2-й полевой и 2-й танковой армий тогда просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орел, так как Орел в то время совершенно не был подготовлен к обороне. Его взятие частями Красной армией, означало бы безусловный разгром немецких армий³⁸⁵.

Остается вопросом, смогли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, войскам 10-й и 50-й советских армий необходимо было двигаться для этого в сторону от направления основных ударов Западного фронта. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт, достаточных сил для взятия Орла не имел. Однако очевидно другое — немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Ситуация обострялась в связи с крайне тяжелой обстановкой на фронте 2-й полевой армии. Документы германского командования показывают, что в конце декабря 1941 — начале января 1942 г. кризисное положение на этом участке немецкой обороны могло послужить основанием для более глубокого отступления германских соединений, предопределить отход сил правого фланга ГА «Центр» за линию, с которой они начали свое октябрьское наступление на Москву.

28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в донесении в штаб группы армий подчеркивало, что «от того будет ли удержан рубеж Курск—Орел полностью зависит ее судьба...»³⁸⁶ В это время линия фронта проходила уже в 60 км восточнее Курска. 1-я бригада СС, пытавшаяся исправить здесь положение, не оправдала возложенных на нее надежд, — ее участок обороны также был прорван. Штаб 2-й армии сообщал о выходе из строя в результате морозов

ниже минус 25 градусов значительного количества транспортных средств. «Условия погоды, отмечалось далее, — бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях...»³⁸⁷ Командование 2-й армии констатировало, что «немцы не имеют хорошего зимнего обмундирования, а русские солдаты, у которых условия расквартирования значительно хуже, лучше переносят холода...»³⁸⁸

Штаб 2-й армии опасался окружения своих соединений «через район б А [ГА «Юг»], или через фронт 2 ТА и севернее ее...» Делалось следующее заключение: «На каждом пункте, на котором русские сосредоточат свои силы и попытаются наступать, армии угрожает прорыв фронта...» Учитывая эти факторы, а также ухудшение морального состояния войск, командование 2-й армии предлагало срочно подготовить и провести «совершенно необходимый отход ее соединений на рубеж Курск—Орел»³⁸⁹.

Глубина предполагаемого отхода была более чем значительной. Однако и этот рубеж считался неокончательным. Сохранялась опасность прорыва советских войск через брешь севернее участка 2-й танковой армии, а также между Курском и Орлом на участке 2-й армии. 30 декабря 1941 г. штаб 2-й армии выдвинул еще одно предложение, оформленное в телеграмме в ГА «Центр». Его можно объяснить крайней неуверенностью германского командования за судьбу армии и группы армий в целом. В телеграмме, в частности, отмечалось: «...отход должен продолжаться примерно до рубежа Глухов — Трубчевск. Только на этом рубеже армия может опять снабжаться... Недостатком этого рубежа является отсутствие естественных преград. В качестве долговременного рубежа удобней был бы рубеж Белополье—Кролев (Кролевец. — М.М.) и далее вдоль течения реки Десна...» (см.: Приложение, док. № 12).

Отметим, что вышеназванные пункты находятся более чем в 150 км западнее линии Курск-Орел. Фактически этот отход означал отступление на линию, с которой не-

мецкие войска начали операцию «Тайфун». Добавим также, что, вполне вероятно, германское командование (в данном случае, командование 2-й армии) надеялось использовать в качестве основы для нового оборонительного рубежа уже существующие траншеи, ДОТы и другие укрепления, возведенные еще осенью 1941 г., причем как своими войсками, так и советскими. Гораздо легче было переоборудовать старые окопы, чем рыть в мерзлом грунте новые. Командование 2-й армии подчеркивало важность своевременного приказа на отход, «не ожидая того, что увеличивающийся нажим противника сломает оборону армии и создаст угрозу окружения ее частей»³⁹⁰.

С подобной точкой зрения новый командующий ГА «Центр» фон Клюге согласиться не мог. Отход на значительное расстояние 2-й армии поставил бы под удар остальные объединения его группы. 1 января 1942 г. соединения, подчиненные штабу 2-й немецкой армии получили новую директиву, отменяющую все ранее отданные распоряжения. В ней указывалось, что «все командные инстанции должны уяснить себе, что дальнейший отход сильно ухудшит положение и состояние войск. Поэтому такой приказ будет отдаваться армией только в случае крайней необходимости...»³⁹¹

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орел—Курск. Центр активности противоборствующих сторон на правом фланге ГА «Центр» переместился к северу — в район Сухиничей. Советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1 гв. кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армиями. Тому были объективные причины: части Красной армии, продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в пополнении, боеприпасах и продовольствии. В свою очередь, 2-я танковая армия, используя силы

208-й и 211-й пехотных дивизий, переброшенных с запада, повела атаки с целью деблокады немецких войск, оставшихся в Сухиничах. Добавим также, что в соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном фланге Западного фронта должны были быть сосредоточены в полосе 43-й, 49-й и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении — на соединение с войсками Калининского фронта. В этом отношении Орловско-Курское направление для советского командования становилось второстепенным. Брянский фронт, как уже отмечалось, не был достаточно сильным, чтобы сломить сопротивление противника.

Уже 10 января 1942 г. командование 2-й немецкой армии почувствовало ослабление советского натиска. Согласно донесениям с передовой, немецкие части крепко удерживали свои рубежи. Генерал Шмидт заверил штаб ГА «Центр», что его армия в настоящий момент «определенно отразит наступление противника, предпринятое им всеми своими силами против участка фронта армии...» Своевременная подготовка новых оборонительных рубежей дала командованию армии возможность вывести в резерв 134-ю, 56-ю пехотные и 3-ю танковую дивизии. Началось пополнение потрепанных в предыдущих боях подразделений. Указывалось также, что теперь Курск обязательно «должен быть удержан всеми средствами»³⁹².

На других участках фронта ГА «Центр» положение немецких соединений в начале января 1942 г. кардинально не улучшилось. Войска Западного и Калининского фронтов, при содействии Северо-Западного и Брянского фронтов, выполняя указания Ставки ВГК от 7 января 1942 г. нанесли удары с целью окружения и последующего уничтожения основных сил группы Клюге. Началась Ржевско-Вяземская операция Красной армии. Наступательные действия развернулись на фронте более чем в 500 км. Левый фланг Западного фронта действовал в направлении от Калуги и Мосальска на Юхнов и Вязьму; Калининский фронт —

из района севернее и северо-западнее Ржева на Сычевку и Андреаполь, войска центра Западного фронта (33-я и 43-я армии) вели бои западнее Боровска и Малоярославца, пробивая брешь в немецкой обороне, которая в перспективе могла разорвать фронт ГА «Центр» на две части. Общий замысел советского командования сводился к тому, чтобы замкнуть кольцо вокруг основных сил ГА «Центр» в районе Вязьмы, расколоть ее войска, а затем уничтожить.

В первых числах нового 1942 г. первоначальные успешные действия 39-й армии Калининского фронта, способствовали отходу частей немецкого 6-го армейского корпуса, действовавшего в районе Старицы. Советские соединения устремились к Ржеву. Несмотря на то что Гитлер настаивал на удержании позиций и беспрекословном выполнении приказа «держаться», 39-й армии удалось продвинуться на юг западнее Ржева и создать угрозу захвата Сычевки. 9-я немецкая армия оказалась разорванной на две части; в тяжелом положении оказались и соединения 3-й танковой армии (3-я и 4-я танковые группы 1 января 1942 г. были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю танковые армии. — М.М.). Штаб 9-й армии планировал задействовать кавалерийскую бригаду СС для ликвидации советского прорыва северо-западнее Ржева. Этим он лишал последнего резерва 23-й армейский корпус, который сам испытывал неослабевающий нажим в районе н.п. Ельцы³⁹³.

В телеграмме командующему 9-й армией от 5 января 1942 г. фюрер требовал немедленного «освобождения района Ржева» силами этого объединения, что имело, по его мнению, «решающее значение для всего фронта ГА «Центр». Гитлер был готов пойти на любые замены командного состава армии, чтобы заставить генералов выполнить приказ и отбросить советские части от города. Указывалось, что «пассивная локализация недостаточна, необходимо активно и со всей решительностью использовать возникшие у противника трудности со снабжением...»³⁹⁴ Действительно, продвижению советских соединений мешал глубокий снег,

кроме того, тыловые службы 39-й армии значительно отстали от передовых частей. Все снабжение шло по одной единственной дороге, которая проходила всего в 3—4 км от переднего края противника и постоянно подвергалась артиллерийским обстрелам.

Однако к 9 января ситуация на фронте 9-й немецкой армии еще более ухудшилась. Кавалерийская бригада СС (командир бригады Фегеляйн), брошенная на закрытие прорыва, положения не выправила. Более того, она сама вскоре была отброшена к н.п. Молодой Туд. В результате, брешь между 6-м и 23-м немецкими армейскими корпусами (северо-западнее Ржева) расширилась настолько, что стала угрожать развалом всей германской обороны на этом участке. В прорыв были введены новые советские части. «Уже сегодня, говорилось в телеграмме командования 9-й армии в штаб ГА «Центр» от 9 января 1942 г, — группы лыжников (советских. — М.М.) по 200 человек приблизились к железной дороге Вязьма—Ржев под Шендалово и севернее. Принимая во внимание малочисленность нашей охраны, можно ожидать, что противник перережет дорогу снабжения Вязьма—Ржев. Сил, способных в ближайшее время закрыть брешь между 6 АК и 23 АК у нас нет»³⁹⁵.

В качестве последней возможности избежать уничтожения охватываемых с двух сторон войск 4-й, 9-й полевых и 4-й танковой армий, штаб объединения генерал-полковника Штрауса (9-я армия) рассматривал отход всего северного фланга и центра ГА «Центр» с выступающих участков фронта на линию Гжатск река Волга.

Положение немецких частей было бы еще серьезней, если бы командование Калининского фронта имело в то время силы и средства для поддержания нормальной связи между правым флангом 39-й и левым флангом 22-й армий. На стыке этих двух объединений образовался разрыв шириной до 40 км; район г. Ленино оставался в руках немцев. Удерживая за собой ключевые пункты (Ржев, Сычевку, Ленино), немецкое командование могло с трудом, но кон-

тролировать ситуацию в полосе армии Штрауса. Отметим, что начиная с января 1942 г. линия фронта стала принимать здесь подчас довольно причудливые формы. Как соединения вермахта, так и Красной армии попадали в полуокружение, или же полностью теряли связь со своими тылами.

Восточнее Ржева и Сычевки действовали немецкие 5-й и 27-й армейские корпуса, которые 13 января 1942 г. были подчинены штабу генерала Рейнгардта. Эти корпуса также испытывали на себе неослабное давление советских войск, а их поражение грозило окружением как 3-й танковой армии, так и 9-й полевой. Однако здесь для ликвидации прорывов вглубь немецкой обороны генерал Рейнгардт получил возможность использовать силы 7-й танковой дивизии³⁹⁶.

В конце концов вопрос о том, в чью пользу склонится чаша весов в противоборстве на северном фланге ГА «Центр», сводился к тому, за кем останутся линии транспортных сообщений. Контролируя узлы железных и автомобильных дорог, немецкое командование имело возможность снабжать свои силы необходимыми припасами, производить маневр войсками. Однако упомянутый разрыв на фронте 9-й армии северо-западнее Ржева означал, по сути дела, прекращение снабжения 23-го, 27-го армейских и 48-го моторизованного корпусов на участке железнодорожного пути Ржев—Оленино. Это стало фактом 12 января 1942 г. Штаб 9-й армии пока не видел возможности восстановить положение. Поражение 23-го корпуса и, следовательно, всей оленинской группировки немцев стало казаться генералу Штраусу лишь вопросом времени. 12 января 1942 г. командующий 9-й армией отмечал в телеграмме в штаб ГА «Центр», что, «не получая снабжения, корпус [23 АК] не может долго сражаться, а может только умереть». Штраус требовал немедленного отхода и высвобождения сил для закрытия бреши северо-западнее Ржева. Он понимал, что отступление неизбежно повлечет за собой потери в тяжелом вооружении. Но по мнению командования ар-

мии, «речь идет о том, чтобы сохранить 23 АК, а не о потере части его боевой техники»³⁹⁷.

12 января 1942 г. штаб 9-й армии, опасаясь окружения, переместился в Вязьму. Стрелковые соединения советской 29-й армии завершили в районе Оленино окружение семи немецких дивизий, а введенный в сражение 11-й кавкорпус начал стремительно продвигаться к Вязьме. На левом фланге 9-й армии (на ее стыке с 16-й армией ГА «Север») немцы не в силах были сдержать прорыв 3-й и 4-й ударных армий, развивавших наступление на витебском и смоленском направлениях. Успешные действия этих объединений, а также 22-й армии привели к тому, что немецкий гарнизон, расположенный в г. Белый (части 246-й пехотной дивизии) оказался фактически блокированным с трех сторон. Дивизия имела лишь одну единственную дорогу, связывающую ее с основными силами ГА «Центр» — на Духовщину. Однако все попытки советских войск ворваться в Белый были отбиты. Бои на окраинах города продолжались с переменным успехом практически до начала марта следующего 1943 года.

К середине января 1942 г. требования об отходе со стороны командования 9-й армии и 3-й танковой армии стали еще более настойчивыми. В дополнение к новому ходатайству об отступлении подчиненных ему соединений, отправленном командованию ГА «Центр» 14 января 1942 г., штаб 9-й армии просил принять во внимание тот факт, что «нельзя допустить, чтобы приказ об отходе был отдан тогда, когда израсходован последний патрон и последняя канистра горючего, когда съеден последний кусок хлеба...»³⁹⁸

Действительно, положение немецких войск со снабжением было более чем катастрофическим. К 15—16 января в 9-ю армию ожидалось прибытие всего трех составов с боеприпасами, одного с горючим и одного с продовольствием. Все это нужно было поделить еще с 3-й танковой армией, причем неприкосновенный запас был уже практически полностью израсходован. У немецких частей остава-

лось в среднем всего по две суточные дачи пайков на каждого солдата³⁹⁹.

Штаб 3-й танковой армии жаловался на нехватку оружия, особенно противотанкового. В телеграмме генерал-полковника Рейнгардта от 15 января 1942 г. командованию 9-й армии звучало отчаяние, которое стало следствием положения на фронте: «На то, что зима заставит противника прекратить наступление не следует надеяться. Вероятность того, что русские, неся огромные потери в ходе наступления, ускорят свою катастрофу, может не оправдаться. Наши потери также очень велики. Если противник поставил своей задачей уничтожение немецкой армии, то бездейственным ожиданием мы как раз помогаем ему... Наступает последний момент, чтобы отдать приказ об отходе на тыловые позиции...»⁴⁰⁰ Генерал-полковник Штраус был полностью согласен с такой оценкой обстановки. Она отражала его мнение и позицию штаба 9-й армии. Не видя выхода из создавшейся ситуации и считая, что возможно уже поздно отдавать приказ об отходе («поскольку советские войска способны на немецких плечах ворваться на новые оборонительные рубежи»), — Штраус в тот же день подал прошение об отставке с поста командующего 9-й армией. Его сменил генерал танковых войск Вальтер Модель, бывший до этого командиром 30-го моторизованного корпуса.

В. Модель слыл жестким и требовательным командующим. Он не любил сидеть в штабе и часто появлялся на передовой на виду у своих солдат. Такой решительный генерал, который, к тому же, одним из первых поддержал нацистский режим был сейчас, как никогда, нужен Гитлеру⁴⁰¹. Фюрер не сомневался, что Модель будет выполнять приказ «держаться» и строго следовать политике «выжженной земли». Отступать дальше, используя гибкую тактику, 9-й армии было запрещено. Отход был возможен только на заранее подготовленные тыловые рубежи. Будущий фельдмаршал Модель считался мастером ведения оборонитель-

ных боев, но, так же, как и Клюге, слыл хорошим тактиком, но отнюдь не «стратегом». Он целиком доверял Гитлеру. 21 апреля 1945 г., когда союзники полностью окружили его войска уже на Западном фронте в ходе Рурской операции, он застрелился.

В середине января 1942 г. вновь не выдержала советского натиска оборона 4-й танковой и 4-й полевой немецких армий в центре группы фон Клюге западнее Гжатска и западнее и юго-западнее Вязьмы.

В начале января рухнул немецкий фронт в районе Медыни. Образовалась брешь севернее города, через которую стали просачиваться вперед крупные силы советских армий. Угроза захвата Юхнова и быстрого продвижения частей Красной армии к Вязьме стала реальностью. Выход ударных сил Западного фронта в тыл 4-й полевой и 4-й танковой армий раскалывал войска ГА «Центр» на две части. Дальше могло последовать полное окружение и уничтожение по частям отрезанных от базы снабжения в Вязьме немецких соединений. 3 января 1942 г. штаб ГА «Центр» получил указания фюрера, запрещающее отвод немецких войск до тех пор, пока «не удастся закрыть брешь между 57 АК и 20 АК...» Окончательное решение по этому вопросу Гитлер оставлял за собой. Участок прорыва передавался в ведение командующего 4-й танковой армией⁴⁰².

Бои за Медынь начались 8 января. Наступление 1-го гв. кавкорпуса генерал-майора Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации пути снабжения 4-й полевой и 4-й танковой армии через Рославль и Спас-Деменск на Юхнов. В этих условиях генерал-полковник Гепнер (командующий 4-й танковой армией), не видя возможностей для дальнейшего удержания позиций, отдал 8 января 1942 г. приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже в 23 ч 35 мин того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место был назначен генерал пехоты Рихард Руофф (бывший командир 5-го армейского корпуса). Еще через 25

минут генштаб ОКХ передал в войска новое решение фюрера, в котором все же разрешался отход соединений 4-й полевой армии на «промежуточный укрепленный рубеж» по линии Zubovo—Товарково—Медынь. Отход частей мог осуществляться только «под давлением противника таким образом, чтобы не допускать тяжелых потерь...» В телеграмме штабу ГА «Центр» указывалось также, что «задача укрепления шоссе от Рославля через Юхнов на Медынь может быть выполнена силами 4 А лишь относительно. Пока в нашем распоряжении не будет иметься по-настоящему боеспособных соединений 4 А не только северо-восточнее, но и юго-западнее Юхнова, угроза со стороны противника может превратиться в серьезную опасность этой важной для всей 4 А коммуникации...» Чтобы улучшить положение дел в районе Юхнова и Медыни Гитлер приказал снять часть сил 4-й армии с участка севернее Калуги для восстановления связи между 19-й танковой и 137-й пехотной дивизиями и последующего контрудара на Zubovo⁴⁰³.

Восстановить положение и задержать продвижение советских войск на запад немецкое командование тогда не смогло. Части 50-й, 49-й и 43-й советских армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее в районе Вереи активно действовали соединения 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Выход этой армии на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям ГА «Центр» и непосредственно городу Вязьме — важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск.

12 января 1942 г. из штаба 4-й армии в ГА «Центр» поступила следующая радиограмма: «Медынь окружена с севера и северо-запада. Имеющиеся там слабые силы не могут удержать город. В случае прорыва под Медынь, что практически неизбежно, противник по шоссе дойдет до Юхнова, и нет возможности выставить против него ни одного немецкого солдата. В результате будет разбита вся 4 А...»⁴⁰⁴

Лишь после долгих переговоров фон Клюге удалось вырвать у Гитлера разрешение на отход части сил 4-й армии на укрепленный рубеж по р. Шаня (западнее Медыни). Однако общая ситуация на фронте ГА «Центр» оставалась сложной. Прорывы фронта в районе Волоколамска и Вереи делали невозможным удержание немецких позиций по р. Руза. 9 января 1942 г. штаб дивизии СС «Райх» (оборонявшейся на этом участке) отдал предварительное распоряжение об отходе на тыловые позиции. Командование дивизии констатировало: «...Рузские позиции, вероятно, в ближайшее время будут оставлены...». При проведении отступления намечалось полностью уничтожить все населенные пункты, находящиеся на пути отхода немецких частей. Поджоги, разрушение всех очагов и печей объявлялись необходимым условием для проведения операций⁴⁰⁵.

К середине января 1942 г. фронт ГА «Центр» был прорван в нескольких местах: на севере — под Ржевом; в центре — севернее Медыни; на юге — в районе Сухиничей. Создалась катастрофическая ситуация для ослабленных германских частей. Понимая, что дальнейшая борьба на существующих рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Клюге 14 января 1942 г. посылает совершенно секретное донесение начальнику генерального штаба ОКХ. Он предлагает немедленный и планомерный отход на линию: оз. Жеданье — Ржев — Погорелое Городище, а также: восточнее Гжатск — Юхнов — южнее и западнее Сухиничи. Такой отход объяснялся необходимостью закрыть брешь в районе Медыни и улучшить снабжение войск. По выражению Клюге отвод войск являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»⁴⁰⁶. Вопрос крушения фронта ГА «Центр» становился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам Гитлер. Видимо он почувствовал, что возможности жесткой обороны полностью исчерпаны и дальнейшее удержание позиций грозит окружением и уничтожением основной массы сил ГА «Центр». Затягивать отход было

больше нельзя. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, фюрер принял решение отступить.

15 января 1942 г. в 21 ч 00 мин в штаб ГА «Центр» ушла директива об отводе войск на новый оборонительный рубеж. Предусматривался отход сил 4-й армии, 4-й и 3-й танковых армий на линию севернее Ржев — восточнее Зубцов — восточнее Гжатск и восточнее Юхнов. Гитлер приказал как можно скорее закрыть бреши в районе Ржева и Медыни и освободить, окруженные в районе Сухиничи немецкие силы. При отступлении, войска ГА «Центр» должны были руководствоваться следующими принципами: «...отступать маленькими шагами. Подготовить снабжение... Неизбежные материальные потери свести до минимума... все населенные пункты поджигать, печи взрывать...»⁴⁰⁷

Выход германской армии из кризиса

Приказ на «отвод крупного участка фронта», который Гитлер, по его словам, отдавал впервые в этой войне, был обусловлен рядом требований. На северном фланге, в районе Ржева, немецкие войска должны были отрезать прорвавшегося противника от тыловых позиций, сознательно идя при этом на временный риск. На центральном участке удержать район южнее и восточнее Юхнова. Для закрытия бреши в районе Медынь предусматривался отвод 4-й полевой армии от Калуги и переброска части сил 4-й танковой и 4-й полевой армий к н.п. Передел и Шанский Завод. Только после этого разрешалось оттянуть смежные фланги этих армий к западу⁴⁰⁸.

Отход ГА «Центр», несмотря на все издержки и потерю части вооружения, давал немецкому командованию очевидные преимущества. Во-первых, сокращалась общая протяженность линии фронта (примерно на 100 км). Появлялась свобода маневра и возможность выделить силы

для резерва, создать группы для проведения контрударов. Во-вторых, немецкие части могли теперь в большей мере опираться на сильно укрепленные населенные пункты, часть из которых являлась узлами транспортных сообщений (Ржев, Сычевка, Вязьма, Юхнов и др.). В условиях зимнего времени это было особенно важно, так как ГА «Центр» получала лучшие, чем у противника возможности для отдыха личного состава в натопленных помещениях и быстрой перегруппировки своих соединений.

Необходимо также отметить, что целый месяц, проведенный ГА «Центр» в жесткой обороне, не прошел для нее даром. Германские части сумели, в основном, избавиться от губительной паники, значительно обескровить своими действиями некоторые советские соединения и сбить их наступательный порыв. Наконец, в тылу группы Клюге были построены (хотя еще и не до конца) серьезные оборонительные позиции, на которые отходились теперь немецкие войска.

Одна из реалий зимы 1942 г. — выход значительных сил советских Западного и Калининского фронтов в тыл немецкой обороны — теперь могла обернуться в пользу германского командования. Частям Красной армии в районе Ржева и севернее Медыни так и не удалось решающим образом переломить ситуацию в свою пользу, окружить и уничтожить соединения 9-й, 4-й полевых и 3-й, 4-й танковых германских армий. 29-я и 39-я армии Калининского фронта смогли пробить лишь неширокие бреши в немецкой обороне. Также и 33-я армия генерал-лейтенанта Ефремова, после взятия Вереи, продвигалась вперед к Вязьме в довольно узком коридоре. К середине января перед фронтом немецкой 9-й армии, а к концу месяца — 4-й полевой и 4-й танковой армий стала уже проявляться слабость советских наступающих соединений. Им не хватало снабжения, пополнения личным составом. Быстрое продвижение вперед вынуждало оставлять оголенные фланги.

Командование ГА «Центр», напротив, получило реальный шанс воспользоваться нараставшими трудностями Красной армии. Германское руководство, естественно, было встревожено тем фактом, что некоторые передовые ударные группы советских войск вышли уже далеко за оборонительную линию, намеченную как окончательную для ГА «Центр». Реальной стала угроза трассе Смоленск—Вязьма. Однако ее удержание, равно как и удержание других транспортных коммуникаций, зависело, прежде всего, от контроля над узлами дорог. Их оборона оставалась главной задачей фон Клюге. С другой стороны, постепенно высвобождавшиеся после отхода немецкие силы готовились теперь к ликвидации глубоких советских прорывов, окружению оторвавшихся от основного фронта частей Красной армии и последующему их уничтожению.

Ниже будут рассмотрены ключевые моменты в действиях германского командования, которые позволили войскам ГА «Центр» успешно выйти из кризиса и создать эффективную оборону на фронте Ржев — Сычевка — район вокруг Вязьмы — р. Угра в феврале-марте 1942 г. Другими словами, настоящий раздел посвящен вопросу — почему советским фронтам не удалось зимой 1942 г. завершить уничтожение ГА «Центр» и допустить значительные потери своих частей в период Ржевско-Вяземской операции.

* * *

Первый значительный успех принесли немецким войскам действия 9-й полевой и 3-й танковой армий на северном участке ГА «Центр».

16 января 1942 г. в донесении штаба 3-й танковой армии в ГА «Центр», в котором генерал-полковник Рейнгардт дал оценку состояния как своих войск, так корпусов соседней 9-й армии, говорилось, что уже начиная с 5 декабря 1941 г. немецкая пехота ведет тяжелые оборонительные бои, прилагая нечеловеческие усилия. Пока атаки удается отражать, но «этому однажды придет конец, т.к. просто не

будет пехоты...»⁴⁰⁹ (см.: Приложение, док. № 13). Это донесение было отправлено в ночь на 16 января. Рейнгардт не знал еще о новом решении фюрера на отход, иначе он не стал бы тратить время на анализ боеспособности немецких войск. Как только спустя несколько часов к нему поступила телеграмма с приказом отступить, он немедленно стал к этому готовиться.

Проведением мероприятий по обеспечению отхода германских соединений командующие 9-й полевой и 3-й танковой армиями были заняты весь день 16 января. Ранним утром 17 января 1942 г. переговоры о порядке и сроках отвода войск были завершены. Отступление началось. Штаб 9-й армии определил несколько промежуточных рубежей («линий») на которые должны были опираться отступающие части. Окончательный оборонительный рубеж (линия «К») должен был проходить через населенные пункты: Зубково — Клячино — Быково — Полатки — Савино — Пустой Вторник — Новая — Погорелое Городище — р. Дерша, отстоящий от передовых позиций на 30—50 км. Особо указывалось, что любое отступление от указанных линий повлечет за собой неразбериху при отходе войск в трудных дорожных условиях, может привести к неудачам и «вообще поставить под угрозу удержание этой позиции». Главные силы начинали отход в 17 ч 00 мин 17 января 1942 г., а арьергарды — в 7 ч 00 мин следующего дня⁴¹⁰.

Тем временем, ускоренными темпами продолжалось оборудование самих тыловых оборонительных рубежей. Кроме мирных советских граждан, чей труд эксплуатировался наиболее жестокими методами, германским командованием использовалась рабочая сила потерявших боеспособность немецких частей. Так, 11-му танковому полку (6-й танковой дивизии), лишившемуся почти всех своих танков, было приказано откомандировать остатки личного состава на строительство оборонительной линии «К». Необходимо, правда, отметить, что непосредственно в возведении укреплений участвовали лишь солдаты из обслу-

живающего персонала и караульных подразделений этого полка. Водители и механики танков были освобождены от черного труда, — их отправили в тыл на переподготовку и отдых⁴¹¹.

Отступление, однако, не сказалось немедленно на улучшении положения войск 9-й полевой и 3-й танковой армий. Более того, некоторые соединения не смогли должным образом использовать укрепления на новых позициях. Так, 106-я пехотная дивизия (5-й армейский корпус, 9-я армия) упорно оборонявшая 18 и 19 января н.п. Новиково и Андреевское была спустя некоторое время обойдена наступавшими советскими частями и, как отмечалось в донесении в штаб ГА «Центр», «потеряла до 1/3 оставшейся еще пехоты...» Потери были также все тяжелые и противотанковые орудия. Армейское командование констатировало: «...Удержание линии "К" слабыми силами корпуса [5 АК] при ежедневно усиливающейся нехватке тяжелого оружия уже сейчас поставлено под вопрос...»⁴¹²

В тоже самое время, Калининский фронт, силами 29-й и 39-й армий, других соединений, продолжал вести наступление дальше на юг, в общем направлении на Вязьму. Энергичному новому командующему 9-й немецкой армией генералу Моделю приходилось теперь заботиться о скорейшей локализации советского прорыва, в условиях, когда большая часть германских дивизий отступала. Потери германских частей возросли, бои приняли ожесточенный характер. Брешь между 6-м и 23-м армейскими корпусами северо-западнее Ржева пока оставалась открытой.

6-й армейский корпус, на войска которого была возложена задача «любой ценой удержать "краеугольный камень" обороны г. Ржев», по данным на 10 января 1942 г. насчитывал в своем составе всего до 10 тыс. чел. боеспособных военнослужащих (не считая солдат из тыловых служб и других вспомогательных подразделений). Из предназначавшегося для корпуса пополнения около 5 тыс. чел., в результате заболеваний и обморожений, к фронту прибыло

всего 20 % из их числа. После 10 января 1942 г., в течение целой недели, корпусу пополнение вовсе не выделялось, хотя его потери в первой половине января от боевых действий и морозов достигали в иной день 500 человек⁴¹³.

Тем не менее, германское командование имело намерение во что бы то ни стало закрыть брешь под Ржевом. Штаб 9-й армии планировал вести операцию следующим образом: 21 января 1942 г. — наступление 59-го армейского корпуса из района Сычевки на северо-запад, с целью сузить район прорыва и ударить во фланг советским войскам, оттеснить их от Ржева; 22 января — начать наступление из районов 6-го и 23-го корпусов. 6-й корпус должен был, отбросив противника, развернуть фронт на север и восстановит связь с наступающими к Волге (из района Зайцево) частями 23-го армейского корпуса. С целью соединения с Сычевской группировкой немецких войск оба корпуса впоследствии, после закрытия бреши, должны были продолжить наступление в южном и юго-восточном направлениях. Закрытие бреши не означало, однако, по мнению командования 9-й армии, автоматического окружения прорвавшихся частей Красной армии. Модель пока не видел возможности предотвратить уход главных советских сил (соединений 29-й и 39-й армий) в западном и юго-западном направлениях⁴¹⁴. (см.: Приложение, до. № 14)

С опозданием на сутки, 22 января 1942 г., соединения 9-й армии при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость советских позиций, незащищенность коммуникаций по которым шло снабжение частей Красной армии, усталость и большие потери среди бойцов РККА — сделали невозможным оказание эффективного противодействия внезапной атаке немецких сил. 23 января связь между 6-м и 23-м корпусами была восстановлена. Тем самым были перерезаны линии снабжения советских частей, продвинувшихся ранее в южном направлении на Вязьму, и, одновременно, закрыты пути отхода на север для 29-й и

39-й советских армий. Уже 24 января 1942 г. 46-му немецкому корпусу было приказано «очистить район западнее Сычевки от просочившихся туда вражеских частей». 46-й моторизованный корпус наступал на соединение с 6-м и 23-м корпусами в северном направлении⁴¹⁵. Тем самым создавались условия для уничтожения отрезанной советской 29-й армии.

Неясным для немецкого командования оставалось пока положение в районе г. Белый. Соединения советских 22-й и 4-й Уд. армий не оставляли попыток захватить город и даже в один момент ворвались на его окраины, но вскоре были выбиты частями 246-й пехотной дивизии вермахта. Немцы превратили Белый в свою крепость; нечто подобное они сделали со Ржевом, Сухиничами, а позднее и с другими городами. По мнению фюрера, удержание таких ключевых пунктов должно было не только повлиять на общую ситуацию на фронте, но и повысить боевой дух германской армии, стать примером стойкости солдат вермахта. Юго-западнее Белого продолжалось наступление сил Красной армии на Демидов и Витебск, юго-восточнее города — на Вязьму. 246-я пехотная дивизия из последних сил держала оборону на его окраинах. Владея трассой, проходящей через Белый, командующий ГА «Центр» мог надеяться в будущем полностью ликвидировать угрозу оленинской группировки своей 9-й армии⁴¹⁶. Сохранение немецкого выступа в этом районе, разрезающего советский фронт и уходящего далеко в тыл наступающих армий генерала Конева позволяло фон Клюге надеяться в скором времени на замедление темпов наступления советских соединений на вяземском и смоленском направлениях.

Закрытие бреши между 6-м и 23-м корпусами означало, что немецкие войска, находящиеся в районе Оленино, могли теперь получать снабжение через Ржев автотранспортом. Однако, жизненно важная для 9-й армии железнодорожный путь, проходивший через Зубцов—Ржев—Оленино, оставался пока перерезанным в районе стан-

ции Манчалово (западнее Ржева). Натиск 39-й армии и 11-го кавкорпуса в южном направлении не ослабевал. Части 11-го кавкорпуса полковника С. Соколова в конце января приблизились к Смоленскому шоссе западнее Вязьмы, но взять город не смогли. Дальнейшее развитие контрудара 6-го, 23-го и 46-го корпусов ГА «Центр» натолкнулось на серьезное противодействие 29-й советской армии.

25 января 1942 г. в разведсводке штаба ГА «Центр» отмечалось, что «противник подтягивает силы к н.п. Толстиково, западнее Ржева, в т.ч. танковые части и артиллерию. Не исключена возможность, что противник попытается занять Ржев с запада соединениями, находящимися южнее нашего заслона к северо-западу от Ржева...» В то же время советская 4-й ударная армия продолжила наступательные действия южнее Жарковский. Борьба с отрезанными советскими частями приняла затяжной характер. Погода и условия местности затрудняли их быстрое уничтожение.

К концу января 1942 г. командование ГА «Центр» смогло подвести первые итоги операции в районе Ржева. Разрыв немецкого фронта был ликвидирован. Прорвавшиеся советские части оказались примерно в таком же положении, в каком были до недавнего времени немецкие соединения 9-й армии. 27 января 1942 г. Гитлер отправил в штаб генерала Моделя следующую телеграмму: «...Солдаты 9 А! Разрыв вашего фронта ликвидирован... Если в ближайшее время вы по-прежнему будете выполнять свой долг, то будет уничтожено большое число русских дивизий... Еще раз выражаю свою признательность вам, солдаты 9 А...»⁴¹⁷ К 5 февраля 1942 г., — как отмечалось в донесении штаба объединения Моделя, — противник [29-я советская армия] был «сдавлен в районе Манчалово». Предполагалось его скорая и окончательная ликвидация⁴¹⁸.

Теперь основное внимание германского командования переместилось в центр группы Клюге. Если на северном фланге ГА «Центр» кризис был в основном преодолен, то в полосе 4-й армии и 4-й танковой армии немецкий фронт

едва держался. Ситуация вышла из-под контроля, когда в середине января 1942 г. обозначился новый успех 33-й советской армии. Ставка ВГК и сам командующий армией генерал Ефремов рассчитывали на быстрое продвижение советских войск к Вязьме. Оперативная обстановка позволяла надеяться на выход крупных сил Красной армии в тыл ГА «Центр» и соединение частей Западного фронта (конкретно — ударной группы 33-й армии во главе с командующим армией и группы Белова) с частями Калининского фронта, продвигавшимися к Вязьме с севера. Чтобы облегчить прорыв соединений Ефремова и Белова с 18 по 21 января 1942 г. в районе н.п. Знаменка и Желанье были десантированы части 250-го воздушно-десантного полка и 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкую оборону с тыла, а затем соединиться с главными наступающими силами Красной армии.

Удачно войдя в прорыв, советские ударные группы продвинулись далеко в тыл немецкой обороны, в результате чего между 4-й полевой и 4-й танковой армией образовалась широкая брешь севернее Юхнова. Фюрер был разгневан. По его мнению, командующий 4-й армией А. Кюблер не справился со своими обязанностями и не оправдал возложенных на него надежд. 21 января он был заменен бывшим командиром 43-го армейского корпуса генералом пехоты Г. Хейнрици. Кюблер пробыл в должности командующего армией чуть больше месяца. Однако, Хейнрици пока также не располагал силами, чтобы выполнить приказ Гитлера о соединении своих войск с 4-й танковой армией в районе Шанского Завода⁴¹⁹. Попытка создания сплошного фронта без предварительного отхода грозила немцам большими потерями. Поэтому Клюге принял решение все же отвести 4-ю армию примерно на 15—20 км на запад и закрепиться в районе Износок. После этого должен был последовать удар навстречу друг другу соединений правого фланга 4-й танковой и левого фланга 4-й полевой армий.

27 января 1942 г., в тот же день, когда солдаты 9-й армии получали поздравления фюрера с успешно выполненной задачей в районе Ржева, штаб ГА «Центр» приказал: «...4 А атаковать 29.01.42. всеми имеющимися в распоряжении силами сильный восточный фланг в направлении Желанье, Мелентьево... 20 тд [4 ТА] — установить связь с частями 4 А вдоль шоссе Егорье—Кулеши—Юхнов...» 4-й армии предписывалось также осуществить отход на зимние позиции, причем, главной ее целью являлось: «...повернув на восток, занять окончательные позиции в прежней брешу между обеими армиями...»⁴²⁰

Погодные условия и трудности перегруппировки не позволили немецким войскам нанести контрудар именно 29 января 1942 г. Его сроки были перенесены. 30 января последовал новый приказ. 4-я армия должна была наступать к шоссе Износки—Холмы—Панашино—Волухова. Частям 5-й танковой дивизии ставилась задача восстановить положение юго-восточнее Вязьмы, где действовали в то время передовые подразделения ударной группы 33-й армии, группы Белова, а также десантников.

Необходимо особо отметить, что в это время штаб ГА «Центр» вновь едва не потерял контроль за положением на отдельных участках своего фронта. К трудностям перегруппировки войск, отступления, добавились проблемы связи и получения информации о противнике. Определить состав и количество советских сил, продвигающихся через брешь севернее Юхнова в направлении на Вязьму, можно было только с помощью авиации. Ударная группа 33-й армии — 113-я, 338-я, 160-я и 329-я стрелковые дивизии (329-я дивизия была передана из состава 5-й армии только 31 января 1942 г.) — продвигалась к Вязьме, практически, все время в походных колоннах, пока без сильного противодействия со стороны немцев.

К выявлению местонахождения этих колонн были привлечены две эскадры дальней разведки люфтваффе (11-я и 14-я эскадры). Информация о советских войсках поступала

в разведотдел штаба ГА «Центр». 2 февраля 1942 г. он сообщил: «...Крупные конные колонны с пехотой, продвигаясь от Жулино (24 км юго-восточнее Вязьмы) и Ежевица (17 км юго-восточнее Вязьмы), пересекли железную дорогу 2 км южнее Дашковка (12 км юго-восточнее Вязьмы). Длина колонны 10—15 км...»⁴²¹

Большое беспокойство у командования ГА «Центр» вызывали и действия группы Белова, которая 25—30 января прорвалась через Варшавское шоссе в район Федотково. Там она установила связь с одним из воздушно-десантных отрядов. Белов также стремился к Вязьме, но продвигался к ней южнее 33-й армии. Немцам удалось 1 февраля захватить в плен несколько бойцов из 1-го гв. кавкорпуса (этот корпус, собственно, и составлял основу группы Белова) и выяснить, что крупные силы советской кавалерии уже «перешли через Варшавское шоссе в северном направлении»⁴²². 2 февраля группа Белова была уже 12 км южнее Вязьмы, у д. Стогово. Однако в тот же день соединения 40-го и 13-го корпусов 4-й армии перерезали узкий коридор у Варшавского шоссе. Советские части не успели перевести через дорогу большую часть артиллерии и зенитных средств. Несмотря на это Белов получил приказ продолжать рейд, не ввязываясь в затяжные бои. С этого времени группа начала действовать в полном отрыве от главных сил фронта⁴²³.

Закрывать брешь в районе прорыва 33-й армии немцам было сложнее, так как здесь находился стык двух германских армий. Отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ оценивал обстановку на 2 февраля следующим образом: «...Силами [советских] 43 А и 33 А армий нанесен удар в брешь, образованную между [немецкими] 4 А и 4 ТА. Продолжительное время брешь не была ликвидирована. Цель удара подтянуть значительные силы в тыл танковой армии [4 ТА]. Общее направление удара — Вязьма. Перед южным фронтом танковой армии действуют 338 сд и 113 сд. В ходе боев эти дивизии были введены че-

рез брешь в ближайший тыл юго-восточнее Вязьмы... Противник сосредоточил в прорыве перед 4 А около восьми стрелковых дивизий, две-три стрелковые бригады и одну танковую бригаду...»⁴²⁴ (Фактически же, в упомянутый прорыв были введены только четыре стрелковые дивизии под общим командованием генерала Ефремова; кавалеристы Белова и десантники действовали на другом участке, не входя пока во взаимодействие с ударной группой 33-й армии. — М.М.)

Положение 4-й армии и 4-й танковой армии становилось близким к катастрофическому. Советские части находились уже на окраинах г. Вязьма. Промедление с ответным ударом означало раскол немецкого фронта и возможное окружение значительных сил ГА «Центр».

Утром 2 февраля 1942 г. командующий 4-й танковой армией генерал Р. Руофф получил телеграмму из штаба ГА «Центр», содержащую приказ на наступление. Войскам 20-го армейского корпуса предписывалось силами 20-й танковой и 183-й пехотной дивизий рано утром 3 февраля 1942 г ударить с севера по частям 33-й армии, действующим в районе станции Угрюмово (50 км юго-восточнее Вязьмы, железнодорожная ветка Вязьма—Калуга)⁴²⁵.

К вечеру 2 февраля несколько разрядилась обстановка непосредственно на окраинах Вязьмы. 5-му армейскому корпусу (4-й танковой армии) удалось активными действиями сковать передовые части генерала Ефремова юго-восточнее города. 5-я танковая дивизия (5-го армейского корпуса) контратаковала и остановила советские подразделения у д. Дашковка. Однако бои здесь не затихали. Генерал Ефремов был полон решимости довести начатое дело до конца и взять Вязьму.

В ночь на 3 февраля 1942 г. немецкие войска нанесли решительные удары по флангам 33-й армии и перерезали слабо защищенный коридор, через который группа Ефремова вошла в прорыв на Вязьму. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на

этом участке фронта ГА «Центр». В результате ночного боя, временами переходящего в рукопашную, в полосе 20-го армейского корпуса (4-й танковой армии) немцы захватили Воскресенск (юго-западнее железнодорожной станции Угрюмово). Главную роль в этом успехе сыграли части 20-й танковой дивизии вермахта, которая отбила все последующие ожесточенные контратаки советских подразделений на этот населенный пункт⁴²⁶. Бой продолжался всю ночь, утро и весь день до позднего вечера. Лишь в 20 ч 40 мин 3 февраля в штаб ГА «Центр» поступили первые обнадеживающие сообщения о действиях левого фланга 4-й танковой армии.

Одновременно, был нанесен удар силами 4-й армии. 17-я пехотная дивизия, входящая в состав 12-го армейского корпуса, продвинулась в район н.п. Канашино и там установила связь с 4-й танковой армией. 17-й дивизия продолжала наступление в направлении д. Фролово. Вскоре участок, где обозначился успех, был усилен отдельными частями из 268-й и 98-й пехотных дивизий вермахта.

Успех 20-й танковой и 17-й пехотной дивизий решил дело. Вечером 3 февраля 1942 г. командование 4-й танковой армии доносило, что «...в полосе 20 АК, несмотря на тяжелые условия погоды, 20 тд развивала наступление к югу, преодолевала сильное сопротивление противника, заняла Мамуши (западный берег р. Воря, примерно 10 км юго-западнее станции Угрюмово. — М.М.) и установила связь с 17 пд в районе 2,5 км юго-восточнее Мамуши...»⁴²⁷. (см.: Приложение, док. № 15)

Брешь под Вязьмой была ликвидирована. В окружении юго-восточнее города оказались четыре дивизии 33-й армии во главе со своим командующим генерал-лейтенантом Ефремовым. Общая численность отрезанной группировки (с учетом проводившейся тогда в освобожденных районах Смоленщины мобилизации в армию новобранцев) доходила в феврале-апреле 1942 г. до 10 тыс. человек.

Был ли виноват сам генерал Ефремов в том положении, в котором оказались его войска? До сих пор этот вопрос остается спорным в историографии Московской битвы. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, — не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Приказ на отход пришел как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу ГА «Центр». Отвод войск на зимние оборонительные позиции не только укрепил оборону немцев, но и позволил им высвободить достаточные силы для нанесения контрударов. С другой стороны, советское командование слишком поздно осознало, что прошел тот период, когда можно было относительно безопасно продвигаться вперед, не взирая на угрозу своим коммуникациям. Отметим, что боевые действия соединений генерала Ефремова в окружении продолжались еще два с половиной месяца, до 18—19 апреля 1942 г.

В начале февраля 1942 г. новый рубеж немецкой обороны не был еще таким прочным. 3 и 4 февраля 1942 г. продолжались работы по возведению укреплений на участке д. Мамуши (южнее станции Угрюмово) и далее по реке Воря, до впадения ее в реку Угру⁴²⁸. Оставался пока выдвинутый на восток участок обороны в районе г. Юхнов. Его немцы оставили только в начале марта 1942 г. под давлением наступающих войск 43-й и 49-й советских армий.

Германское командование сильно забеспокоилось, когда получило данные разведки о появлении в районе недавно закрытой бреши между 4-й полевой и 4-й танковой армиями свежей советской дивизии (9-й гвардейской, командир генерал-майор В.А. Ревякин. — *М.М.*). Это соединение, как отмечалось в сводках, было вполне способно вес-

ти наступление на запад⁴²⁹. К сожалению, наметившийся успех 9-й гв. дивизии в районе д. Мамуши не был в дальнейшем поддержан другими частями Красной армии.

Несколько забегая вперед, следует сказать, что в февралеп-апреле 1942 г. войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе генерала Ефремова. Жестокие бои развернулись на узком участке фронта, в районе впадения р. Воря в р. Угра. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу р. Угра, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерал-майора К. Д. Голубева долго, но, в основном, безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительны — до 5 000 чел. убитыми. Но эти жертвы оказались напрасными. В апреле 1942 г. генерал Ефремов, видя истощение своих сил, обратился напрямую (через голову командования Западного фронта) в Ставку ВГК с просьбой разрешить ему выходить на восток по кратчайшему пути — через р. Угру⁴³⁰. Однако большинству ефремовцев пробиться на «большую землю» так и не удалось. Германские подвижные части смогли перехватить колонну советских войск на дороге Буслава—Беляево, а затем добить остатки группы Ефремова в районе деревень Жары, Новая Михайловка и Климов Завод. Из окружения вырвались лишь разрозненные подразделения численностью всего несколько сот человек. Примерно 600 бойцов ушли к партизанам отряда В. В. Жабо. Сам М. Г. Ефремов, геройски руководивший своими солдатами, во время боя был ранен. Не имея сил и далее продвигаться к линии фронта, он застрелился в районе д. Климов Завод 18 апреля 1942 г.⁴³¹

Возвращаясь к событиям начала февраля 1942 г. необходимо отметить, что ударной группе 33-й армии необходимо было сразу после окружения прорываться на восток. Сил у ефремовцев для взятия Вязьмы уже тогда было недостаточно. Вскоре к городу подошли новые соединения вермахта, переброшенные из Западной Европы. 5-я тан-

ковая дивизия продолжала «планомерно сжимать котел, в котором находилась отрезанная в Дашковке группа противника» (то есть, передовые части 33-й армии и десантники. — М.М.).⁴³² Однако генерал Ефремов не получил конкретных указаний от командования Западного фронта на немедленный выход из окружения. Ставка ВГК также ошибочно полагала, что существует еще надежда на успешный разгром ГА «Центр». Поэтому продолжалось десантирование в тыл противника 4-го воздушно-десантного корпуса, а 1 февраля 1942 г. было даже воссоздано Главное командование войск Западного направления во главе с генералом армии Г. Жуковым, которое должно было обеспечивать взаимодействие Западного и Калининского фронтов. Сталин пока не терял оптимизма в отношении дальнейшего развития событий западнее Москвы.

В то же время, германские генералы смогли вздохнуть с облегчением. Наступательные возможности советских войск расценивались ими теперь как безнадежные. Ожидалось, что положение отрезанных юго-восточнее Вязьмы советских частей будет быстро ухудшаться⁴³³. Немцы хорошо понимали значение ликвидации брешей в их фронте под Ржевом и Вязьмой. По существу, был завершен целый этап вооруженной борьбы на Востоке. Сил Западного и Калининского фронтов было уже недостаточно, чтобы сломить сопротивление противника. Построенные ГА «Центр» зимой 1941/42 г. позиции стали основой для прочной германской обороны вплоть до марта 1943 г.

Немецкие оценки сражений западнее Москвы конца декабря 1941 — начала февраля 1942 г. были довольно объективными и отражали реальную ситуацию на фронте противоборствующих сторон. Так, 3 февраля начальник штаба 4-й танковой армии генерал О. Реггигер отмечал в своем донесении в штаб ГА «Центр»: «С невероятной храбростью русские пробивались через узкие проходы, проделанные ими самими в ходе боевых действий. Благодаря успешным действиям немецких войск 9 А, 4 А и 4 ТА, эти про-

ходы удалось закрыть, а выдвинувшиеся части противника отрезать от своих баз...» Окруженным предрекалась гибель от недостатка снабжения. «...Подводя итоги, — говорилось далее, — можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был смело осуществлен. Однако, русское командование переоценило боевую способность своих солдат и недооценило боевую способность наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв...»⁴³⁴ (см.: Приложение, док. № 16)

Несмотря на стабилизацию фронта, положение войск ГА «Центр», по мнению ее командования, оставалось серьезным. В немецком тылу действовали партизаны, десантники, регулярные стрелковые части и кавалерия. Войска под командованием генерала Белова, действующие южнее Вязьмы, по донесению штаба группы Клюге, были «тесно связаны по радио с кавалерийской группой 39-й русской армии, находящейся северо-западнее и западнее Вязьмы» (то есть с 11-м кавкорпусом Калининского фронта. — М.М.). Из радиоперехватов переговоров советских штабов немецкое командование делало вывод, что «противник намерен захватить Вязьму. В ночь с 4 на 5 февраля авиаразведка наблюдала подход новых сил...» Штаб ГА «Центр» отмечал также серьезные бои в полосе 41-го армейского корпуса (9-й армии), маневр отрезанных частей 29-й и 39-й советских армий. Показаниями пленных подтверждались трудности этих объединений со снабжением. Однако, по-прежнему говорилось об упорном сопротивлении противника юго-западнее и западнее Ржева⁴³⁵.

На южном фланге ГА «Центр», в полосе действия 2-й танковой армии, тем временем продолжались упорные бои в районе г. Сухиничи. 27 января 1942 г. немецкие части, оказавшиеся на некоторое время отрезанными в этом городе от основных сил 2-й танковой армии были деблокированы⁴³⁶. Сухиничская группировка немцев соединилась

с жиздринской. Этот успех был достигнут дорогой ценой. В течение января месяца 2-я танковая армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести — 6.811 чел., а больными и обмороженными еще 8.796 чел.⁴³⁷

Воздушная разведка ГА «Центр» наблюдала в это время передвижение колонн противника от Козельска по направлению к Сухиничам, из которого командование группы сделало вывод о переброске к городу дополнительных советских частей и о намерении Красной армии продолжить здесь наступление⁴³⁸. Бои у Сухиничей разгорались с новой силой. 29 января советские войска, усиленные управлением 16-й армии генерала К. Рокоссовского заняли Сухиничи и нацелились на Жиздру.

Перед фронтом 2-й танковой армии всю вторую половину февраля продолжались советские атаки. Немецкое командование, знавшее о переброске к Сухиничам дополнительных сил Красной армии, делало вывод о подготовке здесь нового мощного удара. Штаб ГА «Центр» констатировал также усиление противника севернее Мценска⁴³⁹. Быстро исправить ситуацию 2-я танковая армия была не в состоянии, так как за весь январь она получила всего 512 чел. маршевого пополнения⁴⁴⁰. До того момента, пока во 2-ю такую армию не прибыли подкрепления с Западного фронта, фон Клюге затыкал слабые места в ее обороне подразделениями, высвобождавшимися в результате сокращения линии фронта.

Успех в ликвидации прорывов не только стабилизировал обстановку на фронте ГА «Центр», но и придал уверенности германским генералам. Едва избежав поражения, немецкое командование снова стало говорить о возобновлении наступления на Москву, правда, теперь не раньше конца весны 1942 г. На передний план в приказах по войскам группы Клюге выдвигалось сохранение и укрепление «чувства превосходства над противником». Военные успехи вскружили головы и представителям генштаба сухопутных войск, считавшим борьбу с окруженными и отрезан-

ными советскими соединениями законченной. Немецкая разведка 6 февраля 1942 г. поспешила сообщить, что «следует считать части 113 сд и 338 сд (группы Ефремова. — М.М.) уничтоженными» хотя в то время борьба юго-восточнее Вязьмы разгоралась с новой силой⁴⁴¹.

В директиве ОКХ от 12 февраля 1942 г. по ведению боевых действий на советско-германском фронте генерал-полковник Гальдер отмечал: «...Зимние оборонительные бои на Востоке уже перешли, по-видимому, свою высшую точку... Действия наших войск... войдут в историю войн как великий солдатский подвиг». Далее в документе говорилось о наступлении в скором времени распутицы, о ее основных проявлениях и о том, как войска должны вести себя в условиях таяния снегов. Делалось следующее заключение: «...Если принять во внимание трудности передвижения, отступление крупного масштаба невозможно само по себе...». Задачей ГА «Центр» в новых условиях было: «...создать между районом Болхов и районом Юхнов постоянную позицию, а в остальном удерживать существующий фронт...» Большое внимание в приказе уделялось организации снабжения, обучению пополнения и организационным мероприятиям.

Решительные действия ОКХ планировало на левом фланге ГА «Центр»: «Осуществляя наступление группировки из района действия 23 АК с целью овладения г. Осташков необходимо во взаимодействии с ГА «Север» перерезать тыловые коммуникации 3-й и 4-й русских ударных армий и создать предпосылки к тому, чтобы эти группировки остались в районе Осташкова на время распутицы...»⁴⁴². Подробнее о судьбе этой предполагаемой операции будет сказано чуть ниже.

* * *

В конце февраля — начале апреля 1942 г. войска ГА «Центр» провели несколько частных наступательных и оборонительных операций, результаты которых хорошо

отражают создавшуюся тогда обстановку на фронте западнее Москвы. Несмотря на то, что активность немецких сил в тот период определялась решением, преимущественно, тактических задач, ожесточенность боевых действий была чрезвычайно высокой. Период затухания Ржевско-Вяземской операции лишь недавно стал предметом пристального рассмотрения отечественных историков. Итоги кровопролитных для обеих сторон боев под Ржевом, Сычевкой и Юхновом весной 1942 г. не только подвели черту под Московской битвой, но и во многом предопределили последующий характер боевых действий на западном направлении вплоть до 1944 г. Отметим также, что мощнейшая группировка вермахта на Восточном фронте — группа армий «Центр» — вступала в совершенно новый этап войны к которому ей еще предстояло приспособиться, одновременно избавившись от иллюзий захвата Москвы в 1942 г.

Как уже отмечалось, войска Западного и Калининского фронтов понесли в конце зимы — весной 1942 г. тяжелые потери. Зачастую советские подразделения продолжительное время наступали на населенные пункты и высоты, которые ничего не значили в оперативном плане. Однако на ряде участков соединения РККА пробивались вперед ради спасения окруженных. Так было, например, в полосе 43-й армии, части которой штурмовали «рощи», «балки», «низины» и «высоты», пытаясь продвинуться к отрезанной группе Ефремова. Немцы встречали советские войска ураганным минометным и пулеметным огнем. Подразделения вермахта прикрывались сплошной системой заграждений из колючей проволоки, минными полями и всевозможными ловушками. Атаки на такие позиции стоили большой крови.

Так, по донесению командования 4-й немецкой армии от 13 февраля 1942 г., на участке 17-й пехотной дивизии, «два советских полка, при поддержке 3 танков» продвинулись на некоторое расстояние к д. Фролово. Сразу же район вклинения был блокирован немецкими частями,

дальнейшие атаки оказались бесполезными. Успешно действовали на фронте ГА «Центр» и охранные части, в частности, полицейский полк, переброшенный на помощь 4-й армии. Его подразделения вынудили советское командование отказаться от наступления на д. Михали и отвести свои силы, потеряв при этом до 90 чел. убитыми⁴⁴³. На участке р. Воря — р. Угра штаб 4-й танковой армии отмечал возрасставшее день ото дня количество убитых советских солдат перед немецкими окопами. Перед фронтом 12-го армейского корпуса (4-й армии) на 13 февраля 1942 г. их было уже до 500 чел., перед 5-й танковой дивизией (4-й танковой армии) — до 215 чел.⁴⁴⁴

На северном фланге ГА «Центр» ожесточенность советских атак была, отнюдь, не меньшей. «...К 17 февраля 1942 г. на фронте 9-й армии, — как отмечалось в оперсводках в генштаб ОКХ, — в результате упорных боев с переменным успехом было достигнуто решительное сужение района окружения (29-й советской армии. — М.М.)...»⁴⁴⁵ Утром этого дня советские танки на северном участке обороны 6-го армейского корпуса смогли прорваться к югу навстречу отрезанным советским войскам. Часть танков была подбита, но часть сумела прорваться сквозь немецкие оборонительные порядки. Казалось, еще немного и немецкое кольцо будет прорвано. Но этого не случилось. Одна из последних попыток командования Калининского фронта выручить окруженных была отбита огнем и контратакой немецких подразделений. В оперативном донесении отмечалось, что советские танки продвинулись до 15 км вглубь немецкой обороны, но так и не смогли выполнить задачу. В то же время, остатки 29-й советской армии оставили н.п. Манчалово (15 км западнее Ржева) и отошли в леса вокруг железнодорожной станции с одноименным названием, где и закрепились⁴⁴⁶. [

Более трех недель 29-я армия (командующий генерал-майор В.И. Швецов) сражалась в отрыве от основных сил фронта. Ее соединения израсходовали почти все бое-

припасы, подходили к концу и продовольственные запасы. Медлить с прорывом из кольца больше было нельзя. Получив соответствующее разрешение командующего фронтом (И. Конева), соединения 29-й армии в ночь на 17 февраля 1942 г., рассредоточившись на отдельные группы, стали выходить к основным силам Калининского фронта.

Командование 9-й немецкой армии 18 февраля 1942 г. доносило о многократных попытках противника группами от нескольких сотен до 3 тыс. чел. прорваться через фронт немецких подразделений. Немецкое командование отмечало, что в боевых порядках советских частей были замечены также партизаны и десантники. Дело в том, что 16 и 17 февраля 1942 г. в районе действия 29-й армии был десантирован 4-й батальон 204-й воздушно-десантной бригады (1-го воздушно-десантного корпуса) в составе 500 чел. Командовал батальоном старший лейтенант П. Белоцерковский. Десантники должны были оказать содействие советским стрелковым подразделениям в прорыве на юго-запад, на соединение с 39-й армией⁴⁴⁷. Отходившим советским частям был навязан тяжелый бой. «Нам удалось, — говорилось в донесении штаба 9-й немецкой армии, — в районе лесного участка северо-восточнее Афанасьево преградить путь этим силам и помешать прорыву... Полным ходом осуществляется уничтожение окруженного противника⁴⁴⁸.

Вскоре фельдмаршал фон Клюге направил фюреру итоговое донесение, в котором говорилось, что за четыре недели 9-я армия генерала Моделя, несмотря на трудные погодные условия, разбила противника. Она «нанесла тяжелое поражение 39-й и полностью уничтожила 29-ю русскую армию. Всего с 21 января ликвидировано пять и разбито четыре дивизии, взято в плен 4.833 и убито 26.647 чел., захвачено и уничтожено 187 танков, 1.037 орудий и минометов...»⁴⁴⁹

Однако утверждение командования ГА «Центр» об уничтожении 29-й советской армии было явным преувеличением. 19 февраля 1942 г. генерал Конев доложил И. Ста-

лину, что на участке 30-й армии вышли из окружения около 200 чел. В полосе 252-й стрелковой дивизии (39-й армии) пробилась 185-я, 381-я дивизии, а также армейские части во главе с генералом Швецовым, всего до 3.500 бойцов и командиров, которые сразу же стали приводить себя в порядок⁴⁵⁰. Таким образом, костяк 29-й армии был сохранен.

Несколько по иному сценарию развивались события в районе действий 39-й советской армии. Несмотря на то, что войска генерал-лейтенанта И.И. Масленникова были отрезаны от своих тылов, они все-таки смогли зимой 1942 г. сохранить контакт с войсками Калининского фронта, находящимися восточнее г. Белый. 39-я армия перешла к обороне и закрепились в болотистой местности в районе верхнего течения р. Обша. Свой фронт она развернула в направлении железнодорожных перегонов Ржев—Оленино и Ржев—Сычевка. Советские соединения пока успешно отражали все атаки немецких войск, находясь, практически в полуокружении и располагая лишь ненадежными транспортными коммуникациями. Весной 1942 г. штаб 9-й германской армии неоднократно поднимал вопрос о ликвидации советских сил на этом участке. Однако осуществить операцию по полному окружению 39-й армии немцам удалось только в июле 1942 г. (ГА «Центр» провела 2—31 июля 1942 г. операцию «Зейдлиц»). Ослабленные в боях части генерала Масленникова оказались тогда отрезанными от «большой земли» и вынуждены были прорываться из кольца на встречу 41-й армии, неся значительные потери⁴⁵¹.

20 февраля 1942 г. немецкое командование объявило о полной очистке местности от противника на участке 27-го и 6-го армейских корпусов западнее Ржева. Отмечались успешные действия 86-й пехотной дивизии (9-й армии). Общий вывод оперативного отдела штаба ГА «Центр» об обстановке на фронте был следующим: «...Положение противника не изменилось, но следует указать на его увеличившуюся активность позади фронта, высадку авиадесантных войск, а также деятельность партизан. По данным

разведки и показаниям военнопленных, противник предполагает в день Красной армии (23 февраля) провести особые операции как позади фронта, так и на всех его участках, при поддержке своих воздушных сил...»⁴⁵²

Забегая вперед, скажем, что ничего особенного 23 февраля так и не произошло, если не считать продолжавшуюся высадку сил 4-го воздушно-десантного корпуса восточнее Знаменки. 21 февраля 1942 г. штаб ГА «Центр» издал приказ № 1414 на ведение боевых действий после завершения зимы. В определенной мере он стал продолжением и дополнением уже упомянутой директивы ОКХ от 12 февраля 1942 г. по ведению боевых действий во время распутицы. Правда, теперь это был документ, разработанный непосредственно командованием группы, в котором учитывались мнения полевых командиров вермахта. Приказ №1414 был подписан, когда опасность захвата Ржева советскими войсками практически уже миновала. В районе города началось строительство дополнительных укреплений. Указывалось, что к работе по подготовке позиций и опорных пунктов на весну и лето следует приступить немедленно и вести ее всеми имеющимися в распоряжении средствами, а «при выборе позиций нужно стремиться строить их на сухих, песчаных участках...»

Ставились задачи объединениям ГА «Центр»:

2-я танковая армия: удерживать район юго-западнее Сухиничей и во взаимодействии с южным флангом 4-й армии овладеть г. Киров;

4-я армия: отступить на позицию Угра—Воря и оставить город Юхнов. При отступлении от него предусматривалось основательное разрушение всех мостов через р. Угра и аэродрома; создание «зоны пустыни».

4-я танковая армия: первоочередная задача — уничтожение вражеских частей в своем тылу: партизан — в районе Дорогобужа; десантников, конников генерала Белова и частей 33-й армии — в районе южнее и юго-западнее Вязьмы.

Особая операция предусматривалась в полосе 9-й армии. Еще в директиве от 12 февраля 1942 г. немецкое командование говорило о возможности окружить крупные силы Калининского фронта, продвигающиеся через Андреаполь и Торопец на Великие Луки, Витебск и Демидов. ОКХ беспокоило то обстоятельство, что советские 3-я и 4-я ударные и 22-я армии выходили далеко во фланг и тыл немецким 9-й полевой и 3-й танковой армиям. Войска Красной армии в перспективе могли перерезать транспортное сообщение через Смоленск и окончательно лишить ГА «Центр» взаимодействия с правым флангом ГА «Север». Этого немецкое командование допустить не могло. В качестве контрмеры, в директиве от 12 февраля 1942 г., оно предусматривало собственный удар по тыловым коммуникациям советских армий⁴⁵³. Спустя 9 дней, 21 февраля, фон Клюге конкретизировал предстоящую задачу. Он приказал 9-й армии готовить операцию в направлении на Осташков для того, чтобы «перерезать вражеские коммуникации между Ржевом и Осташковым, овладеть под Осташковым крепким опорным пунктом и, по возможности, продвинуть фронт к Волге...»⁴⁵⁴

В дальнейшем эта операция разрабатывалась в немецких штабах под кодовым наименованием «Операция на "О"». Она предусматривала участие в ней крупных сил ГА «Север», действующих из района Демянска⁴⁵⁵. Немецкое командование решило воспользоваться тем моментом, что передовые соединения Калининского и Северо-Западного советских фронтов далеко оторвались от своих основных баз снабжения и появилась возможность захлопнуть за ними ловушку. Интересно будет рассмотреть — на чем строили свои расчеты германские генералы.

Напомним, что Красная армия освободила к середине февраля довольно большую территорию к северу от Смоленска и Ярцево. С начала контрнаступления под Москвой объединения Калининского и Северо-Западного фронтов продвинулись вперед на 250-300 км. В ходе Торопец-

ко-Холмской операции во второй половине января 1942 г. войска 3-й и 4-й ударных армий развивали наступление на витебском и смоленском направлениях. Командование вермахта было вынуждено перебросить на этот участок дополнительно 59-й армейский корпус, а также резервы из Западной Европы (три пехотных дивизии и отдельные пехотные подразделения, которые вошли в состав групп «Зинценгер» и «Вельвер»). Эти группы стали подчиняться с 1 февраля 1942 г. управлению 3-й танковой армии, которое было переведено в Витебск⁴⁵⁶. В немецком фронте образовался громадный выступ, который мешал взаимодействию сил ГА «Центр» и ГА «Север». Линия фронта описывала здесь большую дугу вокруг верхнего течения реки Западная Двина. Но в то же время на участке оз. Селигер — Осташков Селижарово — Ельцы, еще с момента ввода советских ударных армий в прорыв, этот выступ имел относительно узкую горловину, через которую и поступало все снабжение для наступающих частей РККА (ширина горловины не превышала 135 км). С севера ее могли перерезать дивизии демянской группировки ГА «Север» (16-я армия), а с юга — войска оленинской группировки ГА «Центр» (9-я армия). Первоначальный замысел немецкого командования был решительным — удар этих группировок навстречу друг другу. Однако в планы вмешались объективные обстоятельства.

Ко второй половине февраля 1942 г. под Демянском немецкие соединения, предназначенные для наступления на встречу 9-й полевой армии, были зажаты с трех сторон войсками советского Северо-Западного фронта. Уже 20 февраля был образован внутренний фронт окружения шести немецких дивизий, находящихся в демянском котле. ОКХ рассчитывало быстро выправить ситуацию, но теперь операцию на Осташков («операцию на "О"») была в состоянии проводить только одна 9-я армия. Командование ГА «Центр» пока не теряло надежды на успех, поскольку советские войска, потерпевшие незадолго до этого в полосе

армии Моделя ряд поражений были значительно ослаблены. Одной из предпосылок для начала наступления штаб ГА «Центр» считал «надежную связь между западным флангом 23-го армейского корпуса и г. Белый»⁴⁵⁷ (другими словами уничтожение 39-й советской армии. — *М.М.*).

Добавим, что общий замысел «операции на «О» во многом являлся продолжением прежних попыток ОКХ решить проблему северного фланга ГА «Центр». Опять, как и осенью 1941 г., первоначально предусматривалось участие в наступлении сил ГА «Север», конкретно — правого фланга 16-й немецкой армии. Однако у генерал-полковника Э. Буша (командующего 16-й армией) было сейчас достаточно проблем в обороне собственного фронта.

Дальнейшие события на фронте ГА «Центр» необходимо предварить кратким комментарием. Дело в том, что анализ планов немецкого командования, проработка которых шла в феврале 1942 г., показывает обоснованность ряда решений советского военного руководства, которые были подвергнуты критике уже в послевоенные годы. Не вызывает сомнения, что задуманное Сталиным широкое наступление на всем советско-германском фронте весной 1942 г. не привело, да и не могло привести, к желаемому результату. Однако документы германской стороны еще раз заостряют наше внимание на том, что ситуацию, сложившуюся зимой-весной 1942 г. западнее Москвы невозможно рассматривать отдельно от ситуации на других участках фронта. Более того, необходимо учитывать и замыслы противника. В этой связи, несколько в ином свете предстают перед нами меры, которые предприняла Ставка ВГК по усилению отдельных направлений (помимо западного) в начале 1942 г.

Так, широко критикуется приказ советской Ставки от 19 февраля 1942 г. вывести 1-ю ударную армию из состава Западного фронта в резерв. Маршал Г.К. Жуков писал в своих мемуарах, что он активно выступал против этого решения⁴⁵⁸. В конце января армия была передана Северо-За-

падному фронту с целью разгрома демянской группировки противника. Бои в демянских болотах, даже после образования внутреннего кольца окружения шести немецких дивизий (96 тыс. чел.), продолжались с неослабевающей активностью. 1-я ударная армия сыграла важную роль в образовании внешнего кольца окружения⁴⁵⁹. Полностью завершить разгром немецкой группировки тогда не удалось, однако, и германская 16-я армия не могла теперь участвовать в наступлении навстречу 9-й армии. Коммуникации 3-й и 4-й советских ударных армий остались в безопасности. В этом, безусловно, есть заслуга, переброшенной из состава Западного фронта 1-й ударной армии. Позднее штаб ГА «Центр» пришел к заключению, что сил одной 9-й армии недостаточно, чтобы провести «операцию на "О"» и отрезать советские ударные силы, хотя некоторое время такая возможность им еще рассматривалась.

Кажется маловероятным, чтобы Ставка ВГК знала в то время о германских планах по окружению 3-й и 4-й ударных армий. Однако, с другой стороны, советское командование не могло не видеть такой потенциальной опасности, об этом говорила сама конфигурация линии фронта. Отметим, что охват демянской группировки противника означал не только крупный успех Красной армии, но и устранение этой угрозы.

25 февраля 1942 г. генерал Модель доносил командованию ГА «Центр» о том, что участие его армии в новой операции до начала распутицы становится уже маловероятным, однако «возможно нанести внезапный удар на север до или после периода распутицы...»⁴⁶⁰ Другими словами, Модель не терял надежды осуществить в будущем удар на север, хотя видел, что шансы на его успех в настоящих условиях не велики. Теперь он сосредоточил свое внимание на действиях 39-й советской армии, которая продолжала угрожать немецким коммуникациям.

В целях разгрома войск генерала Масленникова, 3 марта 1942 г. Модель отдал следующий приказ: «... Охваты-

вающим ударом уничтожить 39-ю советскую армию и восстановить связь между западным флангом 23 АК и г. Белый. Впоследствии главной задачей становится наступление на север из района 23 АК...»⁴⁶¹ Генерал-полковника Моделя беспокоила угроза снабжения оленинской группировки. Ему необходимо было прежде всего устранить ближайшую угрозу своим тылам, несмотря на то что советские силы были здесь уже сильно ослаблены.

Как уже отмечалось, весной 1942 г. немцам так и не удалось добиться окончательного уничтожения 39-й армии. Напротив, на западном фланге объединения Моделя вскоре были введены в бой свежие части Красной армии. И хотя советские войска не смогли здесь кардинально переломить ситуацию в свою пользу, они все же сильно потрепали 46-й и 56-й армейские корпуса вермахта. 9 марта 1942 г. штаб 9-й немецкой армии доносил командованию ГА «Центр»: «Улучшившееся снабжение 39-й русской армии живой силой и материальными средствами усилило сопротивление наступающим частям 46-го и 56-го АК...»⁴⁶² Замысел вытеснить армию генерала Масленникова на запад: за линию Белый—Оленино не был тогда осуществлен. В этих условиях наступление на север было связано с определенным риском, который мог стать оправданным только в случае поддержки удара со стороны 16-й армии ГА «Север». Но поскольку стало ясно, что войска Буша не сдвинуться с места, Модель не решался отдать приказ на начало «операции на "О"».

27 марта 1942 г. генерал Модель в телеграмме в штаб ГА «Центр» сообщил: «Складывающаяся в результате действий противника и погодных условий обстановка не позволила своевременно создать предпосылки для «наводки моста» (то есть окружения 3-й и 4-й советских ударных армий. — М.М.), чтобы с самого начала стремиться к большой цели. Отдавая себе отчет о грозящей ему опасности, противник в последние дни подтянул к северному и южному фронту подкрепления и новые танковые силы. Воздушной

разведкой установлено, что русские продолжают переброску сил в Старицу, Селижарово и в направлении Пено (как раз в горловину глубокого выступа советского фронта между ГА «Центр» и «Север». — М.М.). Вводя в бой почти все резервы, предназначенные для «наводки моста», — говорилось в документе, — пока удавалось отражать мощные атаки противника...». Наступление соединений 9-й армии (6-й, 46-й и 23-й армейские корпуса) с целью отбросить на север силы противника, находящиеся южнее р. Волга и н.п. Молодой Туд, намечалось на 31 марта 1942 г.⁴⁶³

Однако этот срок выдержан не был. Уже 1 апреля командование ГА «Центр» передало в штаб 9-й армии новое распоряжение генштаба ОКХ: «Операция на "О"» отменялась. В документе, посланном в армию Моделя, цитировался следующий приказ генерала Гальдера: «На основании донесений командующего 9-й армией и командующего ГА «Центр» о том, что наступление на «О» [Осташков] до начала распутицы уже невозможно, для группы армий устанавливаются следующие задачи:

1. Подготовить проведение наступления после окончания распутицы. Пока не ясно позволит ли развитие обстановки [на фронте] противника, особенно перед фронтом 3 ТА, и положение немецких сил осуществить наступление после периода распутицы... б) При любых обстоятельствах сохранить отсечение сил противника, находящихся в районе юго-восточнее и северо-восточнее Белый. По линии Белый, Духовщина и под Нелидово перерезать вражеские коммуникации, идущие на Торопец...»⁴⁶⁴ Таким образом, первоочередной задачей 9-й полевой и 3-й танковой армий становилось нанести максимально возможный ущерб снабжению советских войск, действующих на левом фланге ГА «Центр».

Анализ ситуации на советско-германском фронте в марте 1942 г. позволяет сделать вывод, что немецкое командование не смогло тогда провести крупной операции по окружению советских сил, продвинувшихся далеко впе-

ред на смежных флангах групп армий «Центр» и «Север». Надежда осуществить удар на север (на Осташков) еще некоторое время существовала в штабе 9-й армии. Но 15 апреля 1942 г. она была окончательно похоронена приказом фон Клюге № 2840, в котором, в частности, говорилось, что наступление на противника, действующего южнее Волги «предпринять лишь в том случае, если он будет вынужден отойти за Волгу...». Основные усилия в полосе 9-й армии должны были быть сконцентрированы на уничтожении 39-й советской армии⁴⁶⁵. Замысел огромной ловушки для ударных соединений Калининского фронта так и остался на бумаге. Немаловажную роль в этом сыграли меры советского военного руководства по взятию в кольцо демянской группировки ГА «Север» откуда первоначально намечался удар навстречу армии Моделя, а также переброска дополнительных сил Красной армии под Осташков и Селижарово.

Нельзя не отметить и действий 39-й советской армии генерала Масленникова, являвшейся постоянным источником угрозы для германских тылов. В дальнейшем против ее сил продолжались частные операции немецких соединений с целью улучшения их положения.

* * *

На других участках фронта ГА «Центр» в конце февраля — в марте 1942 г. бои также не затихали. В оперативном донесении штаба ГА «Центр» от 26 февраля 1942 г. говорилось о продолжении атак 263-й пехотной дивизии (4-й армии) в районе Юхнова с целью ликвидации прорыва на ее фронте, а также о возобновлении атак советских частей на участке 267-й пехотной дивизии (4-й танковой армии) северо-западнее Шанского завода, отражение которых стоило больших потерь боевому охранению дивизии из-за «сильного артиллерийского огня противника».

С целью устранения угрозы прорыва соединений Красной армии навстречу окруженным войскам 33-й ар-

мии в районе рек Угра и Воря, командованием ГА «Центр» была образована боевая группа «Тома», состоящая из 17-й, 255-й пехотных и 20-й танковой дивизий. Она должна была действовать на флангах 4-й полевой и 4-й танковой армий. С 27 февраля 1942 г. нажим советских частей на немецкую оборону севернее Юхнова (конкретно, на участок д. Мамуши — д. Березки) усилился. Возросли и потери сторон. Только за эти два дня, согласно оперсводкам генштаба ОКХ, советские войска потеряли здесь 12 танков, «среди них два 52-х тонных» (танк КВ. — М.М.).

Перед фронтом 2-й танковой армии, 28 февраля 1942 г., отмечалась значительная активизация частей РККА. Немецкое командование ожидало в скором времени продолжение атак в районе Сухиничей⁴⁶⁶.

2 марта 1942 г., после совещания представителей германского военного руководства в ставке фюрера, командованием ГА «Центр» были сделаны дополнения к ранее отданной директиве от 21 февраля 1942 г. Существенным моментом очередного приказа по ведению боевых действий после завершения зимнего периода стало твердое указание на отвод сил 4-й армии на позиции по р. Угра, начиная с 3 марта. Это разрешение означало сдачу немцами г. Юхнов, который до этого успешно ими оборонялся, несмотря на ожесточенные атаки советских 43-й и 49-й армий. Войскам германской 4-й танковой армии было приказано добиться полного уничтожения противника южнее и юго-западнее Вязьмы. Особо указывалось на то, чтобы все штабы изучили вопрос о возможных районах наступления советских войск и в период распутицы. В этих районах были предусмотрены срочные меры по укреплению немецких позиций⁴⁶⁷.

Пока не наступила распутица, соединения Западного и Калининского фронтов, получавшие новое пополнение, продолжали атаки против оборонительных порядков ГА «Центр», правда без особого успеха. В донесении оперативного отдела штаба группы фон Клюге от 11 марта 1942 г. отмечались ожесточенные столкновения с частями РККА в

районе Кирова и Сухиничей (2-я танковая армия); в районе деревень Русиново, Косая Гора, р. Угра (4-я армия); в районе Вязьмы и Дорогобужа (4-я танковая армия); в долине р. Береза (9-я армия)⁴⁶⁸.

20 марта 1942 г. штаб ГА «Центр» сообщил в генштаб ОКХ, что советские войска продолжают предпринимать сильные наступательные операции. На некоторых участках соединения Красной армии усилились в артиллерии и личном составе (в частности перед 9-м армейским корпусом). В целях уничтожения советских сил в районе Ельни и Дорогобужа (группа Белова, партизаны и десантники. — М.М.) была сформирована «группа Шенкендорф» во главе с генералом пехоты фон Шенкендорфом, подчиненная непосредственно штабу ГА «Центр». Ближайшей задачей группы являлось: «захват Дорогобужа, очищение местности в районе Ельни и установление надежной связи между Дорогобужем и Ельней...»; другими словами, — ликвидация частей Красной армии, действующих в немецком тылу⁴⁶⁹.

Несмотря на все старания командования Красной армии продолжить наступление своих сил на западном направлении весной 1942 г., столкнуть войска ГА «Центр» с их позиций было уже не так-то просто. Оборонительные позиции частей вермахта укреплялись с каждым днем. Фронты Жукова и Конева не располагали уже той ударной силой, которая была у них в начале общего наступления. Пополнение советских соединений (маршевые роты и батальоны) нередко бросалось сходу в бой и несло большие потери. За освобождение каждого населенного пункта приходилось платить дорогой ценой. Напротив, германские войска, опираясь на свою оборону, могли теперь не просто отбивать советские атаки, но и сами проводить контрудары. Естественно, эти удары были не достаточно мощными и не могли привести к крупному успеху, но, тем не менее, они изматывали соединения Красной армии, создавали предпосылки для уничтожения отдельных вклинившихся в немецкую оборону частей РККА. Отметим, что в тех условиях подоб-

ная тактика была наиболее эффективной; позднее немцы еще не раз применяли ее для противодействия советскому наступлению после крупного отхода своих войск. Немаловажным обстоятельством было и то, что немецкое командование добивалось этими ограниченными по масштабам ударами (или «частными наступательными операциями») захвата определенной территории, которую, как сейчас представляется, германские генералы планировали использовать двояко, — в зависимости от обстоятельств: либо для организации более выгодной обороны, либо для создания плацдарма будущего наступления.

После ликвидации советских прорывов под Ржевом и Вязьмой, отдельные соединения ГА «Центр» стали производить выдвижение своих сил вперед, как правило, на несколько десятков километров. Оно сопровождалось боевыми столкновениями с занявшими оборону частями Красной армии. Большое количество населенных пунктов было вновь оккупировано немцами. Успех сопутствовал им, в основном, на тех участках, где передовые советские подразделения еще не успели должным образом оборудовать надежные позиции.

Заслуживает внимания отчет, представленный штабом 6-й танковой дивизии командованию 9-й армии, от 3 марта 1942 г., озаглавленный как «Опыт постепенного выдвижения фронта охранения («черепашье наступление»)». Документ интересен как с точки зрения характера боевых действий на фронте ГА «Центр» в феврале-марте 1942 г., так и тактики германских частей в то время.

По немецким данным в конце февраля 1942 г., 6-я танковая дивизия вермахта вела бои северо-западнее Вязьмы с уже ослабленными частями двух советских кавалерийских дивизий (входящих в состав 11-го кавкорпуса Калининского фронта. — *М.М.*), с подразделениями лыжного батальона и отдельными группами парашютистов-десантников. В течение трех недель, с первой половины февраля до начала марта, германская дивизия медленно продвигалась вперед.

Для захвата какого-нибудь населенного пункта, который, по мнению командования 6-й танковой дивизии, можно было атаковать с минимальными потерями, предварительно производилась артиллерийская подготовка. Затем следовала атака пехотных подразделений. Как правило, атака превосходящими силами приводила к захвату населенного пункта. В отчете указывалось, что после взятия деревни «во фронте противника образовывалась брешь, через которую таким же образом занимались соседние пункты... Островки сопротивления оставались пока не уничтожались полностью, или перед противником не возникала угроза, что пути его отхода будут перерезаны...» Так образом, в частности, была занята деревня Ляда на участке 3-го батальона 314-го пехотного полка вермахта.

Германские части не стремились развивать наступление на большую глубину. Они пробивали брешь в советской обороне, но не продвигались слишком далеко. Оставлять за спиной неуничтоженные гарнизоны РККА теперь никто не решался. Логично будет предположить, что немцы опасались тогда возможности самим оказаться в окружении. Их противник на деле доказал, что способен на смелые действия в отрыве от основных сил фронта. Страх перед его непредсказуемостью среди генералов ГА «Центр» многократно усилился со времени начального этапа операции «Барбаросса».

В отчете 6-й танковой дивизии, в частности, указывалось на необходимость впредь иметь достаточные резервы перед атакой на любой населенный пункт. Даже при вступлении в кажущуюся незанятую деревню, нужно было вести огонь до тех пор, пока противник сам не откроет ответный и тем самым не обнаружит себя. Кроме того, подчеркивалось важность соблюдения крайней осторожности даже после того, как атака закончилась успехом, поскольку «противник может быстро контратаковать. Советские солдаты, притворяющиеся убитыми, могут начать стрельбу из укрытий... Противник часто отходит в поросшую ле-

сом и кустарником местность между населенными пунктами и неожиданно контратакует оттуда. Он быстро обнаруживает брешь в нашей обороне и умело использует ее для атаки лыжными частями... Только из-за собственной неосмотрительности и невнимательности в захваченных уже деревнях погибло около 30 немецких солдат...»

За три недели боев 6-я танковая дивизия продвинулась вперед на 15 км, и заняла около 100 населенных пунктов⁴⁷⁰.

* * *

Необходимо отметить, что на завершающем этапе Московской битвы значительно активизировались действия советских партизан. В настоящем исследовании нет возможности подробно останавливаться на этом важном вопросе, однако, стоит привести ряд примеров влияния партизан на положение ГА «Центр».

Российский историк В. А. Пережогин опубликовал недавно в своей книге «Партизаны в Московской битве» (М., 1996) некоторые документы германского командования, относящиеся к состоянию тыла ГА «Центр». Вот лишь некоторые выдержки из них: «1 февраля 1942 г. Сообщение 2-й танковой армии: Партизанами поврежден мост на дороге Брянск—Рославль в 30 км к северо-западу от Рославля...

7 февраля 1942 г. Штаб ГА «Центр» сообщает: ...Следует отметить, что в районе Трубчевска партизанами проводятся учения с применением артиллерии и тяжелого пехотного оружия...

4 марта 1942 г. Командование 4-й армии сообщает: Положение вокруг Ельни обостряется. Крупные части противника, оснащенные тяжелыми пехотными пушками, со всех сторон наступали на Ельню. Опасность захвата русскими Ельни вполне очевидна.

16 марта 1942 г. Командование 4-й армии сообщает: Партизанское движение в районе Дорогобуж — Днепр — Язвено — южнее Ельни — северо-западнее Спас-Демен-

ска привело к положению, аналогичному в тыловом районе 2-й танковой армии. Можно считать, что весь район, за исключением участка шоссе Балутино — Ельня — Спас-Деменск, контролируется партизанами.

4 апреля 1942 г. Начальник тылового района ГА «Центр» сообщает:

221 пд: заняты Плотки и еще два населенных пункта севернее Балутино. Захвачены трофеи тяжелого оружия.

10 тд: занят населенный пункт Шилово. В 1 км восточнее Ратчина (13 км юго-восточнее Кардымова) был отражен налет крупного подразделения партизан.

11 тд: занят населенный пункт 5 км восточнее Прость (17 км юго-восточнее Ярцево)... Всего за 3 и 4 апреля дивизия заняла 7 населенных пунктов и оттеснила партизан из района на 15—20 км юго-восточнее Ярцево...

Отмечен крупный партизанский отряд, оснащенный тяжелым оружием и 4 орудиями, в населенном пункте 37 км северо-западнее Бобруйска. Партизанами занят населенный пункт Бацевичи (26 км севернее Бобруйска) ...»⁴⁷¹

Приведенные документы свидетельствуют о том, что немцам приходилось выделять значительное количество пехотных и танковых соединений для боевых действий в своем тылу. Советские партизаны, которые часто действовали совместно с десантниками и регулярными частями РККА, отрезанными от основного фронта, не только наносили гитлеровцам большие потери в личном составе и технике, но и ставили под вопрос нормальное снабжение ГА «Центр». Нестабильность в тылу значительно ослабляла потенциальные возможности группы фон Клюге, деморализующее влияла на личный состав германских соединений.

Всего, за шесть с половиной месяцев напряженных боев под Москвой партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Тульской, Орловской и Курской (частично) областей истребили более 30 тыс. вражеских солдат и офицеров, подорвали 170 складов с вооружением, боеприпа-

сами и продовольствием, более 400 складов на путях сообщения противника, пустили под откос 40 вражеских эшелонов с живой силой и техникой⁴⁷².

* * *

В феврале-марте 1942 г. ситуация на фронте какого-либо соединения (будь то германского, или советского) могла быстро измениться. Бои носили хотя и локальный, но ожесточенный характер. Атаки частей Красной армии сменялись контратаками частей вермахта, и наоборот. Немцам пришлось осваивать новые методы ведения боевых действий как на фронте, так и в своем тылу. Главное, что необходимо отметить — ни одна из сторон не могла уже добиться решительного перевеса над противником. Наступление РККА выдохлось, а сил германских соединений хватало лишь на то, чтобы удерживать или улучшать свои позиции.

Во второй половине марта 1942 г. на отдельных участках фронта ГА «Центр» немецкие соединения все еще продолжали отходить. 22 марта командование группы доложило в генштаб ОКХ о плане отхода своих войск из болховского выступа и района юго-западнее Сухиничей. Начало отвода сил от Болхова планировалось на 23 марта, а от Сухиничей на 28 марта. Одновременно с этими мероприятиями планировалось проведение частной наступательной операции 4-й полевой и 2-й танковой армии в районе Кирова. Ее целью было окружить и уничтожить советские войска у этого города⁴⁷³. Эта операция была в последствии отменена в следствии начавшейся распутицы.

К началу апреля активность боевых действий на фронте группы фон Клюге значительно снизилась (в меньшей степени это относилось к борьбе против партизан в тылу ГА «Центр»). Сказывался недостаток боевой мощи и отсутствие резервов как у немецких, так и у советских войск. Сильные атаки на германскую оборону продолжались лишь в нескольких местах, в частности, у слияния рек

Угра и Воря (43-я советская армия). Но и здесь все попытки Красной армии пробиться на запад были пресечены. Начавшаяся в начале апреля распутица чрезвычайно затрудняла все передвижения войск и боевой техники. Уровень воды даже в небольших речушках поднялся очень сильно. Ширина разлива более крупных рек, таких как Угра, достигала нескольких километров.

В этих условиях противоборствующие стороны начали постепенно выводить свои соединения из боя, пополнять их личным составом. Германское верховное командование, исходя из создавшейся на Восточном фронте новой ситуации, издало 5 апреля 1942 г. очередную директиву № 41. В ней, в частности, указывалось: «...Зимняя операция в России приближается к концу. Благодаря выдающемуся мужеству и готовности идти на жертвы солдат Восточного фронта удалось достигнуть крупнейшего оборонительного успеха немецкого оружия...». В документе говорилось, что противник понес тяжелейшие потери и использовал в эту зиму все свои главные резервы «предназначавшиеся для других операций». Немецким войскам надлежало после окончания распутицы вновь захватить инициативу на фронте.

Обращает на себя внимание, выдвинутая германским командованием основная цель будущих операций вермахта на Востоке в новом году: «Необходимо окончательное уничтожение оставшейся еще в распоряжении Советов живой оборонительной силы и захват максимального количества важнейших военных центров...»⁴⁷⁴

Было, однако, ясно, что у командования сухопутных войск Германии, равно как и у командования ГА «Центр» не имелось в то время реального плана по возобновлению наступления на советскую столицу после окончания периода распутицы. Более того, как уже отмечалось выше, приказом по группе армий № 2840 от 15 апреля 1942 г. окончательно отменялась планировавшаяся ранее операция в полосе 9-й армии на Осташков⁴⁷⁵.

Все это свидетельствовало о слабости немецких соединений, только что закончивших тяжелейшие оборонительные бои под Москвой. В этих условиях верховное командование Германии не могло настаивать на продолжении в ближайшее время наступательных операций в направлении столицы. Генеральный штаб сухопутных войск также с осторожностью рассматривал предстоящее развитие событий западнее Москвы. Отметим, что начальник генштаба ОКХ генерал Ф. Гальдер оказался в то время в довольно щекотливой ситуации: всю вину за поражения зимой 1941/42 г. Гитлер возлагал на ОКХ, но предотвращение катастрофы вермахта приписывал исключительно себе. В этом отношении, неудача любой новой инициативы в полосе ГА «Центр» была связана для командования сухопутных войск с риском окончательно потерять доверие фюрера.

Говоря об отношении самого Гитлера к новому удару на Москву, следует отметить, что перед ним тогда в полный рост встали глобальные проблемы войны с коалицией могущественных держав, сокращения у третьего рейха пространства для политического маневра и необходимости овладения новыми ресурсами для продолжения кампании⁴⁷⁶. Можно с уверенностью утверждать, что фюрер не желал без твердой гарантии на успех осуществлять предприятие, которое вновь могло окончиться провалом. Если бы наступление на советскую столицу захлебнулось и в 1942 г., то вермахт, действительно, мог повторить судьбу наполеоновской армии. Очередная неудача ГА «Центр», в лучшем случае, снова отбросила бы ее под Ржев и Вязьму. Но остановить дальнейшее отступление немцев на западном направлении и удержать их позиции на других участках Восточного фронта было бы тогда практически невозможно. Германские вооруженные силы находились в зависимости от столь необходимого им сырья и продовольствия. Винить Гитлеру было бы уже некого — командующим сухопутными войсками был теперь именно он. Выбор в 1942 г. южного крыла фронта для наступления стал единствен-

но возможным вариантом, который мог решить проблему ресурсов для ведения войны и укрепить в войсках пошатнувшуюся надежду на победу. Что касается самой Москвы, то фюрер и его генералы рассчитывали наступлением на Кавказ отрезать ее от основных источников снабжения на юге, — после чего Красная армия не смогла бы, по их мнению, удержать не только столицу, но и весь свой фронт.

ЦЕНА ПОРАЖЕНИЯ ПОД МОСКВОЙ: ПОТЕРИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Вопросу о потерях сухопутной армии Германии, в том числе группы армий «Центр» в период битвы под Москвой уделялось достаточно много внимания как в зарубежной, так и в отечественной военно-исторической литературе. В книгах К. Рейнгардта, Б. Мюллера-Гиллебрандта, в «Военном дневнике» Ф. Гальдера, в труде «Германский рейх и Вторая мировая война» даются общие сведения о численности, потерях и пополнении вермахта в ходе боев на советско-германском фронте, включая период сражений у стен столицы. В настоящем исследовании не ставилась задача подвергать их критике, — это дело отдельной большой работы. Однако не менее важным является анализ (основанный на конкретных примерах) того влияния, которое потери и качество пополнения оказали на боеспособность германских частей, что в свою очередь позволит более обстоятельно рассмотреть вопрос о цене, которую пришлось заплатить немцам за попытку достижения главной цели кампании — Москвы.

Известно, что поражение зимой 1941/42 г. подорвало мощь вермахта, заставило его на длительное время перейти к стратегической обороне. Немецкие документы дают уникальную возможность не просто проиллюстрировать процесс ослабления германской армии, но и выяснить какие конкретные выводы после окончания боев зимой

1941/42 г. сделали для себя представители германского командования, а также насколько правы те исследователи, которые рассматривают битву под Москвой как начало коренного перелома в войне.

В ходе наступления на Москву, с октября до начала декабря 1941 г., войска ГА «Центр» потеряли более 145 тыс. чел.⁴⁷⁷ Ее ежемесячные потери за это время не сильно превысили средний показатель предыдущего периода (до 1 октября, по немецким данным, группа потеряла 229 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести)⁴⁷⁸. «Сражение на уничтожение» под Брянском и Вязьмой обошлось войскам фон Бока в 25 тыс. чел. Самые большие потери понесли здесь пехотные соединения (так 8-й армейский корпус лишился 4.077 солдат и офицеров убитыми и ранеными и пропавшими без вести)⁴⁷⁹.

Однако, пополнение группы армий оставалось крайне неудовлетворительным. Это напрямую сказалось на боеспособности германских частей, когда войска Красной армии перешли в контрнаступление. Потери ГА «Центр» за декабрь составили — 103.600 чел., при поступившем пополнении — 40.800 чел.; соотношение потерь и пополнения в последующие месяцы выглядит следующим образом: январь — 144 900 / 19 100; февраль — 108 700 / 69 700; март 79 700 / 50 800. Соответственно потери группы за четыре месяца составили 436,9 тыс. чел., причем невосполненная убыль солдат и офицеров достигла 256 500 чел.⁴⁸⁰

Германское командование теперь, как никогда прежде, вынуждено было заботиться об экономии своих резервов, думать — какими силами придется воевать позднее. Так 27 января 1942 г. начальник генштаба ОКХ Ф. Гальдер сообщил командованию ГА «Центр», что для восполнения некомплекта восточной армии в ближайшее время будет передано — 500 тыс. чел., но лица 1922 года рождения, находившиеся тогда на обучении, должны были быть направлены в качестве пополнения в действующую армию для операций, которые намечалось провести уже летом 1942 г.

Главное командование сухопутных войск также констатировало факт, что многие немцы, имевшие «бронь» обучались только в запасных частях. В течение нескольких последних лет они не проходили никакой подготовки⁴⁸¹.

Но пополнение для ГА «Центр» требовалось немедленно. Только санитарные потери группы с 1 декабря 1941 г. по 19 января 1942 г. составили 175 000 чел, тогда как прибыло в войска всего — 51 000 чел.⁴⁸²

В приложении к директиве генштаба ОКХ от 12 февраля 1942 г. непосредственно в ГА «Центр» уже до 15 февраля 1942 г. должно было быть направлено — 45 000 чел.; предусматривалось пополнение всех соединений восточной армии Германии до апреля 1942 г. в количестве — 260 тыс. чел.⁴⁸³

Действительно, с некоторым запозданием, группа армий получила свой минимум пополнения. За один месяц с 22 января по 22 февраля 1942 г. в ее войска прибыли по железной дороге и на автомашинах — 46 000 чел.; при этом во 2-ю армию было отправлено — 3.800 чел., во 2-ю танковую армию — 8.700 чел., в 4-ю армию — 7 850 чел., в 4-ю танковую армию — 13.150 чел., в 9-ю армию — 10.600 чел. и в резерв командования — 2 000 чел. Как мы видим, в первую очередь нуждались в пополнении 4-я танковая и 9-я полевая армии — как наиболее пострадавшие в предыдущих боях⁴⁸⁴.

Отметим, что хотя этот минимум пополнения поступил в ГА «Центр» уже после того, как ее войска начали выходить из кризиса, он пришелся как нельзя к месту. Немцам уже удалось сбить наступательный порыв частей РККА, и теперь требовалось закрепить достигнутый успех жесткой обороной и решительными контратаками. Естественно, германское командование прекрасно понимало, что с таким сравнительно небольшим количеством необстрелянных солдат оно не имеет шансов решительным образом исправить ситуацию западнее Москвы и вновь перейти в наступление. Полевым командирам вермахта приходилось прежде всего затыкать дырки в обороне своих соединений. Однако вой-

ска ГА «Центр» могли бы добиться гораздо больших успехов на некоторых участках, имея молодые военнослужащие надлежащую выучку, здоровье и боевой дух.

Потери в личном составе, количество и качество пополнения — стоят в ряду основных показателей силы и потенциальных возможностей любой армии. Отметим, что под Москвой потери вермахта в личном составе впервые достигли таких больших масштабов. Более того, германская армия лишилась не просто солдат, а опытных профессионалов — военнослужащих, спаянных двухлетними боями на полях Западной Европы и России. Замена им была неадекватной ни по численности, ни по морально-боевым качествам. Их выучка также оставляла желать лучшего. Если ранее армейский опыт новобранцы приобретали в длительных тренировках и учениях, а затем закалялись в успешных схватках с более слабым противником (как это было в 1939—1941 гг.), то теперь за воинскую науку немецким частям приходилось платить слишком дорогой ценой в жестокое противоборстве с советскими войсками. Чем дальше шла война, тем больше в германской армии становилось плохо обученных солдат, которые умели умирать, но не побеждать.

Что реально представляло из себя немецкое пополнение, говорят донесения полевых командиров ГА «Центр» в вышестоящие штабы.

Командир 19-й танковой дивизии 29 марта 1942 г. сообщал в штаб 20-го моторизованного корпуса: «...из 685 чел. рядового состава, прибывших в расположение дивизии, не проходили никакой подготовки — 16 чел.; строевой подготовки — 76 чел.; не учились боевой стрельбе — 105 чел.; не бросали ручных гранат — 94 чел.; жаловались на заболевания сердца, легких, астму 41 чел., плоскостопие — 135 чел., внутренние заболевания — 42 чел.». Командование дивизии делало заключение: «... Боевая способность пополнения низкая... большая часть его совер-

шенно не умеет обращаться с пулеметом... В поведении не хватает бодрости...»⁴⁸⁵

Командир 10-й моторизованной дивизии 31 марта 1942 г. доносил в штаб 40-го моторизованного корпуса, что из 1.092 чел. рядового состава, поступившего в дивизию, 284 чел. должны быть направлены в рабочие батальоны, т.к. не проходили боевой подготовки, а 228 чел. — жаловались на различные заболевания сердца, легких и т.п.⁴⁸⁶ Далее указывалось: «...Пополнение... не оправдало требований стоящих перед фронтовыми частями... части не могут заниматься подготовкой пополнения, т.к. у них нет для этого времени... Плохое пополнение пехотных подразделений должно рассматриваться как самая большая и самая первая опасность для них. Даже самый лучший полк должен отказаться от такого пополнения, так как численность старых кадров снизилась до минимума (в строевых ротах: 2 унтер-офицера и 9 солдат, в пулеметных: 5 унтер-офицеров и 18 рядовых) ...»

У командования 10-й моторизованной дивизии создавалось даже впечатление, что на фронт отправляются лишь те солдаты, на подготовку и здоровье которых махнули рукой и решили просто избавиться от них как от ненужного материала⁴⁸⁷.

Ситуация с некачественным пополнением рядового состава обострялась из-за больших потерь в офицерском составе. Только за период с 1 января 1942 г. по 31 января 1942 г. было убито, пропало без вести и ранено — 4 544 офицера группы⁴⁸⁸.

Тяжелое положение с офицерским составом сложилось, в частности, в войсках 4-й танковой армии. Ее 106-я пехотная дивизия потеряла с 1 декабря 1941 г. по 18 февраля 1942 г. — 125 офицеров; 15 пд — 132; 23 пд — 105. И это в то время, как прибыло во все три дивизии всего — 127 офицеров⁴⁸⁹. В других соединениях танковой армии положение было не лучше. 15 марта 1942 г. командование 4-й танковой армии доносило в штаб ГА «Центр», что «при те-

перешних тяжелых боях прибывающее пополнение далеко не покрывает общих потерь, тем более, что последние усугубляются потерями за счет больных...»⁴⁹⁰

Потери ГА «Центр» в вооружении и боевой технике также были чрезвычайно велики. 21 апреля 1942 г. Ф. Гальдер констатировал, что потери танковых войск в результате зимней кампании (с 1 октября 1941 г. по 15 марта 1942 г.) составили 2 340 танков. Поступило же в войска во втором полугодии 1941 г. 1 890 танков⁴⁹¹. Основные потери приходились, естественно, на войска ГА «Центр» в состав которой входило три танковых объединения из четырех. Большой урон был и в материальной части моторизованных соединений. Потери автомашин во много раз превосходили их поставку на фронт⁴⁹².

Точное количество танков, орудий, броне- и автомашин, мотоциклов, оставленных тогда немецкими частями на полях сражений, подсчитать зимой 1941/42 г. было достаточно трудно — часть была подбита, часть вышла из строя по дороге в тыл, часть была разобрана на запчасти в мастерских. Данные германских штабов не дают нам цельной картины потерь ГА «Центр» в боевых и транспортных средствах. Согласно советским документам («Сводным ведомостям о трофеях Красной Армии» за декабрь 1941 — март 1942 гг.) выходит, что только войска Западного и Калининского фронтов захватили за этот период 906 немецких танков⁴⁹³. Некоторые боевые машины остались неповрежденными и вскоре были использованы в наступлении Красной армии, в частности, против фронта 4-й немецкой армии в районе р. Угра. Кресты у танков были перекрашены на звезды. Примечательно также, что по советским источникам за декабрь 1941 — март 1942 г. войсками Западного и Калининского фронтов было уничтожено непосредственно в боях только — 258 немецких танков, то есть, в три раза меньше чем было захвачено в качестве трофеев⁴⁹⁴. Кроме того, только за январь 1942 г. западнее Моск-

вы немецкие войска оставили на поле боя: 1.168 орудий, 750 мотоциклов, 5.710 автомашин⁴⁹⁵.

Такие тяжелые потери в боевой технике немецкая армия также еще никогда не несла. Безусловно, они самым непосредственным образом сказались на снижении потенциальных возможностей ГА «Центр».

Трофейные документы подтверждают, что наиболее крупная группировка немецких армий на Восточном фронте — ГА «Центр» — весной 1942 г. не имела уже в своем составе дивизий способных участвовать в наступательных операциях большого масштаба. Выводы германских полевых командиров о боеспособности подчиненных им войск заставляли командование группы крепко задуматься возможно ли было вообще какое-либо продвижение на восток в 1942 г. 27 марта 1942 г., на основании отчетов командиров корпусов и дивизий, штабом ГА «Центр» была дана конкретная оценка состояния ее соединений. Отмечалось, к примеру, что 26-я пехотная дивизия могла выполнять лишь оборонительные задачи; 251-я пехотная дивизия — не могла выполнять наступательные задачи, поскольку имела большой некомплект личного состава (93 офицера, 918 унтер-офицеров, 5.553 рядовых); 206-я пехотная дивизия — могла стать боеспособной лишь в случае пополнения и длительного отдыха в тыловом районе; части 14-й моторизованной дивизии «настолько переутомлены, что опасность усталости и полного безразличия все возрастает...»; 102-я пехотная дивизия: «... в физическом отношении войска совершенно истощены. Явления усталости объясняются потерями лучших младших офицеров, недостаточным снабжением и плохой личной гигиеной. В настоящее время дивизия пригодна лишь для обороны...»⁴⁹⁶

Естественно, здесь приведена лишь небольшая часть информации о состоянии немецких дивизий на завершающем этапе битвы под Москвой. Добавим, что, согласно характеристике боеспособности германской армии, подготовленной к концу марта 1942 г. в генштабе ОКХ, на всем

Восточном фронте оставалось тогда всего восемь соединений «пригодных для выполнения любых боевых задач»⁴⁹⁷ Германскому верховному командованию стало ясно, что новое наступление могло развернуться в гораздо менее благоприятных для Германии условиях, и только в зоне боевых действий одной из трех групп армий⁴⁹⁸.

Как уже отмечалось, по ряду веских причин новое мощное наступление на Москву ГА «Центр» в 1942 г. было невозможно. Однако руководство вермахта не могло и значительно ослаблять объединение фон Клюге. На западном стратегическом направлении были расположены основные силы Красной армии, которые в будущем могли начать широкое наступление. Несмотря на то, что боеспособность ГА «Центр» была теперь намного меньшей, чем летом и осенью 1941 г., группа продолжала оставаться самой многочисленной на Восточном фронте, призванной выполнять теперь в основном оборонительные задачи. Известно, что немецкое командование рассчитывало сковать летом 1942 г. под Москвой как можно больше советских армий и попытаться задержать их переброску на другие участки фронта (отсюда и дезинформация о новом наступлении на столицу в 1942 г. — М.М.). В случае успеха вермахта на юге, советские войска под Москвой оказались бы отрезанными от топлива и продовольственных ресурсов. Их не надо было бы уничтожать, теряя на это силы и время. Отметим, что такие расчеты строились, как и прежде, на недооценке боевой силы Красной армии.

После битвы под Москвой войска ГА «Центр», оставаясь в обороне, «съедали» значительное количество германских резервов. Следствием нерешенности вопроса с захватом столицы стала невозможность для ОКВ решительного усиления других направлений советско-германского фронта. Летом 1942 г. в вермахте самым серьезным образом сказался недостаток личного состава, танков, артиллерии, другого вооружения, потерянного зимой 1941/42 г. Необходимо также подчеркнуть — в результате того, что

Москва и большая часть центрального региона европейской России оставались в советских руках, германскому командованию в 1942 г. (уже в период Сталинградской битвы) не удалось обеспечить надежного прикрытия левого фланга своей группы армий «Б», который все более растягивался по мере продвижения армии Паулюса к Волге. Руководство вермахта было вынуждено обеспечивать охранение своих флангов ненадежными румынскими и итальянскими соединениями. Чем все это закончилось хорошо известно — союзники Германии не смогли сдержать натиска перешедших в наступление 19 ноября 1942 г. советских частей. Не может быть сомнения, что победа Красной армии в Сталинградской битве теснейшим образом связана с разгромом вермахта под Москвой.

Вместе с тем очевидно и другое — ГА «Центр», обороняясь, сумела нанести значительный урон Красной армии. Так, только безвозвратные потери советских частей в ходе Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) составили более 272 тыс. чел.⁴⁹⁹ О высоких боевых качествах советского пополнения тогда также говорить не приходилось. В этой связи возникает вопрос — соответствовала ли цена, которую заплатила Красная армия за продвижение на запад в ходе общего наступления под Москвой тому результату, который был достигнут ее войсками к апрелю 1942 г., и стало ли поражение ГА «Центр» той катастрофой, которая означала начало коренного поворота в войне?

Германское командование оценивало весной 1942 г. обстановку довольно оптимистично. Успешные оборонительные бои ГА «Центр» в конце битвы за столицу вызвали у многих германских генералов иллюзию истребления основной наступательной мощи всей Красной армии. Так, генштаб ОКХ, 26 марта 1942 г., информировал штаб ГА «Центр», что, несмотря на сохраняющееся бесперебойное пополнение советских частей, материальное оснащение личного состава Красной армии остается тяжелым. Не хва-

тает самого необходимого снаряжения. Весеннее наступление РККА было сопряжено с большими потерями⁵⁰⁰.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и др. частей, формируемых для отправки на фронт. Огромные потери первых месяцев войны не давали возможности продлить их подготовку в тылу. Уже закаленные в боях соединения получали лишь самый короткий отдых. Все эти трудности Красной армии видели и в германских штабах. Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой — весной 1942 г. уже тогда дал возможность некоторым высокопоставленным офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода в самое ближайшее время к «стратегической обороне» на всем Восточном фронте⁵⁰¹. Суть ее такова: в ходе действий, сочетающих в себе позиционные бои, незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить вооруженные силы Советского Союза и заставить СССР заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. Основные оперативно-тактические приемы, которыми руководствовались германские генералы в начале «Барбароссы», должны были, по мнению Гитлера, получить летом 1942 г. второе дыхание, — теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. Фюрер был убежден, и заставлял верить в это представителей ОКХ, что новый молниеносный удар на Восточном фронте приведет к окончательному краху России.

Создается впечатление, что командование сухопутных войск Германии при разработке дальнейших планов принимало во внимание лишь те данные о противнике, которые вписывались в концепцию скорого краха СССР. Напротив, совершенно не учитывались объективные сведения о

силе Красной армии, — а они в то время у немцев имелись. Так, 26 марта 1942 г. генштаб ОКХ послал в штаб ГА «Центр» информационное сообщение, основанное на сводках Отдела по изучению иностранных армий Востока. В начале его говорилось о больших потерях вооруженных сил Советского Союза. Однако приведенные далее цифры раскрывали остающийся еще у СССР военный потенциал.

Отмечалось, что к весне 1942 г. Красная армия лишилась 4 млн чел. пленными, 4 млн ранеными и 1,5 млн убитыми; но советские вооруженные силы насчитывали еще в своих рядах 5,5 млн. чел, к которым скоро прибавятся еще 2 млн выздоравливающих раненых. В составе действующей армии находилось: 334 стрелковых дивизии, 109 стрелковых бригад, 58 кав. дивизий, 72 танковые бригады, всего — 4 830 000 чел. Далее отмечалось, что СССР располагает еще людскими ресурсами в 135 млн. чел и может призвать в армию — 20 млн чел., а без существенного снижения военного производства на фронт может быть в ближайшее время отправлено — 5 млн чел, включая выздоравливающих раненых. То есть, на фронт может быть отправлено пополнение, требуемое для укомплектования 400 дивизий⁵⁰².

В настоящем исследовании не стоит задача подвергать критике упомянутые немецкие данные того периода о советских потерях, хотя известно, что в отношении, например, пленных они были завышены более чем на 1,5 млн чел⁵⁰³. ОКХ позднее подсчитало, что к 20 декабря 1942 г. в германский плен с начала войны попало 3,35 млн солдат и офицеров Красной армии. Стоит, однако, подчеркнуть, что даже по приблизительным и неточным цифрам отдела по изучению иностранных армий Востока выходило, что Советский Союз располагал на то время значительно большими, чем у Германии людскими ресурсами. Представители ОКХ не могли не видеть, что если СССР удастся должным образом подготовить свои резервы, то Красная армия сможет в ближайшие месяцы ввести в бой крупные силы

на южном крыле Восточного фронта, причем, не ослабляя других его участков. Но немецкие генералы молчали.

Согласно имевшихся у генштаба ОКХ к концу битвы под Москвой сведений, сам вермахт также еще имел немалые резервы для продолжения активной борьбы. К весне 1942 г. в вооруженных силах Германии находилось 8,7 млн чел. Кроме того, был резерв в 5,1 млн человек, которые считались военнообязанными, но были освобождены от службы в связи с выполнением «важных для войны задач». Однако командованию сухопутных войск не приходилось рассчитывать на эти 5,1 млн, поскольку их призыв в армию означал ослабление экономики рейха. Следовательно, оставались лишь новобранцы. С февраля по апрель 1942 г. в германскую армию поступили призывники 1922 г. р., всего — 270 тыс. чел. В армию резерва для подготовки были направлены также призывники 1923 г. р. Еще 350 тыс. чел. запасников поступило в восточную армию с июля по сентябрь 1942 г. Тем не менее, ОКХ теперь приходилось с большим трудом изыскивать дополнительные силы. Широкое распространение получили такие явления, как замена на передовой солдат старших возрастов на более младших, а в штабах мужского персонала на женский⁵⁰⁴.

Несмотря на то, что весной 1942 г. верховным командованием вооруженных сил Германии было принято решение перенести направление основного удара на юг, для ОКХ и многих полевых командиров вермахта главной целью, по-прежнему оставалась Москва. Только после ее захвата можно было говорить о достижении победы в войне. В сознании большинства немецких солдат срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Фельдмаршал Паулюс, который, быть может, как никто другой понимал значение Сталинграда и гибели там его 6-й армии, тем не менее, свидетельствовал после войны: «... Весной 1942 г. главным направлением с оперативной точки зрения продолжало оставаться московское. Однако для

широкого наступления на Москву не было экономического базиса... Именно экономические цели заставили временно отказаться от наступления на Москву, хотя Москва оставалась, по-прежнему, главной оперативной целью...»⁵⁰⁵

Стремление к источникам сырья уводило германские войска от ключевого пункта кампании. Время, которое немцы тратили на продвижение к Сталинграду и Кавказу, по максимуму использовалось руководством Красной армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились свежие соединения. Чем больше части вермахта вязли в сражениях в донских степях и предгорьях Главного Кавказского хребта, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

Перед началом своего летнего 1942 года наступления на юге, германское командование решило подбросить руководству Красной армии дезинформацию о якобы готовящемся новом наступлении вермахта на Москву в конце июня 1942 г. (эта дезинформация известна под кодовым наименованием «план "Кремль"»). Немцы надеялись сковать советские силы перед фронтом ГА «Центр», не допустить их переброски на Юго-Западный и Южный фронты.

Вызывает сомнение, чтобы Ставка ВГК и лично Сталин когда-либо думали ослаблять свой фронт западнее Москвы. Слишком велик был риск, а немецкие войска стояли еще очень близко от столицы. Достоверно не известно, попала ли эта дезинформация Сталину на стол и, если да, то какова была в этом случае его реакция. Ясно одно, значительно изменить его планы она не могла. Просчет советского командования весной 1942 г., который привел к новым потерям и отступлению, состоял в общей недооценке германской армии, ее сил и возможностей, а не только в предположении, что немцы летом 1942 г. вновь попытаются ударить на Москву.

С другой стороны, разрабатывая планы кампании 1942 г. и запуская дезинформацию «Кремль», немецкое командование не учитывало в полной мере способность советских войск, находящихся на московском направлении (Западный и Калининские фронты) самим наносить сильные удары по врагу, проводить наступательные операции и препятствовать тем самым переброске германских соединений из ГА «Центр» под Сталинград и на Кавказ. Генералы вермахта никак не хотели признавать, что к лету 1942 г. по многим показателям армии противоборствующих сторон на Восточном фронте стали примерно равными по силе. В какой-то мере этому способствовали и не совсем удачные действия советских войск в ходе Ржевско-Вяземской операции, когда командование Красной армии преждевременно решило, что полный разгром Германии уже не за горами. Необходимы были время и новые тяжелые поражения, чтобы фундамент, который заложила победа под Москвой, стал ощутим и проявился в решительных победах советских войск над германской армией.

После войны, на допросе, проводимом советскими военными представителями, бывший начальник штаба ОКВ фельдмаршал В. Кейтель скажет: «В результате кампании 1941 г. стало ясно, что возникает момент известного равновесия сил между немецкими и советскими войсками. Русское контрнаступление, бывшее для верховного командования полностью неожиданным показало, что мы просчитались в оценке резервов Красной армии. Тем более было ясно, что Красная армия максимально использует зимнюю стабилизацию фронта для дальнейшего усиления пополнения и подготовки новых резервов. Молниеносно выиграть войну не удалось. Однако это ни в коем случае не отнимало у нас надежды новым наступлением достигнуть военной победы...»⁵⁰⁶

Если Кейтель еще рассчитывал на победу, то ряд других высокопоставленных руководителей рейха придерживались более скептической точки зрения на дальней-

ший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования⁵⁰⁷.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941/42 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», а генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России. Генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941—1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться». А адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе Второй мировой войны»⁵⁰⁸

Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руководстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта. Полевые командиры были удручены перестановками в руководстве и считали их ошибкой, которая ведет к потере инициативы в решении оперативных вопросов, а, следовательно, и к неизбежным поражениям. Более подробно вопрос об отношении германских солдат и офицеров к отставке своих военачальников будет рассмотрен в третьей главе настоящей книги.

Анализ состояния германской армии после битвы под Москвой, основанный на документах германской стороны, позволяет сделать вывод об отсутствии перспектив у мощнейшей группировки вермахта на Восточном фронте — ГА «Центр» — развернуть в 1942 г. новое наступление стратегического масштаба. Этот вывод, наряду с объективными оценками результатов зимних боев 1941/42 г. многими немецкими военачальниками, а также последующие события дают основания автору работы придерживаться той точки зрения, что победа Красной армии у стен столицы положила начало коренному перелому в войне на советско-германском фронте.

БИТВА ПОД МОСКВОЙ И ГЕРМАНСКИЙ СОЛДАТ

Боевой дух и дисциплина

Известно, что победа в войне достигается той армией, чье превосходство в силах становится в конце концов неоспоримым, чьи полководцы оказываются талантливей и решительней, а солдаты, вооруженные первоклассным оружием, не сомневаются в своем превосходстве над врагом. Морально-психологическое состояние войск, как показывает история войн, занимает особое место среди слагаемых победы. Скажем больше, в ключевые моменты сражений, на этапах перелома в ходе войны — именно моральный фактор определяет успех.

Тема морального состояния военнослужащих вермахта на Восточном фронте достаточно непростая. Более того, ее рассмотрение будет односторонним без сравнения морального потенциала армий противоборствующих сторон. Настоящий раздел является попыткой приблизиться к ответу на вопрос о том, в чем же советские воины превзошли немцев в годы войны, почему в критической ситуации ранее непобедимые солдаты германской армии не выдержали и отступили.

Сегодня в отечественных военно-исторических трудах можно встретить в основном обобщающие данные и заключения о кризисе дисциплины и морального состояния военнослужащих вермахта после поражений в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском, в ходе решающих операций Красной армии 1944—1945 гг. Но очень мало конкретного анализа боевого духа германских солдат на различных этапах боевых действий. Специального труда по этой проблеме нет. Требуется научного объяснения ожесточенное, порой фанатичное, сопротивление немецких войск

наступлению Красной армии, и, в то же время, неспособность личного состава германской армии достигнуть того уровня самоотверженности, который был присущ советским воинам, вставшим на защиту своего родного очага, а затем избавившим многие европейские народы от коричневой чумы.

Действительно, поражение Германии во Второй мировой войне было, прежде всего, поражением нацизма, крахом расистской и геополитических теорий завоевания «жизненного пространства». Тем более ошибочно представлять германского солдата бездумным винтиком в гигантской машине зла. Нацизм был опасен еще и тем, что в немецком народе он нашел благодатную почву. В германской армии он развился, не в последнюю очередь, из убеждений ее военнослужащих в необходимости расширить границы рейха, из традиций прусского милитаризма оставшихся со времен Фридриха Великого, Бисмарка, Мольтке и Вильгельма II. Укоренившаяся вера в свое превосходство объединяла многих немцев в борьбе за передел мира по гитлеровскому сценарию, — именно она заставляла их сражаться. С другой стороны, германские солдаты в окопах воспринимали официальные и неофициальные правила поведения в бою. Их морально-психологическое состояние зависело от качества боевой подготовки в тылу, питания и снабжения на передовой, благополучия их семей в Германии, взаимоотношения с сослуживцами и, конечно, от положения на фронте. Естественно, что в ходе боевых действий против Красной армии происходили определенные сдвиги в восприятии немцами своего противника, трансформировалось их отношение к населению, армии, культуре советского государства. Рассмотрим эти и другие вопросы морального состояния германских военнослужащих на основе их писем, дневников, документов командования вермахта о состоянии дисциплины в отдельных частях, а также выдержек из протоколов допросов немецких солдат в советском плену.

Известно, что в годы войны в советскую армейскую разведку попадали не только документы, но и письма военнослужащих вермахта. Часто они собирались на поле боя, — с уже погибших солдат. Первоначально эти письма обрабатывались в разведотделах частей и соединений советских фронтов. Из них извлекалась необходимая информация оперативного характера. Затем некоторая их часть поступала в Главное политическое управление РККА (7-е управление), где и делалась окончательная выборка материала, относящегося к состоянию немецких войск. Выдержки из этих писем сегодня представляют для нас большую историческую ценность. В них нередко отражены настроения, мысли, суждения солдат и офицеров вермахта.

Несомненный интерес представляют письма от родственников немецких военнослужащих на фронт. Читая их на передовой, германские солдаты не только узнавали о положении своих семей, но и получали хороший повод, чтобы задуматься о будущем Германии, о своем месте и роли на этой войне.

Некоторые письма германских солдат и офицеров, равно как и выдержки из протоколов их допросов в плену, включались сразу же после обработки в специальные Информационные бюллетени Главпура, предназначенные для служебного пользования.

Еще одним источником при написании данного раздела стали документы командования германской армии, в которых отложились донесения о моральном состоянии личного состава вермахта, справки и выводы представителей различных штабов, подготовленные после их поездок на фронт.

* * *

Что представлял из себя немецкий солдат к началу войны против Советского Союза? Не вызовет особых возражений следующая характеристика: в массе своей это был волевой, грамотный в военном отношении, хорошо воо-

руженный боец, имеющий опыт боевых действий и убежденный в своем превосходстве над противником.

Воспитание военнослужащих вермахта, укрепление их боевого духа было неразрывно связано с внедрением в их сознание нацистской идеологии. Ключевое значение в этом процессе имели несколько документов германского командования, разработанные еще до подписания плана «Барбаросса». Среди них — «Приложения» к докладу оберквартирмейстера генштаба ОКХ от 7 октября 1940 г. о принципах обучения войск. Они содержат основные указания о воспитании военнослужащих непосредственно в местах расквартирования частей. Рассмотрим эти документы более подробно:

Дополнительное приложение №1. «Основные указания по воспитанию политического мировоззрения»

Офицер (как правило командир подразделения) был обязан проводить с солдатами занятия по следующим темам:

Тема №1 «Немецкий народ»: Упор делался на сохранении чистоты арийской расы, создании многодетной семьи и ее здоровье. Особо указывалось на недопустимость наследственных болезней. Образ жизни и воспитание в семье должны были исключать появление в немецкой армии дезертиров

Тема №2 «Немецкое государство»: Подчеркивалось, что опорой государства служат нацистская партия и вооруженные силы. Обороноспособность здорового народа является главным условием военной мощи страны.

Тема №3 «Жизненное пространство»: Солдаты должны были осознать необходимость приобретения новых территорий как основу укрепления государства и его независимости от импорта товаров. Все оккупированные страны объявлялись «находящимися под защитой Рейха».

Тема №4 «Фронтное товарищество»: Офицеру нужно было разъяснить своим подчиненным из каких критериев состоит это понятие. Фундаментом взаимоотноше-

ний немецких военнослужащих объявлялся национал-социализм, идеи вождей партии, содержащиеся в нацистских учениях («Майн кампф» и др.). Военная служба была почетной во всех отношениях.

Несколько иначе докладчик из штаба соединения (теперь более высоко ранга) должен был выступать перед офицерами какой-либо части. Предусматривались следующие темы: о задачах партии, экономической политике, четырехлетнем плане, внешней политике, отношении к прессе и пропаганде⁵⁰⁹.

В Дополнительном приложении №2 содержались «Указания по идеологическому воспитанию и организации свободного времени». Офицерам необходимо было внушить солдатам веру в непобедимость германского оружия и презрение к врагам. Соответственно подбирались и темы для занятий: «Почему мы победили на Западе?»; «Немецкий солдат в оккупированных областях (солдат и население)»; «Италия наш союзник»; «Германия как арбитр на Балканах (только сильный обеспечивает мир)»; «Почему запрещено слушать заграничные радиопередачи?»; «Германия и колонии»; «Хозяйственные вопросы солдат на войне» и др.⁵¹⁰

В целом, немецкий солдат получал вполне определенный багаж знаний, который должен был стимулировать его действия как в тылу, так и на фронте.

До начала боевых действий против СССР германское командование не могло открыто вести пропаганду против советского народа и Красной армии. В частях поднимался боевой настрой солдат, их уверенность в превосходстве над любым противником. Однако сразу после 22 июня 1941 г. встал вопрос о более целенаправленном воздействии на морально-психологическое состояние германских войск.

Германская пропаганда заработала в полную силу. Среди личного состава немецких ударных частей широко распространялось большое количество листовок, брошюр, другой печатной продукции. Через две-три недели

после начала боевых действий в войсках ГА «Центр» появилась брошюра под названием «Почему мы начали войну со Сталиным». Она была богато снабжена цитатами из речей фюрера, объяснявшими нападение на Советский Союз, как превентивную меру, сорвавшую планы Красной армии по уничтожению Германии. Советская Россия обвинялась в сговоре с плутократами в Англии, в намерении захватить Балканы и т.п. Страницы брошюры буквально пестрели антисемитскими лозунгами и призывами к германским солдатам бороться со «злыми происками проеврейского сталинского правительства». Жизнь в СССР представлялась в виде череды одних бедствий. Констатировалась нищета населения, бесправное положение женщин, отсутствие культуры и образования в городе и деревне. Отдельно описывались зверства ОГПУ и НКВД по отношению к собственному народу. Немецкий солдат должен был уяснить следующие вещи: финскую войну Красная армия вела из рук вон плохо — потеряла массу убитых и пленных (публиковались фотографии с вмерзшими в снег трупами красноармейцев); первые же удары вермахта на Востоке привели к краху советской обороны и деморализации военнослужащих РККА (публиковались фотографии первых советских пленников, захваченных в приграничных сражениях); советские солдаты плохо обучены и экипированы, в расовом отношении стоят на низшей ступени. В подтверждении того, что войска вермахта осуществляют на Востоке «освободительную миссию» публиковались фотографии и описания радостных встреч германских солдат на территории Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии⁵¹¹.

Успехи первых недель войны против Советского Союза, казалось, не давали германскому командованию повода усомниться в высоком моральном потенциале военнослужащих вермахта. Однако ожесточенное сопротивление, которое немцы встретили под Смоленском, Киевом и Лугой, вызвало в германских войсках раздражение действиями противника, неудовлетворенность результатами

боев. Мирное население также не представлялось уже таким благожелательным и гостеприимным. Реакцией на сопротивление стали распоряжения, ужесточившие репрессии против советских людей.

Еще до нападения на Советский Союз, в марте 1941 г., Гитлер подписал директиву (более известную как «Указ о комиссарах»), согласно которой все попавшие в плен комиссары Красной армии должны были расстреливаться на месте. Более того, приказом «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”» от 13 мая 1941 г. предписывалось, чтобы преступления враждебно настроенных гражданских лиц не рассматривались, как обычно, военными судами. Все «подозрительные элементы» должны были расстреливаться без суда по приказу офицера⁵¹². Однако и этих приказов оказалось мало.

Уже после начала войны, в директиве № 33 от 23 июля 1941 г. ОКВ требовало от личного состава частей, предназначенных для охраны оккупированной территории, «подавлять сопротивление гражданского населения не методами юридического наказания преступников, а путем запугивания, чтобы отбить у него всякую охоту продолжать борьбу...» Подчеркивалось, что «командование должно применять самые драконовские меры...»⁵¹³

Известны также приказы двух командующих немецкими армиями — фон Рейхенау и фон Манштейна — о репрессиях против мирного советского населения, которые в октябре и ноябре 1941 г. были одобрены высшим германским командованием. Гитлер нашел их превосходными, а фон Браухич распорядился, чтобы приказ Манштейна, в котором тот, кроме всего прочего, призывал к уничтожению евреев, разослали по всем соединениям на Восточном фронте в качестве образца для составления аналогичных документов⁵¹⁴.

Нижестоящие офицеры действовали в том же духе. Так, командир 2-го батальона, 11-го пехотного полка, 9-й танковой дивизии некий Гутман подписал 23 июля 1941 г. пись-

менный приказ, в котором говорилось: «...Я еще раз объявляю, что каждый офицер вправе — по собственному усмотрению — приказать расстреливать советских военных, действующих против нас позади нашего фронта и занимающихся саботажем или шпионажем, равно как и гражданских лиц, подозреваемых в саботаже или шпионаже... Я не раз устанавливал, что офицеры батальона пытаются переложить ответственное решение на меня. Категорически запрещаю это»⁵¹⁵.

Такие приказы, безусловно, способствовали эскалации бесчеловечного насилия военнослужащих вермахта по отношению к советским людям, попранию всех известных норм и правил ведения войны. В немецких солдатах культивировались поистине звериные инстинкты.

Моральный облик немецких солдат после того, как они почувствовали на себе силу контрударов Красной армии, во многом определялся яростью к противнику, жадной уничтожения всех «антигерманских элементов». Более высокие потери германской армии в России по сравнению с кампанией на Западе воспринимались ее солдатами нередко в извращенной форме — как подтверждение дикости и коварности большевиков. Такое отношение к советским солдатам и гражданскому населению нашло отражение в письмах немецких военнослужащих с Восточного фронта. Вот лишь некоторые выдержки из писем простых солдат (фамилии не указаны. — *М.М.*): 10 июля 1941 г.: «Немецкий народ в неоплатном долгу перед фюрером, ибо если эти бестии, с которыми мы сейчас ведем борьбу, ворвались в Германию, то начались бы такие убийства, которых еще не видел мир»; 16 июля 1941 г.: «Все взятые нами в плен или арестованные комиссары и прочие лица расстреливаются на месте...»; 23 октября 1941 г.: «У тебя чересчур упрощенное представление об этой войне. Ты думаешь, мы пришли сюда только для несения оккупационной службы... Здесь идет речь о борьбе с бандитами и эксцессами малой войны. Так, вчера русский в штатском застре-

лил в соседнем местечке немецкого офицера. За это была сожжена целая деревня. В этом восточном походе дела обстоят совсем иначе, чем в западном»⁵¹⁶.

Немецкое командование сознательно обрекало тысячи советских пленных на неминуемую гибель. В лагерях проводились «селекции» по расовому признаку, людей морили голодом, заставляли выполнять непосильные работы. Многие военнопленные погибли на этапе, так и не дойдя до лагеря.

О судьбе захваченных красноармейцев представители германского офицерского корпуса начинали волноваться лишь тогда, когда обеспечение лагерей создавало определенные трудности снабжению собственных войск. Об этом красноречиво говорит выдержка из донесения штаба 9-й немецкой армии командованию ГА «Центр» от 22 ноября 1941 г.: «...Срочно предлагается обеспечить отправку приблизительно 8000 пленных по железной дороге из Ржева в Вязьму... Положение с продовольствием в лагере военнопленных катастрофическое... Все находящиеся в армейском районе военнопленные, не используемые на трудовом фронте, значительно усложняют положение со снабжением армии...»⁵¹⁷

Кровопролитные бои под Смоленском, замедление немецкого наступления на московском направлении в августе-сентябре 1941 г. заставляли германское командование искать причины своих неудач. Пожалуй, впервые оно стало задумываться о способности солдат вермахта выдержать противоборство с бойцами Красной армии, когда последние не деморализованы ошеломляющим натиском немецкого оружия. Отдел боевой подготовки генштаба ОКХ, получивший в августе задание изучить эффективность боевого применения германских частей, 22 сентября 1941 г. представил командованию сухопутных войск документ, озаглавленный как «Опыт похода на Восток». В нем, в частности, содержался анализ участия подразделений вермахта в ночных боях, которые в большинстве случаев оканчивались для них

неудачно. Отмечалось, что «в это время суток боевые действия распадаются... на отдельные схватки, в которых русские солдаты (примитивный продукт природы) превосходят немецких солдат. Немецкие солдаты лишь в незначительной мере могут в этих схватках использовать свое превосходство в численности и автоматическом оружии...»⁵¹⁸

Тем не менее, в первые два-три месяца войны моральное состояние германских военнослужащих оставалось, в целом, на довольно высоком уровне. В соединениях ГА «Центр» дискомфорт и падение боевого духа появлялись в периоды вынужденных задержек наступления, после тяжелых, не приносящих крупных побед боев. В Отчете о боевых действиях 3-й танковой группы с 12 июля по 10 августа 1941 г. в районе Смоленска говорилось: «...Большие потери, которые, однако, не превышали потерь на Западе, большая физическая нагрузка на войска из-за жары и пыли, душевное напряжение из-за пустынности и обширности страны, ожесточенное сопротивление противника, сознание того, что танковые войска должны вести бой почти одни, без поддержки остальных сухопутных сил, способствовали появлению у войск желаний пополниться и получить отдых на несколько дней...»⁵¹⁹ Но у военнослужащих группы не возникало пока сомнений в том, что война будет завершена еще в 1941 г.

Начиная с конца августа 1941 г., судя по письмам с фронта, настроения германских солдат стали меняться. Свое разочарование реальным положением дел на московском направлении высказал в письме на родину ефрейтор Макс Х. из 268-й пехотной дивизии 4-й армии ГА «Центр». 2 сентября 1941 г. он сообщил: «У нас наступили скверные времена и большие потери. Уже в течение пяти недель мы лежим на одном и том же месте и по нас все интенсивнее стреляет русская артиллерия. До Москвы еще 150 км... Полагаю, что мы уже понесли достаточно потерь. Нам также постоянно обещают, что возвратят домой, но все время впустую...»⁵²⁰

К началу октября 1941 г. командование ГА «Центр» сумело дать отдых некоторым своим частям. Личному составу группы фон Бока перед операцией «Тайфун» внушали уверенность в том, что предстоит последний штурм советской столицы, завершающий войну. Пополнение по-редевших подразделений, передача войскам фон Бока дополнительных танковых и пехотных дивизий возвращала германским военным служащим чувство своего полного превосходства над противником. Действительно, такое огромное количество сил и средств, которыми теперь обладала ГА «Центр» не могло не вызывать надежду на быстрый успех. У многих солдат и офицеров поднималось настроение при одном известии, что скоро возобновиться стремительное наступление. Является фактом германские военнослужащие пошли в бой 2 октября 1941 г. с большим воодушевлением. В Отчете о боевых действиях 8-го армейского корпуса в сражении под Вязьмой отмечалось: «...2 октября в 6 ч 00 мин 8-й корпус приступил к атаке. После длительного периода оборонительных боев войска испытывали несравненный подъем. После недолговременной артиллерийской подготовки, дивизии прорвали вражеские позиции в результате короткого ожесточенного боя...»⁵²¹

Наступление ГА «Центр» на Москву во второй половине октября 1941 г. не принесло ей решающего успеха. В войсках начали распространяться настроения неуверенности за исход кампании. К началу нового наступления на столицу командующие немецкими объединениями были вынуждены заботиться о сохранении, хоть в незначительной степени, того морально-психологического настроя, который был у солдат в начале операции «Тайфун».

9 ноября 1941 г. командование 9-й армии отдало следующий приказ: «...Даже если армия вынуждена будет всю зиму пробывать в обороне, то, учитывая ожидаемое весной возобновление наступления, нужно сделать все, чтобы поддержать в войсках прежний наступательный дух. Частые разведпоиски, высылка дозоров и проведение незна-

чительных наступательных операций с ограниченной целью по этой причине крайне необходимы. При всех обстоятельствах нужно не допустить того, чтобы войска впали в тупую зимнюю спячку...»⁵²²

Насчет «спячки» германские генералы беспокоились зря. Моральный потенциал военнослужащих вермахта подвергся вскоре несравненно большим испытаниям. В «особом донесении» командира 2-го батальона в штаб 481-го пехотного полка от 10 ноября 1941 г. говорилось: «... Настроение в подразделении весьма неважное, главным образом из-за того, что конца войны сейчас еще не предвидится. Настроение, по моему мнению, приближается к настроению немецких солдат в Первую мировую войну, конкретно в 1917—1918 гг. Они рассматривают потери и временами затруднительное положение вполне нормальным явлением и выполняют свои обязанности не прилагая особых усилий. Наступательный подъем появляется только в момент последнего прорыва, когда их охватывает бешенство; выжидание в обороне они считают в порядке вещей, так как опасаются изменения обстановки к худшему...» Командир 2-го батальона считал необходимым для восстановления боевого духа предоставить личному составу подразделения необходимый отдых⁵²³.

В приказе командующего 3-й танковой группой от 12 ноября 1941 г. констатировалось увеличение числа «окопавшихся» солдат, отлынивающих от боевой службы. «...С наступлением третьей военной зимы, — говорилось в документе, — дисциплина и настроение войск требуют усиленного внимания. В связи с затягиванием войны и, в особенности, зимовкой в России, войска подвергаются большим испытаниям. При тяжелых внешних обстоятельствах воодушевление и восторженность быстро проходят. Неудачи и поражения могут отрицательно сказаться на боеспособности войск. Вторая половина первой мировой войны должна быть для нас предостерегающим примером...»⁵²⁴

К середине ноября 1941 г. немецкая цензура, проверяющая солдатские письма на родину, обнаружила, что военнослужащие стали прикладывать к своим посланиям советские листовки, — явление экстраординарное для вермахта. «...Необходимо повторно разъяснить во всех воинских частях, — отмечалось в приказе командира 9-й танковой дивизии от 6 ноября 1941 г., — что солдаты, распространяющие или передающие явные материалы вражеской пропаганды во внеслужебном порядке подлежат наказанию»⁵²⁵. Однако такие случаи продолжались. Так, в дневнике погибшего унтер-офицера штабного взвода, 162-го пехотного полка, 61-й пехотной дивизии Гейнца Пушмана в ноябре 1941 г. была сделана следующая запись: «Сегодня русские самолеты засыпали нас листовками. Это уже не первый раз. Читали почти все, даже офицеры. Советские листовки помогают понять, что именно происходит. Меня всегда поражала способность комиссаров просто и ясно изложить самый сложный вопрос...»⁵²⁶ Необходимо отметить, что грамотное и творческое (но не шаблонное) ведение пропаганды на войска противника давало повод многим немецким солдатам задуматься о своей роли на этой войне.

Боевые действия во второй половине ноября, в первых числах декабря 1941 г. привели германское командование к осознанию того факта, что моральное состояние военнослужащих вермахта подвергается жестким испытаниям и приближается к своему кризису. Этому в немалой степени способствовало как положение на фронте, так и недостаточное снабжение немецких частей. Более того, войска ГА «Центр», ее личный состав и техника оказались неподготовленными к наступившим холодам. Возможные последствия всех этих явлений беспокоили не только командование группы, но и руководство сухопутных войск. В период со 2 по 6 декабря 1941 г. представитель генштаба ОКХ выяснял положение со снабжением и настроением личного состава 20-го и 57-го армейских корпусов. Его док-

лад о поездке в войска во многом отражает реальную картину морального состояния военнослужащих ГА «Центр» непосредственно перед началом советского контрнаступления.

Первое, что произвело впечатление на офицера генштаба, — это боязнь военнослужащих выразить свое мнение по поводу настроения войск: «Нет желания называть вещи своими именами... настроение нельзя назвать ни плохим, ни хорошим...» Офицер указывал, что «пропаганда [немецкая] повсеместно подвергается острой критике... она противоречит усилиям командиров, направленным на необходимую подготовку войск к ведению войны в трудных зимних условиях. Войска болезненно реагируют на вопросы о сроках завершения восточной кампании и возвращения домой... Пропагандистская работа среди солдат раньше велась лучше. Солдаты охотно читали фронтовые газеты. Теперь газеты слишком похожи на пропаганду, которая ведется в Германии. Солдат после боя меньше всего хочет слышать о войне... Фронтовые газеты часто используются там, где не хватает бумаги для других целей! ... В конце ноября они [фронтовые газеты] опубликовали большую передовую статью, в которой говорилось о полной деморализации русских, возрастающем числе их дезертиров и т.д. Эти газеты поступили в войска в тот момент, когда неудачно завершилось наше наступление...» (имелась в виду последняя попытка наступления ГА «Центр» в полосе 4-й армии 1—3 декабря 1941 г. — *М.М.*)

В докладе представителя генштаба ОКХ далее говорилось, что войскам не хватает самых необходимых продуктов питания. Мародерство и грабеж стали обычным явлением: «...Там, где теперь дислоцируются войска, больше не может быть речи о том, чтобы у крестьянина в хлеву была корова...» Указывалось на большое различие между боевыми качествами прежнего состава частей и пополнением. Молодые солдаты не выдерживали схваток и отступали, даже не израсходовав всех патронов⁵²⁷.

Начало советского контрнаступления под Москвой вызвало у большого числа военнослужащих ГА «Центр» панические настроения. Хорошо сведущие в истории немцы стали вспоминать о судьбе армии Наполеона. Многие солдаты и офицеры вермахта осознали, что рассчитывать на скорое завершение кампании теперь не приходится, а счастливое возвращение домой — под большим вопросом. В декабре 1941 г. они почувствовали, что противник способен не просто сопротивляться, но и с успехом уничтожать немецкие войска. Подобные мысли прозвучали в письме унтер-офицера Рихарда Ригера своим родителям в Вюртемберг: «...Теперь война приняла другие формы, и борьба с каждым днем делается все ожесточеннее. Сложилась такая условия, на которые никто не рассчитывал и которые нельзя сравнить с прежними...»⁵²⁸ «Судьба Наполеона и замерзших в 1812 году французских солдат», как утверждали в декабре 1941 г. германские пленные, угнетающе действовала на личный состав группы армий «Центр». Моральные силы немцев были до предела перенапряжены. Какое-то время осознать тот факт, что Германия не застрахована от поражения в войне с Советским Союзом им (как ни парадоксально), пока препятствовали непрекращающиеся атаки советских дивизий, смертельная опасность, нависшая над каждым военнослужащим. Шок от неожиданного русского наступления не давал возможности размышлять здраво. Однако есть все основания полагать, что паника, которая охватила тогда войска ГА «Центр» затронула самые основы морального духа немецких солдат, подорвала их веру в непобедимость германской армии. В декабре 1941 г. рядовой А. Фольтгеймер в письме своей жене жаловался: «Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань мне писать о шелке и резиновых ботиках, которые я обещал тебе привезти из Москвы. Пойми — я погибаю, я умру, я это чувствую...»⁵²⁹

Стойкость, дисциплинированность, умение наступать и держаться в обороне отличали немецкого солдата в 1939—1941 гг. Германские генералы верили в своих подчиненных. Но условия, при которых проходило отступление от Москвы в декабре 1941 г., заставило их пересмотреть свои прежние оценки морального потенциала вермахта. Гитлеровское руководство понимало, что обычными мерами восстановить положение невозможно. По мнению фюрера, судьба всей войны зависела теперь от того — удастся или нет выдержать натиск Красной армии. В войска поступила известная директива «держаться», запрещающая дальнейший отход. Принимались самые строгие меры к трусам и паникерам.

Зимой 1941/42 г. частям вермахта приказывалось уничтожать все населенные пункты, оставляемые русским. Создание «мертвой зоны» на пути отхода немецких войск было ответной реакцией на неспособность добиться военной победы на фронте под Москвой. По мнению германского командования, жестокость по отношению к гражданскому населению должна была способствовать восстановлению боевого духа военнослужащих. Подобные бесчеловечные распоряжения находили одобрение не только у личного состава эсэсовских команд, но и у солдат сухопутных войск. Немцы выполняли их с присущей им педантичностью, не задумываясь о том, на что они обрекают русских людей своими действиями. Своеобразная гордость за свой «профессионализм» сквозит в письме сапера Карла К. своим родителям от 23 декабря 1941 г.: «...Мы отошли уже на несколько километров назад. Но все время в нас нуждаются то здесь, то там. Все оставляемые нами деревни сжигаются, все в них уничтожается, чтобы вторгающиеся русские не имели возможности разместиться. Не оставляем после себя ни гвоздика. Эта разрушительная работа — дело наше, саперов...»⁵³⁰

Но педантичности в исполнении самых жестоких приказов германскому командованию было мало. Моральное

состояние военнослужащих ГА «Центр» продолжало катастрофически падать. Генералам вермахта необходимо было усилить в сознании своих солдат образ «кровавого и безжалостного» противника, который не «оставляет в живых раненых» и «расстреливает пленных» немцев. В конце декабря в войска ГА «Центр» поступил документ, который следовало довести до каждой части. Это был приказ фельдмаршала В. Рейхенау (с декабря 1941 г. командующий ГА «Юг»), который Гитлер одобрил и распорядился распространить на всем Восточном фронте. Фюрер увидел в нем нужные слова, воздействующие, прежде всего, на психологию военнослужащих: «В годовщину большевистской революции Сталин отдал приказ убивать на русской земле каждого немца. Таким образом была объявлена война на полное уничтожение... В официальных русских документах проступает кровавость озверелого русского командования.

Немецкие солдаты!

Вы уже достаточно хорошо поняли, что русские солдаты являются безвольным инструментом в руках их комиссаров. Они готовы на любую подлость. Я обязан сообщить вам эти факты, чтобы вы точно знали, что можно ожидать от красных бестий...»⁵³¹

Оставим в стороне качество и количество «эпитетов» германского фельдмаршала, которыми он «наградил» советских бойцов. Неудачи на фронте явно поколебали поддержку представителей элиты немецкого офицерского корпуса. Важно другое — подобные приказы призваны были уничтожить в головах военнослужащих всякую мысль о возможности компромисса в войне. Германский солдат должен был руководствоваться в бою ненавистью к врагу и страхом пленения. Мораль в этой борьбе одна — сражаться до конца и если придется умереть, то продать свою жизнь как можно дороже. Зимой 1941/42 г., по мнению известного американского историка Омера Бартова, Гитлер выдвинул концепцию войны, которую принято на-

зывать «или все, или ничего». Солдат мог теперь либо умереть, либо победить в войне с Советским Союзом, третьего ему было не дано.

Надо сказать, что подобные приказы возымели свое действие. Многие германские солдаты сопротивлялись под Москвой (да и в последующих сражениях) с таким упорством именно из-за страха быть расстрелянными в советском плену. Так, согласно показаниям на допросе рядового 1-й роты, 553-го пехотного полка, 329-й пехотной дивизии Вальтера Г., захваченного в плен на Калининском фронте уже летом 1942 г. следовало, что немецкие солдаты «в плен не сдаются, так как боятся расстрела». Далее он рассказал следующее: «В то, что русские расстреливают пленных, верят очень многие. Об этом часто говорят офицеры и пишут все газеты. При сдаче в плен теряется всякая надежда на возвращение обратно к себе на родину. А это для каждого очень дорого. Я и теперь уверен, что меня расстреляют. Германии мне больше не видать...»⁵³²

В начале января 1942 г. наступление советских фронтов под Москвой продолжало успешно развиваться. Командирам немецких частей все труднее удавалось удерживать своих солдат на позициях и поднимать их в контратаку. Боевые неудачи, высокие потери, суровая погода — все это пагубно воздействовало на настроения военнослужащих. Штаб 9-й армии 17 января 1942 г. передал в штаб ГА «Центр» донесение командующего 3-й танковой группой о боевом и численном составе 6-й танковой дивизии, в котором специальным разделом были представлены сведения о моральном состоянии войск. Там, в частности, отмечалось: «В результате непрерывных тяжелых боев, холодов и неслыханного напряжения солдаты настолько измотаны, что все чаще офицеры оружием заставляют их подняться в атаку. Необходимость сразу по прибытии подвергать необученное пополнение всем трудностям, вызванным боевой обстановкой и погодными условиями, неизбежно вызывает паническое настроение. Офицеры напрягают все свои

силы, но большая их часть уже выбыла из строя. Становятся все более частыми физические и нервные срывы...»⁵³³

В это время служба безопасности СС, по свидетельству отечественного историка А. Якушевского, констатировала широкое распространение в самой Германии, среди жителей городов и деревень, сведений из писем солдат Восточного фронта, в которых рассказывалось об их тяжелом положении. Цитировались следующие строчки из разных посланий: «Я являюсь последним из старого состава нашей воинской части, все остальные убиты или ранены»; «Из моей роты в живых осталось только 15 человек»; «У меня только одно желание — возвратиться живым из этого пекла». Во многих письмах содержались жалобы на недостаток зимнего обмундирования. Некоторые просили прислать на фронт что-нибудь из продовольствия⁵³⁴.

Показательно, что зимой 1941/42 г. многие немецкие солдаты при описании боевых действий использовали в своих посланиях термины: «пекло», «адский котел» и т.п. Вполне вероятно, что советское контрнаступление отождествлялось в их сознании с «божьей карой» за уже совершенные вермахтом преступления на советской земле. Солдат Алоис Пфушер (п/п 11706 в) писал с Восточного фронта 25 февраля 1942 г. своим родителям в Баден: «...Мы находимся в адском котле, и кто выберется отсюда с целыми костями, будет благодарить бога. Многие из наших товарищей убиты или ранены. Борьба идет до последней капли крови. Мы встречали женщин, стреляющих из пулемета, они не сдавались, и мы их расстреливали... Ни за что на свете не хотел бы я провести еще одну зиму в России...»⁵³⁵ (см.: Приложение, док. № 17).

Не менее выразительно написал о ситуации на фронте обер-фельдфебель Р. Мелиг (п/п 07056с) своей знакомой Элизе Грюгнер в Карлсбад 22 февраля 1942 г.: «...Можешь мне поверить, что здесь нет ничего хорошего. Ужасно! Я не могу тебе писать обо всем подробно. То, что нам за последние 14 дней пришлось пережить, — неопишимо. Если бы

нам удалось выдержать еще недель восемь! Ну, будь что будет — с божьей помощью...»⁵³⁶

В сознании одних немцев боевые действия вызывали религиозно-мистические чувства, у других — банальную картину бойни; многое, естественно, зависело от образования и воспитания военнослужащего как в школе, так и в семье. Ефрейтор Якоб Штадлер (п/п 19226) описал 28 февраля 1942 г. некой Мине Лен из Цигельгаузена свои впечатления от Восточного фронта: «...Здесь, в России, страшная война, не знаешь, где находится фронт: стреляют со всех четырех сторон. “Старики” уже сыты по горло этой проклятой Россией. Убитых и раненых больше чем достаточно... В дороге я чуть не заболел и должен был отправиться в лазарет... лазарет напоминает бойню...»⁵³⁷

Во многих письмах немецких военнослужащих с фронта в начале 1942 г. прослеживается чувство усталости от войны. Солдаты жаждали избавления от выпавших на их долю лишений. Основным вопросом для них стал «когда же все это кончится?». До февраля 1942 г. перспектив скорого прекращения творящегося кошмара, казалось, не было видно. Однако ближе к концу последнего месяца зимы 1942 г. появилась надежда. Напор советских частей теперь уже не представлялся столь сокрушающим. Силы Красной армии были на исходе. Начался постепенный переход к позиционным формам боевых действий. Соответственно в письмах немецких военнослужащих на родину стали проглядывать более оптимистические нотки. В них уже не чувствовалось паники и обреченности. Обер-лейтенант Коте (п/п 20224) написал своей жене Бетти Коте в Бестдорф 28 февраля 1942 г. следующие строчки: «...Только что пробудился от давно заслуженного сна. Пора было, наконец, дать глазам хоть немного отдохнуть... К сожалению, город Белев (находился в полосе обороны 2-й танковой армии. — М.М.) не имеет уже почти ни одной крыши. Но и из развалин мы ухитряемся строить себе укрытия... Вот придет весна, и тогда поля сражений будут за нами. Сейчас у

нас непрерывные переходы от атак к обороне, но постепенно противник слабеет, а мы делаемся сильнее, т.к. постепенно прибывают наши тяжелые орудия...»⁵³⁸

К началу марта 1942 г. гитлеровское руководство уже вовсю развернуло пропаганду нового «весеннего решительного наступления» против Красной армии, стараясь внушить немцам уверенность в конечном благоприятном исходе войны. 6 марта 1942 г. ефрейтор Вагнер (п/п 33041) сообщил своей жене Доротее Вагнер в Берлин: «...Мы страстно ждем весеннего наступления, которое должно принести нам избавление...»⁵³⁹ Из неоконченного письма другого солдата жене Гильде от 13 марта 1942 г. можно понять, что в полосе обороны его соединения к тому времени активные боевые действия закончились: «...Сейчас наступила маленькая передышка и, может быть, наступит поворот в общем ходе войны...»⁵⁴⁰

Первой реакцией немецких военнослужащих на прекращение отступления вермахта было желание быстро исправить (уже весной-летом 1942 г.) последствия своих неудач под Москвой. Сами того не представляя, германские солдаты были гораздо более подавлены фактом поражения у стен советской столицы. Отступление и связанная с ним паника в войсках имели куда более серьезные последствия. Весной 1942 г. в сознании многих военнослужащих вермахта возникает и укрепляется мысль, что на Восточном фронте каждый должен выживать самостоятельно. В ходе битвы под Москвой немецким солдатам часто приходилось спасаться бегством и думать только о спасении своей собственной жизни. Типичным тому примером является письмо ефрейтора Иоганнеса Михеля своей сестре от 22 февраля 1942 г.: «... Отступление не прошло для нас бесследно — кто отморозил ноги, кто нос, всякое было. Питание стало безобразно скудным. Нужно самому себе помогать, иначе плохо кончишь. Но вы обо мне не беспокойтесь, уж как-нибудь мы пробьемся... Может быть, это скоро

кончится, и мы вернемся здоровыми домой... Нам это все так надоело...»⁵⁴¹

В ходе отступления менялся в худшую сторону внутренний климат и взаимоотношения между солдатами непосредственно в боевых частях. Возрос процент казавшихся ранее недостойных военнослужащих вермахта проступков. Подтверждением этому служат выдержки из записной книжки погибшего немецкого офицера (фамилия неизвестна), где приводятся темы бесед с личным составом его подразделения относительно искоренения имеющихся правонарушений. Часть, в которой служил офицер, располагалась до осени 1941 г. во Франции, а затем была переброшена в Россию. И если до ноября 1941 г. беседы велись, в основном, о количестве отправляемых на родину посылок, то уже в январе 1942 г., на Восточном фронте, темы резко изменились. Появились такие разделы, как «Кражи у товарищей», «Грабежи», «Драки» — явления, ранее несвойственные германской армии. Однако на Восточном фронте они стали проявляться во все возрастающих масштабах. Ухудшение внутреннего климата во многих подразделениях стало одной из составляющих снижения морального потенциала германской армии зимой 1941/42 г.⁵⁴² (см.: Приложение, док. № 18).

* * *

Весной 1942 г., вместе с прекращением отступления, повысилось и настроение германских военнослужащих. Однако переход к позиционным формам ведения боевых действий добавил новые элементы к характеристике морального потенциала немецких солдат. Теперь на их состояние стали оказывать влияние не только кошмар боевых действий и связанные с этим явления, но и сами итоги сражений у стен советской столицы.

В ходе битвы под Москвой стала иной не только обстановка на советско-германском фронте. Произошли также значительные изменения на международной арене и в

военной экономике рейха. Солдаты и офицеры в боевых частях стали все чаще задумываться, что же на самом деле случилось с германской армией, в чем причина ее поражений, способен ли Гитлер с его политикой привести Германию к победе.

МОРАЛЬНЫЙ НАДЛОМ ВЕРМАХТА

Разгром немецких войск зимой 1941/42 г. и его последствия положили начало необратимым изменениям в ходе Великой Отечественной войны. Это в первую очередь объясняется военными, экономическими и политическими итогами битвы под Москвой, а также теми изменениями, которые произошли в ее ходе на международной арене. Все эти факторы, каждый в отдельности и взятые вместе, отрицательно воздействовали на моральный потенциал вермахта. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Военные последствия поражения вермахта под Москвой — главные.

В битве под Москвой сильнейшая группировка противника, ГА «Центр», была настолько обескровлена, что уже не смогла в полной мере восстановить свою мощь. Выше уже говорилось о потерях группы убитыми ранеными и пропавшими без вести. Значительным было количество больных и обмороженных военнослужащих и тех, которых пришлось госпитализировать в результате нервного срыва. Так, в течение первых трех месяцев 1942 г. только в одной 18-й пехотной дивизии вермахта 5 000 солдат (или почти одна треть этого соединения), были направлены в тыл в результате различных заболеваний⁵⁴³.

При стабилизации линии фронта потери германской армии сократились. Если в марте 1942 г. сухопутные войска потеряли 45 123 чел. (только убитыми и пропавшими без вести), то в апреле 27 021 чел. Сыграла свою роль и распутица, влиявшая на интенсивность боевых действий.

Однако предотвратить последствия тяжелых поражений зимы 1941/42 г. командование вермахта уже не могло: германские войска продолжали испытывать нехватку личного состава (пополнение не покрывало всех потерь). Процент выбывших из строя немецких военнослужащих в апреле 1942 г. был соразмерен потерям вермахта в решающий период западной кампании (например, в июне 1940 г. немцы потеряли 26 871 чел. погибшими и пропавшими без вести)⁵⁴⁴. Но теперь, весной 1942 г., германская армия уже не продвигалась вперед. Немецкие войска стремились удерживать занимаемые рубежи и лишь при благоприятной возможности улучшали свои позиции.

По мнению некоторых полевых командиров вермахта, условия борьбы на Восточном фронте после завершения зимы 1941/42 г., некомплект личного состава германских соединений на московском и других направлениях могли вообще привести к потере способности сухопутных войск вести широкое наступление. Особую тревогу командования вызывал факт гибели в ходе позиционных боев весной 1942 г. значительного числа опытных солдат и офицеров, которые являлись костяком германской армии и получили хорошую закалку в предыдущих боях.

Командир 7-й пехотной дивизии 4-й армии в частном послании своему другу офицеру Геррелейну сообщал следующее: «В условиях нынешней позиционной войны все сражения стоят пехоте несоизмеримо много крови. Даже при хорошо подготовленных операциях потери редко бывают меньше 25%. Не являются также редкостью потери в 50 и более процентов в личном составе...

С течением времени при таком положении дух пехоты, твердо переносившей все испытания, может быть поколеблен...

В указанных боевых потерях я вижу решительную опасность для продолжения войны и, главным образом, для нации. Наш народ не обладает жизнеспособностью русского...»⁵⁴⁵ (см.: Приложение, док. № 19).

Большое влияние на моральное состояние немецких солдат оказывали тяжелые потери в боевой технике и вооружении. Так, за период с июня 1941 г. по март 1942 г. сухопутные войска вермахта потеряли 3 785 танков (кроме штурмовых орудий и бронемашин), тогда как произведено было за то же время всего 3 649 танков⁵⁴⁶. Отсутствие надлежащей поддержки со стороны подвижных соединений отрицательно сказывалось на поведении военнослужащих в бою, зачастую вызывало у них панику. Командующий ГА «Центр» фон Клюге зимой 1941 г. отмечал, что «как только появляются русские танки, наши войска сразу обращаются в бегство». В дальнейшем положение мало изменилось, поскольку ГА «Центр» получала минимальное количество новых танков и, кроме того, они по своим техническим характеристикам оставались пока хуже советских аналогов. Например, 18-я танковая дивизия после окончания зимних сражений 1941/42 г. насчитывала в своем составе всего 20 танков (в основном Т-II и Т-III); она испытывала недостаток орудий и автомашин. Дивизия надолго потеряла свою былую мобильность⁵⁴⁷.

Следствием тяжелых потерь вермахта в битве под Москвой явилась недостаточная подготовленность нового пополнения к боевым действиям. В войска прибывали солдаты, которые прошли лишь ускоренный курс обучения. Их морально-психологическое состояние не отвечало требованиям обстановки на Восточном фронте. 18 марта 1942 г. командир 10-й моторизованной дивизии сообщил в штаб 20-го корпуса свои наблюдения на этот счет: «...При первом огневом налете новое пополнение бросилось в снег, зарылось в него с головой и было не способно к ведению боя. Когда же офицеры старались воодушевить их, то солдаты притворялись убитыми. Когда началась русская танковая атака, то солдаты повскакивали и обратились в бегство. Во время другого боя новое пополнение при первом налете принялось из-за укрытия бессмысленно стрелять в воздух...»⁵⁴⁸

Отметим еще один момент, повлиявший на состояние германских военнослужащих весной 1942 г. Отпуска на родину теперь стали редкими, в то время как дополнительные обязанности, в том числе по несению караульной службы, заметно возросли. У молодого пополнения это вызвало гнетущее впечатление, а у опытных солдат, воевавших не первый год, — раздражение.

Довольно подробно свои переживания на этот счет передал ефрейтор саперного взвода, 365-го пехотного полка, 211-й пехотной дивизии (инициалы ефрейтора — Э.З.), захваченный в советский плен летом 1942 г. На допросе он показал: «...Подавляющее большинство солдат хочет конца войны и возвращения домой к семьям... Отпуска, смена, возвращение на родину остались лишь добрыми пожеланиями и мечтами... Обещали свежее пополнение — оно до сих пор не пришло. В качестве пополнения прибывают солдаты, перенесшие уже одно, а то и два ранения на Восточном фронте. Большинство из них еще не оправились и прибыли с полузалеченными ранами... Многие солдаты ходят с повязками на голове, шее, руках, ногах и т.п. В госпиталях их досрочно признали “вылечившимися” и снова послали на фронт. Так выглядит наш “эрзац”. Взводом командует обер-фельдфебель Росс. Солдаты его недолюбливают за то, что он вечно кричит на них и хочет их заставить на передовой линии ходить в струнку, как на плацу в мирное время. Я и мои товарищи, особенно те, которые уже третий и четвертый год служат в армии, прямо отвечают Россу, когда он хочет заставить нас бегать как мальчиков: “у нас много времени до конца войны, поэтому спешить некуда”. Росс за мои ответы постоянно отправлял меня в те подразделения, которые расположены в самых передних блиндажах...»⁵⁴⁹

Еще один военнослужащий вермахта, ефрейтор Д. из 524-го пехотного полка, 197-й пехотной дивизии, по происхождению австриец, был захвачен в плен в начале лета 1942 г. Во время допроса он рассказал о настроениях в его

части: «...Настроение солдат нельзя считать плохим, но его нельзя назвать и хорошим, особенно у старых солдат, которые на Восточном фронте воюют уже второй год, да и, кроме того, их осталось очень мало. Я потерял всех своих старых товарищей. Новое пополнение — это совершенно не то, что кадровые части. Они плохо обучены, в боях боязливы... Дисциплина уже не та, которая была с начала войны. У нас имеются много случаев дезертирства. Не так давно один солдат нашего полка бежал с поля боя во второй эшелон, он осужден к трем годам тюремного заключения. Имелись также случаи, когда солдаты исчезали из части, после их находили дома у своих родных или переодевшись в глубоком тылу. Этим людей расстреливают даже без суда...»⁵⁵⁰

Дезертирство приобретало значительные масштабы. Имели место и случаи перехода на сторону противника. Весной 1942 г. дезертирство стало едва ли не обычным явлением для вермахта — в том числе и для ГА «Центр».

В документах ГА «Центр» все чаще встречаются приказы о расстрелах и других наказаниях германских солдат, призванные поддержать дисциплину личного состава. Приведем выдержку из приказа командования 2-й танковой армии от 28 мая 1942 г. № 31: «В начале апреля один солдат ушел из части, чтобы уклониться от службы в армии и перебежать на сторону противника. Для этого он воспользовался помощью 17-летнего русского парня, который должен был показать ему безопасный путь к противнику. За дезертирство солдат был приговорен к расстрелу...»⁵⁵¹

С целью преодоления кризиса на фронте и повышения дисциплины войск германское командование предприняло чрезвычайные меры. Были созданы штрафные роты и батальоны (на первое время формировалось 100 таких подразделений, в том числе офицерских); а также «заградительные отряды», которые стали практиковать «показательные» расстрелы за самовольное оставление позиций. В ходе зимней кампании 1941/42 г. гитлеровские трибуна-

лы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство, самовольное отступление, неповиновение и т.п.

Представители Главпура Красной армии, разбирая весной 1942 г. немецкие солдатские письма, попавшие к ним в качестве трофеев, отмечали, что если осенью 1941 г. недовольство войной выражали авторы 43% изученных писем, то зимой уже 77 %⁵⁵². У многих военнослужащих ГА «Центр» стали возникать сомнения относительно реальности нового «весеннего наступления». Успехи в обороне под Ржевом, Сычевкой и Вязьмой не изменили общую картину. Солдат и офицеров вермахта стало все больше беспокоить затягивание восточной кампании. Так, ефрейтор Ф. из 10-й роты, 232-го пехотного полка, 102-й пехотной дивизии, взятый в плен и допрошенный в разведотделе штаба Западного фронта, был подавлен неясностью сроков окончания войны. Это наводило его на мысль, что Россию победить невозможно⁵⁵³.

Тот факт, что территория СССР огромна, казалось, только весной 1942 г. начал доходить до сознания немецких военнослужащих. Солдат М. из 3-й роты, 522-го пехотного полка показал на допросе в советском плену в июне 1942 г.: «...Настроения среди солдат не одинаковое. Одни радуются большим победам Германии, другие больше молчат. Но каждый знает, что Россию очень трудно победить, а полностью никогда этого не сделать, она очень велика. В нашей армии много таких, которые воют из-за страха...»⁵⁵⁴

В результате битвы под Москвой изменился сам характер вооруженной борьбы, что повлияло на ее восприятие военнослужащими вермахта. План блицкрига против СССР был сорван, и война приобрела затяжной характер. Крах концепции молниеносной войны не только ухудшил стратегическое положение Германии, но и способствовал моральному надлому в настроениях немецких солдат. Война на Востоке приобрела для них новое видение. В ходе западной кампании у многих немцев сложилось представление, что современная война — это война машин, управ-

ляемых профессионалами. Использование массы техники на участке решающего прорыва, быстрое продвижение вперед означало победу с минимальными потерями. Однако уже на начальном этапе развития операции «Барбаросса» стало ясно, что потери вермахта будут намного выше, чем на Западе. В полную силу проявился дисбаланс между размерами советской территории, климатом в России и наличием в немецких соединениях достаточного количества военной техники, способной действовать при любой погоде в условиях бездорожья. Незавершенность операций ГА «Центр» у стен советской столицы, контрнаступление советских войск зимой 1941/42 г. потрясли германскую армию. Дальнейшие боевые действия весной 1942 г. сравнивались многими немецкими солдатами с кровавыми сражениями 1914—1918 гг. Память о поражении Германии в первой мировой войне, которая была забита фанфарами побед 1939—1940 гг., вновь и вновь напоминала о себе.

Немецкие войска перешли под Москвой к стратегической обороне. Впервые солдаты стали глубоко зарываться в землю и думать о том, как удержать фронт. Является фактом, что после провала наступления на Москву большинство соединений, входивших в состав ГА «Центр» (равно как и в ГА «Север») провели оставшиеся три года войны в обороне, не имея возможности осуществлять широкие наступательные операции. Большим ударом по моральному состоянию военнослужащих ГА «Центр» стало использование советскими войсками в наступлении той же тактики, которая ранее применялась вермахтом для разгрома противника. Немецкие солдаты, офицеры и генералы испытывали возрастающую мощь ударов Красной армии, нейтрализовать которые становилось все труднее не хватало ни сил, ни средств. Бои на Востоке, писал домой летом 1942 г. солдат из ГА «Центр», это не просто повторение событий 1914—1918 гг. Сейчас он чувствует себя точно так же, как, наверное, чувствовали себя поляки или французы в 1939—1940 годах. Далее он сообщал: «...Я никогда не видел таких

жестоких собак, как русские, невозможно рассказать об их тактике в наступлении, а более всего описать их бесконечное превосходство в военных материалах, танках и т.п.»⁵⁵⁵

Война все более представляла для военнослужащих германских частей на Восточном фронте в своем самом отвратительном виде. Особенно это касалось ГА «Центр», солдаты которой более других были изнурены предыдущими тяжелыми боями. Более того, перед ними не было теперь видимых перспектив добиться решающего военного успеха на своем фронте. Офицер элитной эсэсовской части писал на родину весной 1942 г.: «Человек превратился здесь [на Восточном фронте] в животное. Он должен разрушать для того, чтобы выжить. Нет ничего героического в такой войне... Боевые действия возвратились здесь к своим самым примитивным, животным формам... Солдаты стараются отчаянно оборонять то, что они уже заняли, страшно боятся попасть в руки противника и лишь инстинкт самосохранения является причиной, по которой они продолжают воевать...»⁵⁵⁶

Немецкое командование было вынуждено издавать специальные директивы, с указаниями по подъему боевого духа в войсках. Одна из них была разработана в штабе 2-й танковой армии 14 апреля 1942 г. В документе довольно точно отражены причины, влиявшие на настроение военнослужащих ГА «Центр» весной 1942 г.: «Продолжительное пребывание в обстановке выжидания, изнуряющей партизанской войны, малой войны с ежедневными жизненными неудобствами без явно выраженных успехов...» Чтобы поднять настроение солдат, указывалось на необходимость «взаимопонимания и тесной совместной работы командира подразделения и его врача...»⁵⁵⁷ (см.: Приложение, док. № 20)

Меры, предпринятые германским командованием по подъему настроения в войсках, ужесточению наказаний за самовольное оставление части оказали определенное влияние на повышение боеспособности личного состава

ва ГА «Центр». Не случилось, в прямом смысле этого слова, и одичания немецких военнослужащих. Ряд успешных операций весной-летом 1942 г. (фактическое уничтожение 33-й армии генерала Ефремова, разгром 39-й армии генерала Масленникова и др.) благоприятно отразились на настроении солдат. Фронт западнее Москвы стабилизировался. Но большинство военнослужащих начинало свыкаться с мыслью, что впереди их уже не ждет ничего хорошего.

В письме обер-ефрейтора Людвиг Цебея (п/п 46409) на родину в мае 1942 г. были такие строчки: «...Я живу только настоящим, о будущем не думаю. Главное — было бы что поесть и выпить. Вот чем интересуется большинство нашего народа на Восточном фронте. Часто я не могу спать и все задумываюсь о будущем. У меня волосы становятся дыбом, когда я присматриваюсь ко всему происходящему здесь...»⁵⁵⁸

Едва ли не нормой поведения становилась расхлябанность, наплевательское отношение к уставам и инструкциям. Германское командование отмечало, что «несколько раз разведка задерживала солдат, одетых в поношенное русское обмундирование. Их вид позорит армию. Никто не будет возражать, учитывая положение с обмундированием, если русский материал и куртки будут перешиты и будут нашиты знаки отличия германской армии. Надлежащим начальникам наблюдать за тем, чтобы это не нарушало общего вида армии...»⁵⁵⁹

Внешний вид немецких солдат на Восточном фронте не только отражал, но и влиял на настроение в войсках. Здесь необходимо отметить, что неспособность германской промышленности обеспечить сухопутную армию всем необходимым, включая обмундирование, стала во многом результатом нерешенности экономических проблем в ходе кампании против Советского Союза. Рассмотрим далее кратко вопрос о том, как экономические аспекты поражения германской армии под Москвой повлияли на моральный потенциал вермахта.

Провал блицкрига predetermined крушение расчетов немецкого командования на быстрый захват сырьевых районов Советского Союза. К концу 1941 г. германская промышленность стала испытывать все возрастающий недостаток рабочей силы; многие опытные специалисты призывались на фронт. К весне 1942 г. на заводах не хватало уже почти 800 тыс. рабочих. Контрнаступление советских войск под Москвой зимой 1941/42 г., тяжелые потери вермахта вынуждали перестраивать промышленность Германии, переориентировать ее мощности на ведение длительной войны. Однако потребности Германии в качественной стали, алюминии, каучуке, горючем, электроэнергии не покрывались ни запасами, ни новым производством. Потребовались перераспределение рабочей силы и стратегического сырья, резкое увеличение использования иностранных рабочих и военнопленных, усиление грабежа оккупированных и союзных стран. Зимой 1941/42 г. экономическое положение Германии значительно осложнилось⁵⁶⁰. Все эти процессы сопровождались неизбежным ухудшением материального положения немецкого населения.

Зимой 1941/42 г. в Германии начался процесс мобилизации всех ресурсов страны для ведения затяжной войны. Однако возможности военной промышленности рейха были более ограниченными чем у коалиции основных союзных государств: СССР, Великобритании и США. После того как борьба на Востоке вступила в новую стадию, стали очевидны многие изъяны германской экономики, ее слабая готовность выдержать напряжение длительной войны. Необходимо отметить, что Германия довольно поздно начала процесс тотальной перестройки всего хозяйства на военный лад. Это было одним из просчетов гитлеровского руководства, ранее надеявшегося на победу исключительно в молниеносной войне.

Известно, что индустрия Третьего рейха смогла увеличить выпуск танков всех образцов с 2 808 шт. в 1940 г. до 6 008 шт. в 1941 г. Сухопутные войска вермахта увеличи-

ли число танковых дивизий до 21 (правда, предварительно сократив на треть количество танков в каждом соединении). Но такое увеличение выпуска танков оказалось совершенно недостаточным в связи с громадными потерями на фронте. Кроме того, танков последней модели Т-IV было изготовлено за 1941 г. всего 480 шт⁵⁶¹. Советский Союз, несмотря на тяжелейшие потери в начале войны, эвакуацию промышленных предприятий сумел выпустить во второй половине 1941 г. 4 740 танков Т-34 и КВ, которые заметно превосходили германские образцы бронированной техники. Возможности советской экономики позволили СССР уже к 1943 г. выпускать ежегодно около 30 000 танков (не считая поставок по ленд-лизу), тогда как Германия только в 1944 г. смогла достигнуть пика своих возможностей — 22 110 танков за этот год⁵⁶².

Иными словами, после окончания зимних боев 1941/42 г., промышленность третьего рейха предприняла отчаянные усилия в увеличении производства военной продукции и сумела достигнуть больших успехов в разработке новейшей техники и вооружения. Однако солдаты и офицеры ГА «Центр» чувствовали все возрастающее давление противника, чья боевая техника, в основном, была не хуже немецкой, а некоторые образцы советского вооружения превосходили германские аналоги. Командованию сухопутных войск Германии пришлось смириться с ослаблением боевой мощи соединений, растянутых на огромном фронте. Лишь некоторые элитные дивизии ГА «Центр» теперь укомплектовывались полностью и снабжались достаточным количеством вооружения.

Уверенность личного состава вермахта в превосходстве германского оружия постепенно утратила свое значение. Материальное оснащение Восточной армии и моральное состояние ее военнослужащих в начале 1942 г. были тесно связаны между собой. После завершения советского наступления под Москвой и образования относительно стабильной линии фронта, настроение немецких солдат в

немалой степени определялось изменением «привычных» условий фронтового быта и ведения боевых действий. Сокращение транспортных средств стало причиной перебоев в снабжении войск боеприпасами, продуктами и амуницией. Условия жизни в окопах многими старослужащими сравнивались с позиционным противостоянием в Первой мировой войне, другие называли их просто «примитивными». Так, главный врач 12-й пехотной дивизии отмечал весной 1942 г.: солдаты утепляют себя газетами; сапог, перчаток, шапок, свитеров и шинелей поступает крайне недостаточно; пища доходит до позиций замерзшей; солдаты живут в темных, сырых бункерах, плохо проветриваемых и слишком тесных, в них невозможен нормальный отдых; грязный воздух и отсутствие средств гигиены стали причиной многих инфекционных заболеваний и вшивости; нехватка личного состава означает дополнительные часы караульной службы для оставшихся солдат, а это сказывается на боеспособности частей; военнослужащие с апатией относятся к своим обязанностям.

Врач указывал на большую опасность нервного перенапряжения солдат: «Каждый день становится все очевидней, что потеря сил, веса и увеличивающаяся нервозность военнослужащих оказывают негативный эффект на ход боевых действий ...»⁵⁶³

В начале 1942 г. многие немецкие части на Восточном фронте не имели достаточно огневых средств, чтобы сдерживать советские танковые атаки. Зачастую они располагали лишь противотанковыми орудиями малого калибра, которые не пробивали броню танков Т-34 и КВ. Этот факт также влиял на моральное состояние германских солдат, которые привыкли наблюдать превосходство своего оружия. Командир одной из немецких частей отмечал в то время в своем приказе: «Тот факт, что наши снаряды отскакивают от брони не должен служить основанием тому, что наши орудия не могут поражать советские танки... Смелое применение легких противотанковых орудий в бою уже

приносило хорошие результаты...» Однако такие заверения были малоубедительны для солдат в окопах.

Так, 22 февраля 1942 г. солдат Алоис Зейтнер (п/п 070561) написал своему брату, обер-ефрейтору Гансу Швейнгхоферу, в Вену о том, что несколько дней назад немецкое командование планировало окружить далеко зашедшую советскую часть, однако это не удалось: «...Запланировано было хорошо. Три раза мы пытались это сделать, и три раза были отброшены назад. Наши потери были большими... Что произошло при этом наступлении, ты, конечно, можешь себе представить! Русские действовали с танками, а мы имели только два штурмовых орудия, но и они вскоре были уничтожены танками. У русских к тому же еще артиллерия и авиация... Если я снова выберусь из России здоровым, то я смогу считать себя счастливым...»⁵⁶⁴

Выше уже говорилось об огромных потерях вермахта в танках и автомашинах в период битвы под Москвой. Германская промышленность оказалась не готова быстро восполнить большие потери в боевой технике пехотных и моторизованных соединений ГА «Центр», а, следовательно, обеспечить их высокую боеспособность. Западнее Москвы немецкие войска вынуждены были все чаще использовать такой вид транспорта, как конные сани и повозки, чтобы поддерживать снабжение частей. Необходимо отметить, что в германской армии и на 22 июня 1941 г. гужевого транспорт составлял довольно большой процент (в ней имелось около 600 тыс. лошадей). Теперь в ГА «Центр» этот процент еще более возрос.

Все эти факторы негативно влияли на состояние немецких солдат в ходе и после окончания зимней кампании 1941/42 г. В феврале 1942 г. командир 18-й танковой дивизии вермахта отмечал в своем донесении: «Из-за высоких требований, которые сейчас предъявляются солдатам, и критических условий существования на фронте значительно ухудшилась физическая и психическая сопротивляемость военнослужащих... Уменьшение рациона питания

нетерпимо в виду настоящего тяжелого положения. Необходимо длительный отдых для пополнения частей, исправления здоровья и морального состояния солдат»⁵⁶⁵.

Существовавший в представлении многих солдат романтический образ войны был навсегда похоронен в битве под Москвой. Этому способствовали как действия Красной армии в ходе наступления, так и условия в которых оказались германские соединения после поражений зимой 1941/42 г.

Нельзя отрицать того факта, что настроение солдат во многом зависит от той ситуации, в которой находятся их семьи на родине. Если с семьей все в порядке, то и солдат воюет хорошо. Но если нет, то его моральный дух значительно падает. В этой связи следует отметить, что после краха блицкрига материальное положение немцев в самой Германии ухудшилось, — стало не хватать тепла, продовольствия, электричества. Военнослужащие ГА «Центр» получали с родины немало тревожных писем.

Немецкие солдаты в окопах переживали, что их дети на родине не получают всего необходимого, — особенно это ощущалось в городах. Рядовому Вилли свояченица из Нешвица написала 15 января 1942 г.: «...Детей никак не накормишь, никаких жиров больше нет...»⁵⁶⁶ А ефрейтору Отто Грайфу (п/п 25460 д) мать жаловалась в письме от 15 апреля 1942 г.: «С нашим хлебом дело обстоит также неважно. Отец говорит — будь что будет, пусть пропадет... Всем нам придется голодать в этом году. Как мы здесь живем, вы даже представить себе не можете...»⁵⁶⁷

В Германии свертывались многие социальные программы. Солдаты на Восточном фронте, начиная с зимы 1942 г., стали все больше задумываться о том, за что они воюют, когда получали письма содержащие горькие строки о неуважении государства к старикам и больным людям. Некая Эдит из Берлина писала рядовому Вернеру 14 января 1942 г., что ей делается страшно от того, что в переполненную больницу больше не принимали пожилых

людей, что старый человек ничего больше не стоит: «...На днях одной семидесятилетней старухе вообще отказали в приеме... Получается, что люди не способные к продолжению рода, не имеют больше никакой цены...»⁵⁶⁸

До солдат на Восточном фронте все чаще доходили теперь сведения не только о бедственном положении их родственников, но и об изменениях отношения гражданского населения Германии к существующему режиму, ввергнувшего страну в кровавую бойню. Военнослужащий Э., перебежавший из одной части в полосу ГА «Центр» на советскую сторону на допросе в разведотделе штаба Западного фронта показал, что летом 1942 г. он был проездом в Кельне, где лично видел ужасные последствия бомбардировок союзной авиации. После них на улицах города появились надписи, адресованные Гитлеру: «убирайся с престола, так как ефрейтору дальше некуда идти». Полиция арестовала за это около 200 человек. Он также слышал, как одна женщина сказала продавцу в магазине: «если у вас нет мяса, дайте мне на три марки сводок верховного командования»⁵⁶⁹. Несомненно, весной 1942 г. ко многим немцам пришло отрезвление, им стала понятна сущность гитлеровского режима. Но большинство из них пока боялось что-либо говорить и тем более писать.

Наиболее существенным политическим последствием поражения вермахта под Москвой явилось возникновение конфликтных взглядов в военно-политическом руководстве Германии на перспективы войны, о чем уже говорилось в предыдущей главе, и отставка многих опытных военачальников (речь идет о снятии со своих постов фон Браухича, фон Бока, Гудериана, Штрауса, других генералов и самоназначении Гитлера главнокомандующим сухопутными войсками), которая явилась неожиданной для войск, поставила под вопрос компетенцию высшего военного руководства.

Генерал пехоты Фелькерс, командир 27-го армейского корпуса, взятый в советский плен уже в 1944 г. на одном

из допросов заявил: «...Поражения последних лет — следствие плохого военного руководства. По моему мнению, было ошибкой, что группы армий и армии не могли действовать самостоятельно, исходя из обстановки на месте...» Генерал Фелькерс говорил, в основном о тех вещах, которые стали фактом после поражения вермахта под Москвой: «...Талантливые полководцы в германской армии еще имеются, но верховное командование вооруженных сил их уволило... в том числе фон Бока... Поэтому мы офицеры и генералы на фронте недовольны. Фюрер, по моему мнению, слишком мало слушает мнение своих советников...»⁵⁷⁰

Гитлер, в свою очередь, обвинял во всем своих генералов. Существует стенограмма его беседы с В. Кейтелем от 18 сентября 1942 г., на которой был затронут, в частности, вопрос о позиции генералитета германской армии в свете событий зимы 1941/42 г. Речь об этом зашла после того, как фюрер выразил свое недовольство действиями Йодля на южном крыле советско-германского фронта и, как бы случайно, припомнил ему старые грехи в период битвы под Москвой. Гитлер сказал Кейтелю: «...Именно он [Йодль] прошлой зимой выдвинул предложение о способе разрешения главной задачи... [Йодль предложил] немедленно отойти назад. Послушавшись его, мы потеряли бы все. И тогда он представлял не мое мнение, которое ему было хорошо известно, а наоборот мнение слабых личностей — фронтовиков. Он взял на себя роль представителя этих течений, что совершенно недопустимо...»⁵⁷¹

Понятно, что Гитлер имел в виду, скорее всего, тех «личностей», которых он снял тогда с руководства войсками; среди них были Бок, Гудериан, Штраус. Однако эти «фронтовики» имели довольно твердый характер, несмотря на то, что предлагали отступить. Заметим другое: начиная с зимы 1941/42 г. мнения о путях достижения Германией своих целей в войне, имеющиеся, с одной стороны, у высшего руководства рейха, а с другой — у генералов на фронте становятся все более различными. Война теперь шла как

бы в двух измерениях. Генералы, непосредственно руководившие войсками, стремились действовать, исходя из конкретной обстановки, в то время, как верховное командование упорно проводило свою линию — все более отдаленную от реальной ситуации и возможностей своих войск. Наметившееся в ходе битвы под Москвой существенное ограничение инициативы полевых командиров в руководстве боевыми операциями, несомненно, отразилось на их моральном состоянии. Требование безусловного подчинения всем приказам сверху вызывало порой непонимание и недоверие к высшему начальству. Это недоверие распространялось не только среди генералов и офицеров, но и среди рядового состава — чему способствовали продолжающиеся кровопролитные бои в обороне и отход войск на значительную глубину.

Военачальник, который, по мнению многих специалистов, произвел революцию в применении танков на поле боя, генерал Гейнц Гудериан, так оценивал зимой 1941/42 г. свою некогда непобедимую танковую армию: «вооруженный сброд, который медленно тащится назад». Критическое состояние германских войск, по его мнению, вызывало «серьезный кризис доверия как среди рядовых солдат, так и младших командиров»⁵⁷².

Наиболее здравомыслящие немецкие политические деятели, генералы и офицеры уже весной 1942 г. осознали, что после поражения вермахта под Москвой Германия не может рассчитывать на победу в войне. Именно в это время у них начинают зреть планы физического устранения Гитлера и прекращения бесполезной для рейха вооруженной борьбы. В июне 1942 г. тогда еще майор генштаба ОКХ граф фон Штауфенберг, позже совершивший покушение на Гитлера, писал генералу Паулюсу после посещения Восточного фронта: «Господин генерал, Вы лучше всех поймете, как отраден визит... там, где, не раздумывая, отдают делу все силы, где без ропота жертвуют жизнью, в то время, как вожди и образцовые руководители бранятся меж

собой, защищая только свой престиж, или не могут обратиться с духом, чтобы дать ответ, который спасет тысячи жизней, придаст людям уверенность»⁵⁷³.

Необходимо отметить, что моральное состояние многих немецких военнослужащих в конце 1941 — начале 1942 г. было поколеблено еще и тем фактом, что теперь германской армии предстояло рано или поздно столкнуться с объединенными вооруженными силами Великобритании и США на Западе. 7 декабря 1941 г. Япония развязала войну против Соединенных Штатов Америки, а 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Перед вермахтом и армиями остальных стран «Оси» встала невыполнимая задача — одержать победу над силами союзников, которые значительно превосходили Германию в людских и материальных ресурсах, на суше, в воздухе и на море.

Негативное влияние на настроения солдат Восточного фронта оказывало расширение в начале 1942 г. масштабов воздушного наступления союзных ВВС на Германию. Немецким летчикам становилось все труднее отражать массированные налеты на города и населенные пункты рейха, крупные промышленные предприятия.

Объектами бомбовых ударов все чаще становились жилые кварталы, густонаселенные районы страны. Жители городов бежали в сельскую местность, скрываясь от угрозы быть погребенными под развалинами. Сам факт воздушных налетов, проводимых союзниками в рамках операций по уничтожению германской экономики, не мог не вызывать гнетущего впечатления у военнослужащих: противник разрушал их дома на родине, но они ничего не могли с этим поделать. Число жертв воздушного наступления, среди которых было много гражданских лиц, заставляло задуматься о неотвратимости возмездия, в той или иной форме, за совершенные германской армией преступные деяния. Так, ефрейтор Август Гербеке получил 15 марта 1942 г. письмо от жены Кэтти из Ваттеншейда, в котором говорилось: «В пятницу у нас было 12 убитых, в Эссене —

60. Самое ужасное было в Зендигегаузене. Когда вечером начинается тревога, я теряю голову, хватаю из кроваток детей, заворачиваю их в одеяла и бегу в убежище. Меня охватывает страх, как только наступает вечер... Еще много нам придется пережить за это лето...»⁵⁷⁴

Захваченный в советский плен ефрейтор Д. из 524-го пехотного полка, 197-й пехотной дивизии на допросе показал: «Частые налеты на города Германии, особенно последний большой налет на Кельн, расстроили многих солдат, они повесили головы...»⁵⁷⁵

После поражения вермахта под Москвой внешнеполитическое положение Германии заметно ухудшилось. Япония отказалась двинуть свои войска против СССР. Политический престиж гитлеровской Германии был подорван в глазах профашистских правителей Венгрии, Румынии, Финляндии и других ее союзников⁵⁷⁶. Военнослужащие на Восточном фронте были слабо информированы о положении на других театрах военных действий, еще силен был миф о невозможности прорвать так называемый «Западный вал» на севере Франции. Рядовой В. из 1-й роты, 553-го пехотного полка, 329-й пехотной дивизии летом 1942 г. сообщил на допросе в советском плену: «...Англичане не сумеют открыть в Европе второй фронт, так как всюду сильная оборона, прорвать которую не удастся... но все солдаты ждут с нетерпением окончания войны, и не знают кто победит... Надо кончать войну, но как это сделать, я не знаю...»⁵⁷⁷

Уже упоминавшийся нами пленный ефрейтор Д. из 524-го пехотного полка сообщал советским офицерам, что немцам теперь неизвестно, как долго будет идти война. Гитлер говорил, что необходимо уничтожить большевизм, но «мы прекрасно знаем, что этого невозможно достигнуть, ибо территория России составляет 22,5 млн кв. км... Если Англия и Америка скоро откроют второй фронт, тогда, безусловно, Германия не в состоянии будет победить эти мощные державы...»⁵⁷⁸ (см.: Приложение, док. № 21). Весной 1942 г. немецкая пропаганда старалась изо всех сил

принизить значение союза народов трех великих держав СССР, Англии и США в борьбе против Германии. Ею замалчивались данные о военном потенциале этих государств, широко рекламировалось новое «весеннее наступление» на Востоке, которое должно было окончательно поставить Советский Союз на колени еще до того, как союзники смогли бы предпринять какую-либо крупную операцию в Западной Европе. Разоблачить эти утверждения нацистской пропаганды были призваны листовки, подготовленные Главпуrom РККА. Многие из них были сделаны удачно и оказывали определенное воздействие на моральное состояние немецких военнослужащих. Необходимо выделить листовку с обращением к солдатам рейха нескольких видных депутатов рейхстага и ландтага в апреле 1942 г. — «Отказывайтесь идти в весеннее наступление»⁵⁷⁹. Другие материалы советских органов спецпропаганды вызывали у немцев на Восточном фронте сомнения. Пленный ефрейтор О. из 6-й роты, 73-го моторизованного полка, 19-й танковой дивизии, допрошенный в разведотделе штаба Западного фронта, так выразил свое отношение к советским листовкам: «... многие из них написаны без расчета на немецкую контрпропаганду... Солдаты не верят, что Россия, Англия и США имеют 50 млн солдат, в то время как цифра 25 или 30 млн была бы более действенной и внушительной...»⁵⁸⁰

В ходе боевых действий на Восточном фронте была поколеблена уверенность немецких военнослужащих в своем расовом и культурном превосходстве над противником. Для многих немцев, в сознание которых был внедрен образ славян как «недочеловеков», оказался неожиданным культурный уровень жизни в СССР. Стало ясно, что свести советский народ до положения рабов так просто не удастся. После битвы под Москвой немцы начали понимать, что им противостоит противник отнюдь не слабее, а быть может, и сильнее по своему духу. Именно тогда многие военнослужащие стали осознавать ложность тех идеологических штампов, которые вбивались им в голову.

Так, ефрейтор В. из 6-й роты, 534-го пехотного полка, захваченный в плен в 1942 г., сообщил представителям советской разведки, что «в Германии Россию представляли отсталой феодальной страной без культуры и техники. Теперь я сам вижу, что это делалось с пропагандистской целью. Солдаты надеются на победу Германии, хотя вся эта война идет совсем по-другому, чем с Францией. В походе на Францию у солдат была охота и желание воевать, но здесь, на Восточном фронте, заметно, что все делается принудительно, без всякого желания и интереса...»⁵⁸¹

Даже наиболее ярые сторонники нацизма признавали ошибочность своих прежних представлений об СССР. Командир 5-й роты, 2-го пехотного полка одной из дивизий СС, капитан Гофман, писал в своем дневнике летом 1942 г.: «В настоящее время на высоком уровне находится в СССР школьное дело. Свободный выбор по способностям, без платы. Я думаю, что внутреннее строительство России было закончено: интеллигентская прослойка была создана и воспитана в чисто коммунистическом духе. Далее: фабрики были хорошие и удовлетворяли даже требованиям американских инженеров, — например, ткацкая фабрика в Орле...» Единственно, что не нравилось капитану Гофману в России — это ее дороги, которые, по его мнению, являлись своеобразной линией «Зигфрида», но только теперь для войск вермахта⁵⁸².

В настоящем разделе представляется необходимым затронуть довольно необычную версию, связанную с морально-психологическим состоянием немецких солдат на Восточном фронте, которая лишь сравнительно недавно появилась в западной историографии. Суть этой версии заключается в том, что зверства немецкой армии по отношению к советскому населению и военнопленным являются прямым следствием поражений вермахта зимой 1941/42 г. и с этими поражениями непосредственно взаимосвязаны.

Американский историк Омер Бартов в своей книге «Армия Гитлера» (N.Y., 1992) считает, что зверства немец-

ких солдат на Востоке — результат преднамеренных действий германского командования, которое всячески поощряло насилие после поражений вермахта зимой 1941/42 г. Немецкое политическое руководство и командование армии рассматривали репрессии против советских людей как «компенсацию» за необходимое ужесточение дисциплины, карательные меры по «наведению порядка» и усиление нацистского диктата в войсках.

Повальные грабежи, насилия, убийства явились в то же время, по мнению американского историка, своего рода «предохранительным клапаном», который ослаблял «сверхдавление» экстремальных условий войны на Восточном фронте. Немецкие войска, заключает О. Бартов, превратились в орудие бесчеловечной политики⁵⁸³.

Многие наблюдения американского историка на наш взгляд правильны, но с одним исключением. Зверства нацистской армии по отношению к бойцам и командирам Красной армии, к советскому населению на временно оккупированной территории нарастали с первых дней войны и явились результатом политики «войны на уничтожение», которая внедрялась расистским воспитанием военнослужащих вермахта, инструкциями и приказами задолго до вторжения агрессивных гитлеровских армий на территорию СССР. Начиная с 1942 г. важнейшей целью в этом беспределе, как свидетельствуют документы, относящиеся к плану «Ост», было уничтожение русского народа.

* * *

Весной 1942 г. Германия и ее союзники еще обладали огромной военной мощью и, как показали последующие события, сумели нанести тяжелые поражения советским войскам летом 1942 г. Но после битвы под Москвой им уже не удалось достичь стратегических успехов таких масштабов, как в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда они захватили огромную территорию СССР от Балтики до Черного моря, достигли окраин Ленинграда и Москвы.

Поражение под Москвой и его последствия обрели характер постоянно действующего фактора, который порождал, в зависимости от обстановки на фронтах, внутривнутриполитического и международного положения Германии, и постепенно углублял неуверенность за исход войны на всех уровнях немецких военных и гражданских властей, рядовых солдат и генералов, простых граждан и высших чиновников. Необходимо еще раз подчеркнуть, что после зимы 1941/42 г. сильнейшая германская группировка на Восточном фронте, ГА «Центр», оставалась в обороне и вела бесперспективную в стратегическом плане позиционную борьбу на главном — московском направлении. Многие дивизии в связи с огромными потерями обновлялись на 70-80 процентов за счет мобилизованных контингентов старших возрастов, наспех подготовленной молодежи и возвращения в строй солдат, находившихся на излечении. Это пополнение принесло на фронт негативные настроения, которые начали распространяться в германском тылу. Многие солдаты возвращались в строй неохотно, ибо на себе испытали силу ударов советских войск. Гитлеровская молодежь шла на фронт с надеждами на быструю победу, но лишения и тяготы, связанные с войной, охлаждали ее пыл и самоуверенность. Неуменияющиеся потери германской армии на Восточном фронте способствовали дальнейшему ослаблению политико-морального состояния немецких солдат.

В заключение хотелось бы привести слова пленного немецкого летчика, командира сбитого в начале лета 1942 г. в полосе Западного фронта бомбардировщика Ю-88. Они наиболее точно отражают состояние многих солдат и офицеров вермахта в то время: «Немецкой пропаганде удалось внушить германскому народу... что зима застала наши армии на Восточном фронте врасплох, в самый разгар успешного окружения Москвы, что весна принесет окончательную победу. Но прошла весна, настало лето. Именно весеннее наступление германской армии явилось

тем решающим моментом, когда стало ясно, что война с Советским Союзом стала затяжной, что о победоносном окончании войны в 1942 г. не может быть и речи и что противники обладают исключительным упорством и одинаковой силой⁵⁸⁴.

Красная армия в тяжелейших боях под Москвой доказала свою способность не только хорошо обороняться, но и бить противника тем же оружием, от которого раньше терпела поражения. Реальные успехи у стен столицы придавали советским воинам дополнительные силы в тяжелой борьбе. Советские бойцы медленно, неся огромные потери, приобретали боевой опыт. Нарастала производственная оборонная промышленность страны. Именно в эти месяцы произошли крупные изменения на международной арене. Вступили в войну США. 1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединенных Наций, соединившая 26 государств — СССР, США, Великобританию, Китай, Канаду и др. страны в борьбе с агрессором. Все эти факторы, вместе взятые, явились в конечном итоге причиной необратимого надлома, который произошел в моральном состоянии военнослужащих вермахта. И если бойцы Красной армии приобрели уверенность в своих силах, то немецкие солдаты и офицеры, наоборот, все чаще стали задумываться о дальнейшей судьбе Германии.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

БОЕВОЙ ДУХ И ДИСЦИПЛИНА

Оглавление приложения

Документ №1. Выдержка из протокола совещания верховного главнокомандования вооруженных сил Германии от 3 февраля 1941 г. по подготовке операций операции «Барбаросса» и «Зонненблюме».

Документ №2. Выдержка из Директивы командования группы армий «Б» по стратегическому развертыванию «Барбаросса» от 13 февраля 1941 г.

Документ №3. Выдержка из записи беседы представителя советского командования с фельдмаршалом Ф. Паулюсом от 8 июня 1948 г.

Документ № 4. Выдержки из сводок о положении на Восточном фронте отдела по изучению иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных войск Германии за октябрь 1941 г.

Документ №5. Выдержка из донесения командования 9-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 29 октября 1941 г. с информацией об обстановке, сложившейся в районе Калинина.

Документ №6. Выдержка из плана наступательной операции группы армий «Центр» в направлении на Москву в ноябре 1941 г. (предположительно составлен между 10 и 14 ноября 1941 г.).

Документ №7. Выдержки из приказов командования дивизии СС «Райх» от 17 и 18 ноября 1941 г. о наступлении на московском направлении.

Документ №8. Директива ОКВ о целях наступления германских войск на московском направлении от 20 нояб-

ря 1941 г, переданная по телеграфу из генерального штаба сухопутных войск в штаб группы армий «Центр».

Документ №9. Выдержка из приказа командования 3-й танковой группы № 31 от 24 ноября 1941 г. о задачах группы в ходе наступления на Москву.

Документ №10. Выдержки из сводок о положении на Восточном фронте отдела по изучению иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных войск Германии за декабрь 1941 г.

Документ №11. Выдержка из телефонограммы командующего 4-й танковой группой генерал-полковника Гепнера от 21 декабря 1941 г. командующему группой армий «Центр» о положении немецких соединений после приказа фюрера удерживать занимаемые позиции.

Документ №12. Выдержка из донесения штаба 2-й армии в штаб группы армий «Центр» с изложением возможных причин отхода армии с рубежа Курск—Орел в западном направлении от 30 декабря 1941 г.

Документ №13. Выдержка из телеграммы штаба 9-й армии в штаб группы армий «Центр» от 16 января 1942 г. с текстом донесения штаба 3-й танковой армии о положении ее соединений.

Документ №14. Выдержка из телеграммы штаба 9-й армии в штаб группы армий «Центр» с изложением плана наступления с целью ликвидации бреши западнее Ржева от 17 января 1942 г.

Документ №15. Выдержка из донесения оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 3 февраля 1942 г. об обстановке и боевых действиях по ликвидации бреши между 4-й танковой армией и 4-й армией.

Документ №16. Выдержка из донесения штаба группы армий «Центр» в генштаб ОКХ от 3 февраля 1942 г. с оценкой положения противника командованием 4-й танковой армии после ликвидации разрывов в немецком фронте.

Документ №17. Выдержка из Информационного бюллетеня Главного Политического управления Красной армии № 109 от 5 августа 1942 г., содержащая отрывок пись-

ма солдата Алоиса Пфушера (п/п 11706 В) с Восточного фронта родителям в Баден (письмо от 25 февраля 1942 г.).

Документ №18. Выдержка из Информационного бюллетеня Главного Политического управления Красной армии № 100 от 13 июля 1942 г., содержащая отрывок из записной книжки неизвестного офицера вермахта.

Документ №19. Выдержка из обзора частной корреспонденции немецких военнослужащих, подготовленного разведотделом штаба Ленинградского фронта 21 мая 1943 г. с текстом письма командира 7-й пехотной дивизии [группы армий «Центр»] знакомому офицеру.

Документ №20. Выдержка из Информационного бюллетеня Главного Политического управления Красной армии № 109 от 5 августа 1942 г., содержащая директиву командования 2-й танковой армии «Сохранение здорового духа войск» (директива подписана 14 апреля 1942 г.).

Документ №21. Выдержка из Информационного бюллетеня Главного политического управления Красной армии № 107 от 31 июля 1942 г., содержащая отрывок из записи допроса ефрейтора Д. из 524-го пехотного полка, 197-й пехотной дивизии [группы армий «Центр»], попавшего в советский плен в полосе Западного фронта.

Документ №1

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ
ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 1941 г. ПО ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИЙ ОПЕРА-
ЦИИ «БАРБАРОССА» И «ЗОННЕНБЛЮМЕ»

Штаб оперативного 3 февраля 1941 г.
руководства вооруженных
сил Германии

Присутствовали:

фюрер, начальник штаба вооруженных сил Германии,
начальник штаба оперативного руководства вооруженных

сил Германии, полковник Шмундт, майор Кристиан, командующий сухопутными войсками, начальник генерального штаба сухопутных войск, начальник оперативного отдела генштаба сухопутных войск, майор Энгель.

Начальник генерального штаба сухопутных войск: Обстановка на стороне противника: около 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий, около 30 механизированных дивизий.

Собственные силы примерно такие же, но по качеству выше.

Оценка командных личностей: выделяется только Тимошенко...

Подробности о численном составе, организации русских дивизий: важно заметить, что также и в пехотных дивизиях русских сравнительно много танков, но плохого качества.

Что касается механизированных дивизий, то превосходство в танках и артиллерии на нашей стороне. На стороне русских численное превосходство, но на нашей качественное.

Оснащенность русских войск артиллерией нормальное, но ее материальная часть также недоброкачественная. Управление артиллерией неудовлетворительное.

Намерения русского командования не удастся распознать. На границе сосредоточены крупные силы, отступление маловероятно, так как Прибалтика и Украина для русских являются жизненно необходимыми районами продовольственного снабжения.

Проводятся работы по сооружению укреплений, особенно на северном и южном флангах. Относительно дорожной сети новых сведений не поступало.

Группам армий надо указать на то, что русский фронт будет разорван на две части, то есть, отход русских на линию Днепр—Двина будет предотвращен...

Намерения таковы: одновременно с разрывом фронта добиться сильного раскола русских войск на отдельные разрозненные, раздробленные боевые единицы. Для этого требуется заблаговременное введение в действие резервов. Болота в долине реки Припять не являются препятствием.

Фюрер: Обращает внимание на фланговую ударную тактику русских.

Начальник генерального штаба сухопутных войск: В этом отношении особенно опасны кавалерийские дивизии...

Фюрер: Указывает на то, что районы операций колоссально велики, что окружение неприятельских войск обещает успех только в том случае, если оно будет сплошным...

Не следует рассчитывать на немедленную сдачу русскими Прибалтики с Ленинградом и Украины. Однако, вполне возможно, что русские, распознав наши оперативные цели, после первого поражения организуют отступление крупного масштаба и перейдут к обороне за каким-либо рубежом на востоке.

В таком случае в первую очередь должно быть покончено с севером, не обращая внимание на силы русских, расположенные на востоке. Оттуда (благоприятная база снабжения) будет нанесен удар в спину русских без фронтального наступления. При этом важно уничтожить как можно больше сил противника, но не приводить их в бегство. Для достижения этой цели мы должны крупными силами занять фланговые районы, оказывая при этом сдерживающее действие в центре, а затем обходом с флангов заставить противника очистить позицию в центре...

С подлинным верно: капитан Борнер

Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации (Далее: ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 8. Л. 10—22. Перевод с немецкого

Документ № 2

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДИРЕКТИВЫ КОМАНДОВАНИЯ ГРУППЫ АРМИЙ «Б» ПО СТРАТЕГИЧЕСКОМУ РАЗВЕРТЫВАНИЮ «БАРБАРОССА» ОТ 13 ФЕВРАЛЯ 1941 г.

Командование группы
Штаб-квартира армий «Б»
13.02.1941 г. 1 а. № 500/41
Сов. секретно экз. № 11

1. ...Операции должны вестись так, чтобы масса русских армий, находящаяся в Западной России была уничтожена путем глубокого вклинения танковых частей, и чтобы был предотвращен отход боеспособных частей в глубь русской территории...

К северу от Припятских болот группа армий «Центр» при использовании крупных подвижных соединений должна предпринять прорыв из районов Варшавы и Сувалок в направлении на Смоленск.

Главное командование сухопутных войск предполагает, что после удавшегося прорыва, крупные подвижные части группы армий «Центр» должны повернуть на север, чтобы совместно с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике, затем во взаимодействии с силами, наступающими из Финляндии устранить последствия возможного сопротивления противника в Северной России и, тем самым, создать условия для выполнения других задач. При внезапном и полном крахе сопротивления противника на севере России... может произойти немедленное продвижение группы армий «Центр» на Москву...

Для ведения боев в рамках этой операции следует руководствоваться принципами, оправдавшими себя в польской кампании...

Каждому командиру и соединению в этой войне на Востоке необходимо руководствоваться следующими указаниями: быстро и не взирая ни на что вперед! Всюду обеспечить быстроту движения и неутомимое преследование противника. С этой целью тяжелую артиллерию и тяжелое оружие выбрасывать вперед! Только таким образом может удастся разорвать фронт русской армии и уничтожить ее силы еще по эту сторону линии Днепр — Западная Двина...

2. ...Вся русская система сообщений (железные и шоссейные дороги, связь) базируется больше чем в других странах на относительно немногих, и тем более значимых, центральных пунктах (например: Минск, Вильно, Смоленск, Москва и др.) и поэтому является особенно чувствительной.

3. Группа армий «Центр», выдвигая крупные силы со своих флангов и подтягивая свои подвижные силы, продвигается южнее и севернее Минска, раскалывает противника в Белоруссии, заблаговременно захватывает Смоленск и, таким образом, создает предпосылки взаимодействия крупных сил своих подвижных войск с группой армий «Север» для уничтожения противника, действующего в районе Ленинграда и для дальнейшего продвижения на Москву...

Расчет рассылки:

Группа армий «Центр» (командование группы армий «Б») — 11-й экземпляр.

без подписи

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 5. Л. 38—59. Перевод с немецкого.

Документ № 3

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ С ФЕЛЬДМАРШАЛОМ Ф. ПАУЛЮСОМ ОТ 8 ИЮНЯ 1948 г.

Вопросы по первой кампании.

Советский офицер: В какие сроки предполагалось выполнить операции по плану «Барбаросса» и когда немцы

рассчитывали занять Москву, Ленинград, Киев, Смоленск и выйти на Волгу?

Паулюс: Первая цель, которую поставило ОКХ: выйти на рубеж Киев, в район Смоленска и к Ленинграду, после чего планировалась некоторая пауза для того, чтобы перегруппировать войска, дать им передышку, подтянуть тылы, боеприпасы, оружие и т.д. ...

Наступление до самой Москвы непрерывно продолжаться не могло. Прорыв до Москвы единым ударом был невозможен по той причине, что у немецкого командования не имелось достаточного количества железнодорожного транспорта, а также в силу того, что железная дорога была разрушена.

Вторая причина заключалась в том, что войска не располагали достаточными физическими и моральными силами для того, чтобы выполнить такое наступление.

Поэтому вначале предполагалось, по-видимому, достигнуть первоначальной цели, т.е. выйти на рубеж — Киев, Смоленск, Ленинград, затратив на это 3—4 недели... Взятие Москвы намечалось еще до наступления зимы, т.е. осенью 1941 г.

Советский офицер: Почему не был осуществлен поворот подвижных войск группы армий «Центр» из района Смоленска на север?

Паулюс: 3-я танковая группа, в ходе выполнения первой задачи, должна была выйти в район Смоленска и затем ожидать приказа о повороте на север, когда это сочтет нужным верховное командование вооруженных сил Германии.

Это намерение не было осуществлено, по моему мнению, из-за создавшейся в районе Смоленска обстановки, ибо там не хватало сил для того, чтобы, достигнув района Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок. Причем не только 3-я танковая группа не была повернута

на Ленинград, но и часть сил группы армий «Центр» была повернута на юг.

Советский офицер: Как оценивало немецкое командование нашу смоленскую группировку в июле 1941 г.

Паулюс: ... Можно было совершенно ясно считать, что для защиты Москвы русскими будут подброшены еще большие силы, чем стоявшие под Смоленском. Поэтому следовало принять все меры для того, чтобы пополнить войска, несколько перегруппировать измотанные силы и не просто наступать на Москву, а захватить ее каким-либо другим образом. В связи с такой обстановкой исключалась переброска 3-й танковой группы на север.

Советский офицер: Чем был вызван поворот на юг 2-й танковой группы Гудериана и 2-й армии?

Паулюс: Решающим направлением была Москва. С этого направления 2-я армия была брошена на юг, причем мыслилась какая-то диверсия.

Это произошло исходя из двух причин:

Прямая атака на Москву, после выхода группы армий «Центр» к Смоленску не могла быть произведена по той причине, что с юга следовало ожидать удара сильной группировки советских войск. Случилось это потому, что группа армий «Юг» потеряла темп и ее продвижение отставало от запланированного. Группа армий «Юг» встретила сильное сопротивление под Киевом... Создалась необходимость либо усиления этой группы армий, либо ускорения ее продвижения. В связи с этим планировался поворот на юг двух армий... После этого предполагалось перебросить танковые силы на московское направление, в том числе и часть сил 1-й танковой группы.

Интересно было то, что поворот этих двух армий на юг был предложен не главным командованием сверху, а самими армиями, которые обосновывали это тем, что их дальнейшее продвижение на восток является трудно выполнимой задачей, т.к. им все время будет угрожать противник с юга.

Основываясь на этом, 2-я танковая группа и 2-я армия предложили провести удар на юг; окружить находящиеся там русские войска и затем ввести общие силы на прежнее — московское направление. Однако, проведение такого маневра привело к большой потере времени, вследствие чего начавшееся в октябре наступление на Москву совпало с периодом распутицы и его темп оказался сорванным.

Советский офицер: Как оценивало немецкое командование обстановку в конце сентября, перед наступлением на Москву?

Паулюс: Немецкое главное командование считало, что сил для того, чтобы предпринять атаку в общем направлении на Москву имеется вполне достаточно. Мыслился не прямой захват Москвы, а обход с юга и с севера, причем имелось ввиду, что русские окажут здесь самое ожесточенное сопротивление.

Но выполнению этого плана помешала наступившая распутица... Произошел конфликт между командованием вооруженных сил и командованием сухопутных войск. ОКВ требовало продвигаться вперед, не взирая на то, что приближается зима.

ОКХ не придерживалось этого взгляда, ибо оно считало, что к зимнему наступлению немецкие войска не были приспособлены, не имели соответствующего опыта ведения боевых действий в условиях зимы. Не было приспособлено к зиме немецкое вооружение и снаряжение. Поэтому командование сухопутных войск считало целесообразным остановиться на зиму на достигнутой линии.

В начале сентября командование сухопутных войск не протестовало против наступления, но когда в ходе наступления началась распутица, командование сухопутных войск приказало приостановиться. Поскольку до начала зимы Москва не могла быть захвачена, то дальнейшее наступление не стоило проводить. Однако, ОКВ настоятельно требовало продолжать наступление даже в зимних ус-

ловиях. Это вызвало противоречия среди офицерского состава и войск...

Задачи групп армий «Север» и «Юг» [в октябрьском наступлении] были связаны с действиями группы армий «Центр» в том смысле, что группы армий «Север» и «Юг» создавали фланговое прикрытие, отвлекали на себя силы и облегчали выполнение задачи группы армий «Центр» ...

Переводчик капитан Глаголев

Стенограф Лапшина

Редактор полковник Кравцов

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1—14. Перевод с немецкого.

Документ №4

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СВОДОК О ПОЛОЖЕНИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ АРМИЙ ВОСТОКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ ЗА ОКТЯБРЬ 1941 г.

ОКХ, Генштаб, оберквартирмейстер

Штаб-квартира

Отдел по изучению иностранных

армий Востока

Сводка № 113 от 6 октября 1941 г.

Положение противника на 6.10.1941, 5-й день наступления, складывается следующим образом:

1. Перед группой армий «Центр»:

1) Фронт обороны противника прорван в трех местах. Ожидается полное окружение и уничтожение около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма. Сила сопротивления противника стала слабее, чем раньше. Все в больших масштабах вырисовываются явления разложения...

3) К югу и северу от участка наступления группы армий «Центр» находятся две русские группы, не подвергающиеся в настоящее время атакам...

4) В ходе боевых действий войск группы армий «Центр» выяснилось, что большая часть десяти дивизий резервных армий [советских] уже введена в бой. Вероятно, они прибыли на фронт до начала наступления для замены измотанных соединений...

За последние дни усилились транспортные передвижения со стороны Белополье и Ярославль к Москве... По опыту предыдущего периода можно ожидать появления неизвестных пока соединений. Но едва ли их будет много, т.к. нехватка вооружения не позволяет противнику одновременно формировать много соединений...

Б. ГА «Центр» ...Восточнее Смоленска противник начал отход на восток, осознав безнадежность своего положения. Теперь, когда кольцо вокруг противника под Вязьмой сужено до 20 км, следует ожидать попыток прорыва в восточном направлении, усиления сопротивления перед флангами охвата и усиленного движения на западном фланге...

Перед флангом охвата 4-й армии противник разбит и не оказывает серьезного сопротивления. Отдельные вражеские части пытаются прорваться из окружения на север и северо-восток. На участке 7-го армейского корпуса противник сражается отдельными разрозненными группами, в которых все чаще появляются явления деморализации. На участках 20-го и 9-го армейских корпусов противник под прикрытием арьергардов отходит на северо-восток.

9-я армия: на южном фланге противник отходит на восток. На участке 8-го армейского корпуса он еще оказывает сопротивление...

На фронте 3-й танковой группы прорван Днепровский рубеж восточнее Дернова. Противник отброшен за р. Вазуза. При этом в бой были брошены последние соединения

32-й резервной армии (13 сд и 18 сд, кроме того 2-я сталинская дивизия) ...

Сводка № 114 от 7 октября 1941 г.

... Б. Группа армий «Центр»

Закрывается кольцо вокруг противника западнее Вязьмы. Окруженные силы противника — около 45 соединений, боевой силой 30 дивизий — должны быть уничтожены. Противник обороняется разрозненными боевыми группами. Несмотря на это, в ближайшие дни следует ожидать усиления давления по восточному фронту окружения, с направлением главного удара по обе стороны Вязьмы. Под Брянском почти завершено окружение трех армий. Перед флангами группы армий «Центр» противник начинает отходить. Подтягивание крупных сил к фронту или флангам группы армий «Центр» 7.10 установлено не было...

4-я армия: В котле установлено интенсивное отступательное движение в северо-восточном направлении. Почти повсеместно заметно ослабление боевой мощи противника. За Дорогобуж еще идут упорные бои. Под Волочек противник, прикрывая отход, оказывает упорное сопротивление...

Сводка №115 от 8 октября 1941 г.

Создается впечатление, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы. В котле южнее Брянска усиливается давление противника в юго-восточном направлении в районе Суземка. Перед северным флангом противник, видимо, намерен отступить до рубежа р. Волга...

Силы противника, окруженные перед 4-й и 9-й армиями, оказывают, если не считать отдельных контратак, лишь локальное сопротивление...

Сводка №116 от 9 октября 1941 г.

Брянский котел закрыт. Из него и из Вяземского котла противник предпринимает попытки прорыва в восточном

направлении. Слабыми силами, действующими в основном вблизи главных дорог, противник пытается сдержать продвижение передовых частей. Сведений о переброске крупных сил с востока или с участков других фронтов пока не поступало...

По показаниям военнопленных противник располагает в районе Москвы, лишь частями НКВД и милиции (артиллерии нет, тяжелого вооружения мало) ...

2-я танковая армия: Силами 4-й танковой бригады, оснащенной тяжелыми танками, противник пытается сдержать продвижение наших войск к Туле. Оказавшийся отрезанным в котле южнее Брянска, противник оказывает сильное давление прежде всего на восток и юго-восток. Противник, который по показаниям военнопленных, почти не располагает продовольствием видимо пытается прорваться в направлении на Орел.

2-я армия: Севернее Брянска (в районе Дядьково — ст. Цементный — ст. Судимир) оказалась сдавленной 50-я русская армия в составе частей семи дивизий. Она пытается через леса уйти на восток.

Перед восточным флангом 4-й армии еще держатся слабые группы противника на участках вблизи важных дорог, а также на восточном берегу р. Жиздра, по обе стороны Козельска и западнее Калуги, у автомагистрали под Гжатском — части трех дивизий. Этими силами противник, вероятно, будет пытаться замедлить дальнейшее продвижение наших войск. Подтягивание новых сил с востока не наблюдалось, напротив, воздушной разведкой установлено интенсивное движение в тыл по железной дороге (в т.ч. и воинских эшелонов) и движение мотоколонн по автомагистрали в направлении Москвы.

Силы противника, окруженные в котле западнее Вязьмы, под прикрытием арьергардных частей пытаются прорваться на восток...

Сводка №117 от 10 октября 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Из обоих котлов противник продолжал вести упорные атаки с целью прорыва на восток. На московском направлении противник бросает в бой все имеющиеся резервы, главным образом отдельные батальоны и полки, а также прочие гарнизонные войска. Пока отмечено лишь несколько целых соединений. Силы, отведенные с фронта южнее цепи озер, используются как для создания новой оборонительной группировки в районе Ржева, так и для непосредственного прикрытия Москвы.

2-я танковая армия: Противник, окруженный южнее Брянска и сегодня продолжал оказывать давление в юго-восточном и южном направлении, главный удар наносился по участку 293 пд. По показаниям пленных, здесь прорывались на юг через шоссе части 13-й армии. Положение восстанавливается...

Перед восточным фронтом 4-й армии противник у главных дорог усиливается отдельными батальонами и полками, а также курсантами военного училища. Единственным целым соединением является 17-я танковая бригада, появившаяся под Медынью. Пока подтверждается предположение, что противник больше не имеет крупных резервов...

Сводка №118 от 11 октября 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

...Под Медынью прорвано внешнее кольцо обороны вокруг Москвы...

...Силы противника, окруженные западнее Вязьмы, продолжают ожесточенные попытки прорыва, главный удар наносился южнее Вязьмы. Количество пленных постоянно растет.

Сводка №119 от 12 октября 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Основные усилия в обороне противник сосредоточил вдоль ведущих к Москве дорог, здесь он ввел в бой новое подкрепление (запасные части, пополненные фронтовые

соединения, силы, переброшенные с фронта группы армий «Север», строительные батальоны, гарнизонные части) ...

Перед восточным фронтом 4-й армии сопротивление противника под Калугой, по обе стороны шоссе и восточнее Гжатска вновь усилилось в результате ввода в бой трех вновь пополненных соединений (107 сд, частей 312 сд и 313 сд) ...

Сводка №121 от 14 октября 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Противник, окруженный войсками 4-й и 9-й армий западнее Вязьмы полностью уничтожен. Четыре советских армии в составе около 40 стрелковых и 10 танковых дивизий или уничтожены, или пленены.

По предварительным подсчетам взято в плен свыше 500.000 чел., захвачено 3.000 орудий, 800 танков, много другой военной техники. Близиться к завершению уничтожение 50-й русской армии северо-восточнее Брянска, 3-й и 13-й армий — южнее Брянска...

Перед восточным флангом 4-й армии общая обстановка не изменилась. Местами противник продолжает упорно обороняться. Всего на участке от Козельска до Рузы находится, видимо, 4—5 стрелковых дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 4 танковых бригады. По показаниям военнопленных, все строительные части были сняты с фронта для строительства укреплений непосредственно вокруг Москвы.

Перед 3-й танковой группой и северным флангом 9-й армии в районе прорыва войск группы, противнику был отрезан отход на восток из района Ржева, поэтому он повернул на север и отходит в направлении Торжок. Отдельные вражеские части атакуют южнее Ржева, западнее Зубцова и западнее Старицы...

Сводка № 122 от 15 октября 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Противник, окруженный войсками 2-й танковой армии и 2-й армии, продолжает осуществлять попытки прорыва и оказывает упорное сопротивление. На юго-восточном фланге положение противника не изменилось. Воспользо-

вавшись замедлением нашего продвижения к Москве в результате неблагоприятных погодных условий и состояния дорог, противник усиливает оборону вдоль главных дорог и особенно вдоль автострады. Перед северным флангом сломлено сопротивление противника под Ржевом. Противник отступает в северо-восточном направлении...

Перед восточным флангом 4-й армии усиливается сопротивление противника вдоль главных дорог. На участке 57-го моторизованного корпуса на шоссе Малоярославец—Москва появились сверхтяжелые танки, вероятно только что изготовленные. Западнее Можайска, где противник на укрепленных позициях обороняется особенно ожесточенно, появилась 32 сд, переброшенная с Дальнего Востока.

Упорной обороной и мощными контратаками при поддержке танков противник сдерживает наше наступление на Москву.

ОКХ, Генштаб, Отдел по изучению
иностраных армий Востока
по поручению подписал Кинцель

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 181—258. Перевод с немецкого.

Документ №5

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ 9-Й НЕМЕЦКОЙ АРМИИ В ШТАБ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1941 г. С ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ОБСТАНОВКЕ СЛОЖИВШЕЙСЯ В РАЙОНЕ КАЛИНИНА.

Штаб 9 А 29 октября 1941 г.
Телеграмма в штаб 1 а №4211/41 Сов. секретно
группы армий «Центр»

9-я армия, уничтожая противника юго-восточнее, юго-западнее и западнее Калинина, перестраивается на обо-

рону в общем направлении: Волжский бассейн, расширенный плацдарм у Калинина — по течению рек Тьма и Ильяка от участка западнее Савино до Карцево—Успенская — по течению реки Б. Коша до района Талица.

Все силы армии, после выделения двух пехотных дивизий в качестве резерва, в количестве девяти пехотных дивизий на общей ширине фронта примерно 200 км используются на оперативном оборонительном фланге и для других целей использованы быть не могут. Огромный участок фронта служит постоянным источником опасности. Оба недостатка можно было бы уменьшить или даже совсем ликвидировать, если бы южный фланг 16-й армии продвинулся минимум до восточной окраины большой лесистой местности восточнее Осташкова или во взаимодействии с 9-й армией — до линии Калинин—Вышний Волочек...

Как предполагает командование 9-й армии, значительные силы противника...находившиеся до сих пор перед южным флангом 16-й армии, отошли на восток...

Штаб 9 А. 1 а №4211/41 Сов. секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 62. Перевод с немецкого.

Документ №6

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПЛАНА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» В НАПРАВЛЕНИИ НА МОСКВУ В НОЯБРЕ 1941 г. (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО СОСТАВЛЕН МЕЖДУ 10 И 14 НОЯБРЯ 1941 г.)

План группы армий

Учитывая положение со снабжением, возобновление наступления на фронте 4-й армии не произойдет раньше 18 ноября.

Лишь на левом крыле армии усиленный 5-й армейский корпус должен находиться наготове к тому, чтобы по при-

казу штаба группы армий занять возвышенность у Теряево через день после начала операции «Волжское водохранилище».

9-я армия имеет приказ самое позднее 15 ноября — ожидается сносная погода — осуществить операцию «Волжское водохранилище». Первой целью наступления является р. Лама и переправы через юго-западную оконечность Волжского водохранилища. Дальнейшая цель: овладеть дорогой Теряево—Клин—Завидово...

Там, где сопротивление противника на фронте ослабевает, следует наносить удар, независимо от вышеуказанных сроков...

2-я танковая армия: как только будет возможно — продолжить наступление на северо-восток. Задача 2-й армии остается без изменений.

Штабу 2-го воздушного флота была выражена просьба использовать временное эшелонирование наступательной операции для массированных действий по возможности крупных сил ВВС перед участками наступления.

Командующий группой армий «Центр» фон Бок

ЦАМО Ф.500. Оп.12462. Д.572. Л.52. Перевод с немецкого

Документ №7

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРИКАЗОВ КОМАНДОВАНИЯ ДИВИЗИИ СС «РАЙХ» ОТ 17 И 18 НОЯБРЯ 1941 г. О НАСТУПЛЕНИИ НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Дивизия СС «Райх» командный пункт
командиру полка «Дер Фюрер» 17 ноября 1941 г.
командиру полка «Дойчланд» 7 ч 00 мин

Приказ по дивизии на наступление

1. Противник обороняется на участке восточнее, севернее и южнее Озерной. Во время многочисленных атак, которые он вел частично со стороны предмостного укрепления

ния западнее Городище, частично широким фронтом в полосе дивизии СС «Райх», противник понес тяжелые потери в живой силе и технике. Необходимо рассчитывать на его упорное сопротивление, а также на контрудары танков.

Вторая оборонительная полоса проходит по ручью Молодильня. О расположенных там частях ничего не известно...

2. Группа Гейера (9 АК, 40 МК) наступает в составе 4-й танковой группы через Истру с целью окружения Москвы. 9 АК — начинает наступление 19 ноября по дороге Подкорино — Истра и южнее.

10 тд (40 МК) начинает наступление 18 ноября через Скирманово для захвата Буланино.

3. Дивизия СС «Райх» прорывает 18 ноября позиции противника по реке Озерна на участке Городище—Слобода и первой среди наступающих частей достигает Никольского. Затем вместе с частями 10 тд она прорывается в направлении Бели и, насколько будет позволять состояние дорог, дальше на Будково до шоссе Истра-Новопетровское...

5. Полк «Дер Фюрер» ... 17.11.1941. настолько продвигает свои посты охранения в сторону вражеского укрепления западнее Городище, чтобы главные силы полка смогли занять исходные позиции к наступлению восточнее просеки 1,5 км западнее Городище. С этих исходных позиций полк начинает наступление на Городище 18.11.1941. в 6.00...

6. Полк «Дойчланд» занимает позиции за подразделениями охранения полка «Дер Фюрер» юго-восточнее Лысково так, чтобы в 6.00 он мог перейти р. Озерна. Главные силы полка наступают вдоль северной опушки леса южнее д. Слобода и ускоренными темпами достигают района южнее свх. Бородечны. Подразделения должны уничтожить противника в районе д. Слобода... Следующая цель наступления Никольское...

14. Частям, непосредственно следующим за наступающей пехотой, вести проверку жителей всех занятых на-

селенных пунктов с целью задержания подозрительных личностей. Вследствие все расширяющейся шпионской деятельности, следует беспощадно поступать со всеми лицами, не проживающими в данных населенных пунктах...

Командование дивизии СС «Райх»

подпись неразборчива

Дополнение к приказу командования дивизии СС «Райх» о наступлении на московском направлении

Дивизия СС «Райх» командный пункт

командиру полка «Дер Фюрер» 18 ноября 1941

командиру полка «Дойчланд» 13 ч 30 мин

1. Наступление дивизии СС «Райх» переносится на 19.11.1941 г. (предварительно сообщено по телефону).

командование дивизии СС «Райх»

подпись неразборчива

ЦАМО Ф.500. Оп.12462. Д.380. Л.14—17, 23. Перевод с немецкого

Документ №8

ДИРЕКТИВА ОКВ О ЦЕЛЯХ НАСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ОТ 20 НОЯБРЯ 1941 г., ПЕРЕДАННАЯ ПО ТЕЛЕГРАФУ ИЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В ШТАБ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»

Телеграмма 20.11.1941.
ОКХ, Генштаб 1 ч 00 мин
Группе армий «Центр»

В ОКХ поступила нижеследующая директива ОКВ:

«Целью операции на северном фланге группы армий “Центр” должно быть уничтожение противника в районе г. Клин путем двустороннего охвата. Для этого северный фланг действующих здесь моторизованных войск по достижению дороги Клин — изгиб р. Волга восточнее ст. Редькино должен быть повернут на восток, в то время, как силы,

наступающие южнее, продвигаясь сначала к востоку через Истра в направлении Солнечногорска, содействовали успеху наступления северной группировки. Обеспечение этой операции с востока должны взять на себя другие моторизованные соединения (например, смененные под г. Калинин).

По завершению этой операции, путем взаимодействия сил, участвующих в наступлении на обоих флангах, прорвать фронт пояса обороны Москвы по обеим сторонам автомагистрали.

Наступление в направлении Ярославля предполагается в том случае, если после завершения этой наступательной операции по прорыву пояса обороны Москвы в распоряжении будет иметься достаточное количество сил».

Согласно устному разъяснению фюрера, такое разделение общей операции на несколько двусторонних охватов должно дать возможность окончательно уничтожить ряд вражеских соединений и помочь избежать того, что противник в результате нашего наступления будет лишь оттеснен с потерями...

ОКХ, Генштаб сухопутных войск
оперативный отдел
№ 1652/41 сов. секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 155. Перевод с немецкого.

Документ №9

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДОВАНИЯ 3-Й ТАНКОВОЙ ГРУППЫ № 31 ОТ 24 НОЯБРЯ 1941 Г. О ЗАДАЧАХ ГРУППЫ В ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА МОСКВУ

Телеграмма из командный пункт
штаба 3-й танковой группы 24 ноября 1941.

1. ... Применяя в большом количестве мины на путях и дорогах и в особенности в населенных пунктах, противник

продолжает упорно сопротивляться. Следует рассчитывать на попытку противника построить новую линию сопротивления Истра — Солнечногорск — южнее Дмитрова — канал Москва-Волга. За каналом он опять попытается перейти к обороне. Однако полевые укрепления здесь неглубокие.

2. 4-я армия: вместе с подчиненной 4-й танковой группой наступает северным флангом восточнее Истринского бассейна в южном и юго-восточном направлении, с целью разрушить фронт противника перед центром наступления группы...

3. 3-я танковая группа для защиты северо-восточного фланга 4-й армии продвигается к каналу Москва-Волга в район Яхрома—Дмитров...

4. Задачи:

56 АК ... очищает район западнее Клина и, охраняя дорогу Спас-Заулок Клин, продвигается к Дмитрову.

41 АК ... на стыке с 9-й армией охраняет дорогу от бассейна — до Спас-Заулок. Охрана района до Клина будет принята после подтягивания новых сил...

Штаб 3-й танковой группы
оперативный отдел
подпись неразборчива

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 57—58. Перевод с немецкого.

Документ №10

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СВОДОК О ПОЛОЖЕНИИ НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ АРМИЙ
ВОСТОКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК
ГЕРМАНИИ ЗА ДЕКАБРЬ 1941 Г.

ОКХ, Генштаб, оберквартирмейстер
Штаб-квартира

Отдел по изучению иностранных
армий Востока

Сводка № 175 от 7 декабря 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»:

На юго-восточном фланге 2-й армии противник сосредоточил кавалерию, переброшенную из Воронежа. Значительных успехов добились русские на восточном фланге 2-й танковой армии. С неснижающимся упорством противник атакует на участке 4-й армии.

3-я танковая группа:

На правом фланге и центральном участке фронта танковой группы противник лишь преследует наши отходящие части, сосредоточив основные усилия на центральном участке и левом фланге 36 мд. Ему удалось расширить достигнутое вчера вклинение между Рогачево и Волжским водохранилищем.

9-я армия:

В результате сильной атаки противника... нами оставлены н.п. Коленовка и Мокрая Починя. Кроме частей пяти уже известных соединений, в боевых действиях принимали участие части 262 сд и двух стрелковых полков...

Сосредоточение крупных ударных сил, массированное использование авиации, артиллерии и танков позволяет сделать вывод о подготовке противника к попытке осуществить наступление с целью деблокирования Московского участка фронта. По показаниям пленных, русское командование планирует прорыв нашего фронта на участке между Москвой и Калининым, чтобы иметь возможность ударить в тыл нашим частям (в направлении на Клин) ...

Сводка № 176 от 8 декабря 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Русские продолжают бои на прорыв по обе стороны Волжского водохранилища.

Исходя из обстановки на южном фланге, складывается впечатление, что противник подтягивает свежие силы к правому флангу 2-й армии и к г. Елец. На восточном фланге

2-й танковой армии крупные силы противника преследуют наши отходящие части. В остальном значительных изменений в обстановке противника нет...

Сводка № 178 от 10 декабря 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Намерения противника заключаются в следующем: продолжая наступательные действия, расширить участки прорыва в полосе 2-й армии, 3-й танковой группы и 9-й армии.

Это намерение подтверждается обращением Члена Военного Совета Западного Фронта к войскам, где ясно выражен призыв продолжить операции «для окончательного разгрома фашистов вплоть до уничтожения последнего солдата». Для этого в бой вводятся все имеющиеся в наличии резервы, в т.ч. соединения, сформированные восточнее р. Волга...

Сводка №189 от 21 декабря 1941 г.

...Б. Группа армий «Центр»

Учитывая испытываемый нами недостаток сил и средств, противник в ходе начавшегося наступления на широком фронте приступил к созданию ударных группировок для последующего использования их на наиболее важных в тактическом отношении участках. Для создания ударных группировок, вероятно, используется часть дивизий, предназначенных для формирования в тылу резервной армии. С непрекращающимся упорством продолжаются атаки на наиболее важных в тактическом отношении участках. Ожидается дальнейшее усиление противника за счет вновь подтянутых соединений...

ОКХ, ГШ, Отдел по изучению
иностраных армий Востока
подпись неразборчива

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 539. Л. 96—97, 106, 121—122, 214. Перевод с немецкого.

Документ №11

ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ КОМАНДУЮЩЕГО 4-Й
ТАНКОВОЙ ГРУППОЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ГЕПНЕРА ОТ
21 ДЕКАБРЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩЕМУ ГРУППОЙ АРМИЙ
«ЦЕНТР» О ПОЛОЖЕНИИ НЕМЕЦКИХ СОЕДИНЕНИЙ ПОСЛЕ
ПРИКАЗА ФЮРЕРА УДЕРЖИВАТЬ ЗАНИМАЕМЫЕ ПОЗИЦИИ

Телефонограмма от командования 21 декабря 1941 г.
4-й танковой группы 14 ч 30 мин

После приказа фюрера я вновь должен указать на серьезное положение моих войск, которые уже больше пяти недель ведут наступательные и оборонительные бои и, не имея убежищ и оборонительных позиций, сражаются с численно превосходящим противником. Соединения армии слева и справа не столкнулись с таким объемом трудностей.

Боевая численность сократилась настолько, что одна дивизия может приравняться к одному усиленному батальону. Особенно неблагоприятно сказывается недостаток командиров.

При такой обстановке удержать неподготовленную, проходящую по свободной территории линию обороны, как это имеет место на участках 46 МК и 5 АК, не представляется возможным и здесь ничего не может изменить и самый строжайший приказ, если он не подкрепляется резервами и достаточным снабжением. Длительное недостаточное снабжение горючим привело к тому, что войска были вынуждены уничтожать оружие и транспортные средства. Недостаток боеприпасов затрудняет оборону в невыносимой мере, хотя артиллерия, слабая уже сама по себе, является единственной защитой измотанных боями войск. Серьезность этого положения должна быть полностью осознана.

Требуемое фанатическое сопротивление не под силу безоружным войскам.

Как я предполагал и уже докладывал, усиленные атаки ведутся в настоящее время в центре 5 АК северо-западнее Волоколамска.

Приказы сверху связывают мне руки в руководстве своими войсками. Что произойдет если фронт будет прорван на одном или нескольких участках?

Я прошу поставить меня в известность о крупных оперативных планах.

Гепнер
4-я танковая группа
1 а № 3086/41 сов. секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123. Перевод с немецкого.

Документ №12

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ШТАБА 2-Й АРМИИ В ШТАБ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» С ИЗЛОЖЕНИЕМ ВОЗМОЖНЫХ ПРИЧИН ОТХОДА АРМИИ С РУБЕЖА КУРСК—ОРЕЛ В ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1941 г.

Из штаба 2 А 30 декабря 1941 г.
в штаб ГА «Центр»

Причины, возможные для отхода 2-й армии с рубежа Курск—Орел в западном направлении:

1. Отход армии может признан необходимым: или в случае прорыва фронта армии, при невозможности его восстановить, или по приказу, отданному на основании развития обстановки на фронте 2 А, или из-за того, что в районе севернее фронта 2 ТА образуется разрыв фронта...

3. Отход должен продолжаться примерно до рубежа р. Зуша—Глухов—Трубчевск. Только на этом рубеже армия сможет опять снабжаться... Далее на восток это было бы

уже невозможно. Недостатком этого рубежа является отсутствие естественных преград.

В качестве долговременного рубежа удобней был бы рубеж Белополье—Кролев и далее вдоль течения р. Десна...

5. Отход пяти дивизий по дороге, которая проходит южнее и параллельно шоссе Орел—Брянск... должен продолжаться около 15 дней. Столько же времени должен длиться и отход такого же числа дивизий, отходящих на запад через Курск.

Командование колоннами на марше и отрыв частей от противника возможны только при условии ясно поставленных целей отхода. Речь идет о том, что если противник прорвется на фронте между Орлом и Курском и этот прорыв нельзя будет ликвидировать или того потребует обстановка на других участках фронта, [необходимо] своевременно отдать приказ на отход, не ожидая того, что увеличивающийся нажим противника сломает оборону армии и создаст угрозу окружения ее частей.

Штаб 2 А
оперотдел № 709/41 сов. секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134 Л. 71. Перевод с немецкого.

Документ №13

ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ШТАБА 9-Й АРМИИ В ШТАБ
ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» ОТ 16 ЯНВАРЯ 1942 г. С ТЕКСТОМ
ДОНЕСЕНИЯ ШТАБА 3-Й ТАНКОВОЙ АРМИИ О ПОЛОЖЕ-
НИИ ЕЕ СОЕДИНЕНИЙ

Телеграмма штаба 9 А 16 января 1941 г.

В штаб ГА «Центр» 5 ч 10 мин

Представляем донесение штаба 3 ТА, содержание которого в равной степени относится ко всем корпусам.

«...Штаб 27 АК доносит:

Корпус удерживает... линию и будет ее дальше удерживать. Но предпосылкой для этого является регулярное снабжение дивизий достаточным количеством боеприпасов (особенно для артиллерии), тяжелым оружием за место выбывшего и, наконец, прибытие достаточного количества пополнения пехоты.

Начиная с 5.12.1941 г. войска непрерывно ведут тяжелые оборонительные бои. Боевой состав и физические силы иссякают и уже достигли внушающего опасения уровня. Даже при теперешней спокойной обстановке на фронте, ежедневные потери от воздействия противника и от морозов требуют неперемennого восполнения. К тому же участки дивизий становятся все длиннее. Смена пехоты и ее отдых просто невозможны, но срочно необходимы. К тому же пехота делает нечеловеческие усилия, а требования становятся все большими... За эти недели она доказала, что и сегодня она в состоянии сохранить превосходство перед противником и отразить его натиск. Но этому однажды придет конец, т.к. просто не будет пехоты. Конечно, в настоящее время главные бои происходят в других местах, и это видят и в войсках. Но как ответственный командир, я считаю своим долгом вновь высказать просьбу выделить пополнение пехоты в достаточном объеме и как можно скорее и в достаточном объеме снабжать корпус боеприпасами.

Если не будут приняты никакие меры помощи, в войсках может создаться мнение, что для них ничего не делается. Для штаба корпуса невыносимо предъявлять к войскам все новые требования, а самому стоять с пустыми руками и утешать... В конце концов, от этого пострадает доверие к командованию» ...

Штаб 3 ТА, 1 а № 140/42 сов. секретно

Штаб 9 А, 1 а № 125/42 сов. секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 72—73. Перевод с немецкого.

Документ №14

ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ШТАБА 9-Й АРМИИ В ШТАБ
ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» С ИЗЛОЖЕНИЕМ ПЛАНА НАСТУ-
ПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ЛИКВИДАЦИИ БРЕШИ ЗАПАДНЕЕ РЖЕВА
ОТ 17 ЯНВАРЯ 1942 г.

Телеграмма 17 января 1941 г.
из штаба 9 А 22 ч 15 мин
в штаб ГА «Центр»

...2. Наступление с целью ликвидации бреши западнее
Ржева планируется вести следующим образом:

21.01.1942. Наступление 59 АК... из района Сычевки на
северо-запад в направлении Осуйское с целью сузить рай-
он прорыва, ударить во фланг противнику, отклонить его
от Ржева и сковать его силы.

Одновременно должны быть высвобождены наши час-
ти, охраняющие железную дорогу севернее Сычевки, что-
бы они могли присоединиться к наступлению в северо-за-
падном направлении.

22.01.1942. Наступление группировки 6 АК... с задачей
выйти на линию Калиниша—Букавино—Никольское.

22.01. 1942. Наступление ударной группировки 23 АК...
из района Зайцево и южнее дороги на Ржев с целью выйти
на линию ...западнее Никольское — р. Волга.

6 АК, отбросив противника, развернуть фронт на се-
вер и восстановить связь с наступающими к Волге частя-
ми 23 АК. Главные силы наступающей группировки 23 АК
продолжат наступление в общем юго-восточном направ-
лении. В зависимости от складывающейся обстановки, к
этому наступлению в южном направлении присоединять-
ся высвобожденные части 6 АК с целью постепенно уста-
новить связь с Сычевской группировкой. Пока нельзя пре-

дотвратить возможность ухода главных сил противника в западном и юго-западном направлениях.

Штаб 9 А
1 а № 151/42 секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 62—63. Перевод с немецкого.

Документ №15

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 1942 г. ОБ ОБСТАНОВКЕ И БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПО ЛИКВИДАЦИИ БРЕШИ МЕЖДУ 4-Й ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ И 4-Й АРМИЕЙ

ГА «Центр» Штаб-квартира
Оперативный отдел. 3 февраля 1942 г.
Донесение 329/42 секретно 20 ч 40 мин
Промежуточное донесение

...Командование 4-й армии доносит:

...12 АК... После упорного боя, 17-я дивизия заняла н.п. 1 км юго-западнее Канашино и установила связь с 4 ТА. Продолжается атака на сильного противника, занимающего Фролово.

12 АК: 17-я дивизия будет в течение ночи усилена частями 268-й и 98-й дивизий. 17 дивизия продолжит атаки в направлении Колодези...

Командование 4-й танковой армии доносит:

В полосе 20 АК, несмотря на тяжелые условия погоды, 20 тд развивала наступление к югу, преодолевала сильное сопротивление противника, заняла Мамуши и установила связь с 17-й дивизией в районе 2,5 км юго-восточнее Мамуши. Дорога Ивановское—Орехово находится в наших руках. Наступление 183-й дивизии незначительно продвинулось вперед...

Юго-западнее Вязьмы противник, обойдя юго-западный фланг 5 тд в районе юго-восточнее Подрезово и в районе Молошино, продвигается в направлении дороги Вязьма—Семлево. Сведений о численности противника не поступало... Части дивизии после полудня приступили к окружению противника в районе Дашковка. Автострада Вязьма—Смоленск открыта для двустороннего движения...

ГА «Центр». Оперативный отдел. донесение 329/42 секретно

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 57—68. Перевод с немецкого.

Документ №16

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ШТАБА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» В ГЕНШТАБ ОКХ ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 1942 г. С ОЦЕНКОЙ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОТИВНИКА КОМАНДОВАНИЕМ 4-Й ТАНКОВОЙ АРМИИ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ РАЗРЫВОВ В НЕМЕЦКОМ ФРОНТЕ

Штаб ГА «Центр» 3 февраля 1942 г.
Донесение о положении противника

1. Положение противника в целом: ...

В. ГА «Центр»

Перед восточным фронтом группы армий противник малоактивен. Имеют место лишь локальные атаки с целью сковать наши силы.

Перед 2 ТА противник выдвигает пехоту для атаки против глубокого западного фланга 53 АК. Наши войска, окруженные в Сухиничи, деблокированы. В районе Сухиничи находится штаб 16-й русской армии, принявший командование над 10-й армией, находящейся в этом районе.

Продолжается натиск противника на южный участок фронта 4 А южнее Юхнова и на шоссе. В полосе 9 А рус-

ским удалось осуществить прорыв на участке 27 АК под Печурино и Вошино.

Складывается впечатление, что для нанесения более сильного удара в этом районе у русского командования недостаточно войск. Северо-западнее Ржева боевые действия ведет 30-я русская армия. Центр тяжести боевых действий сосредоточен на шоссе Ельцы—Ржев.

39-я русская армия, находящаяся западнее линии Сычевка—Ржев и не имеющая связи с войсками, действующими севернее, и части 29-й армии под натиском наших войск с тяжелыми боями отходят на северо-запад. Речь идет о частях и остатках 15 стрелковых дивизий и 5 кавалерийских дивизий. Подвижные силы этих армий — 18 кд и 24 кд в долине р. Вязьма атакованы в направлении шоссе Вязьма—Смоленск...

4 ТА: Южный фронт: Силами 43-й и 33-й советских армий нанесен удар в брешь, образованную между 4 А и 4 ТА. Продолжительное время брешь не была ликвидирована. Цель удара подтянуть значительные силы в тыл танковой армии. Общее направление удара — Вязьма. Перед южным фронтом 4 ТА действовали 338 сд и 113 сд. В ходе боев эти дивизии были отведены через брешь в ближайший тыл юго-восточнее Вязьма...

Противник сосредоточил в прорыве перед 4 А около 8 стрелковых дивизий, 2—3 стрелковые бригады и 1 танковую бригаду...

Восточный фронт: ... В брешь между 4 А и 4 ТА в район Дрожжино—Лосьмино введены 338 сд и 113 сд. Предварительно в этот район был сброшен парашютный десант (части 8 вдбр), главная задача которого состояла в привлечении гражданского населения к партизанскому движению или в вербовке в регулярные части. Похоже, что эта задача в основном выполнена.

Район юго-западнее Вязьмы: за последние две недели участились донесения о выброске парашютистов-десантников в районе южнее железной дороги западнее г. Вязьма...

Оценка положения противника (3 февраля 1942 г.)

...Конечной целью противника должно быть деблокирование войск, окруженных в Вяземском котле. С невероятной храбростью русские пробивались через узкие проходы, проделанные ими же в ходе боевых действий. Благодаря успешным действиям войск 9 А, 4 ТА, 4 А эти проходы удалось закрыть, а выдвинувшиеся части противника отрезать от их баз... из-за неблагоприятных условий юго-восточнее Вязьмы противник не смог подтянуть артиллерию.

Если в ходе новых ожидаемых атак противника нам удастся сохранить это отсечение, то отрезанные вражеские части попадут в тяжелое положение. Хотя некоторое время эти части могут еще держаться за счет продуктов, получаемых от местного населения, недостаток тяжелого оружия и боеприпасов постепенно снизит их боеспособность.

Целью этих частей противника может быть соединение с парашютным десантом, выброшенным в лесах юго-западнее Вязьмы. В условиях лесистой местности они будут представлять собой постоянную угрозу для наших тыловых коммуникаций, особенно железных и шоссейных дорог.

Северо-западнее Сычевки противник под натиском наших войск с боями отходит на северо-запад. Возможно, будет предпринята попытка соединения с войсками на западном фланге 9 А.

Части 18 кд и 24 кд по-прежнему находятся в лесах западнее Вязьмы, намереваясь перерезать нашу коммуникацию ударом с севера.

Подводя итоги, можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был смело осуществлен. Однако русское командование переоценило боевые способности своих солдат и недооценило боевые способности наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью

найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв...

За командующего танковой армией
начальник штаба (неразборчиво)
(генерал О. Реггигер. — М.М.)

ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Лл. 171—178. Перевод с немецкого.

Документ №17

ВЫДЕРЖКА ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ № 109 ОТ 5 АВГУСТА 1942 г., СОДЕРЖАЩАЯ ОТРЫВОК ПИСЬМА СОЛДАТА АЛОИСА ПФУШЕРА (П/П 11706 В) С ВОСТОЧНОГО ФРОНТА РОДИТЕЛЯМ В БАДЕН (ПИСЬМО ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 1942 г.)

ГлавПУ РККА 5 августа 1942 г.

7 отдел

«...На новый год я надеялся приехать в отпуск из Франции, но отпуска отменены и вместо родины я очутился в России.

Уже с 22.01.1942. мы ведем тяжелые ожесточенные оборонительные бои с сибирскими частями. Мы находимся в адском котле, и кто выберется отсюда с целыми костями, будет благодарить бога. Многие из наших товарищей убиты или ранены. Борьба идет до последней капли крови. Мы встречали женщин, стреляющих из пулемета, они не сдавались, и мы их расстреливали. Мы все страстно ждем весны, когда мы сможем начать наш последний марш. Мы надеемся, что в этом году война с Россией закончится. Ни за что на свете не хотел бы я провести еще одну зиму в России...»

ЦАМО Ф.6598 Оп.724438. Д.349. Л.32.

Документ №18

ВЫДЕРЖКА ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ № 100 ОТ 13 ИЮЛЯ 1942 г., СОДЕРЖАЩАЯ ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НЕИЗВЕСТНОГО ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА

ГлавПУ РККА 13 июля 1942 г.

7-й отдел

«Темы бесед, проводимых с солдатами

5.11.41. Взаимоотношение с населением оккупированных областей; Хранение тайны; Частные телефонные разговоры с Германией; Английские солдаты в районе расположения армии (часть находится во Франции. — *М.М.*).

24.12.41. Передвижением частей; Запрещение сообщать об этом в письмах; Пребывание среди гражданского населения (передислокация части на Восточный фронт. — *М.М.*).

3.01.42. Вражеская пропаганда; Ношение при себе писем на передовых позициях.

9.01.42: Запрещение пить сырое молоко и воду, есть сырые фрукты, опасность тифа.

Дополнительные темы:

Расхищение военного имущества;

Вражеская пропаганда;

Грабежи;

Охрана пленных;

Кража хлеба;

Кражи у товарищей;

Драки;

Желудочные больные обязаны нести службу и участвовать в боях;

Личные письма и рисунки должны уничтожаться;

Как вести себя в плену?»

ЦАМО Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 150—151.

Документ №19

ВЫДЕРЖКА ИЗ ОБЗОРА ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ НЕ-
МЕЦКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОДГОТОВЛЕННОГО РАЗВЕД-
ОТДЕЛОМ ШТАБА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА 21 МАЯ 1943 г.
С ТЕКСТОМ ПИСЬМА КОМАНДИРА 7-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
[ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»] ЗНАКОМОМУ ОФИЦЕРУ

«7-я пехотная дивизия, командир
в поле 27.08.1942.

Дорогой Геррелейн,

Надеюсь, Вы не будете на меня в претензии, если я за-
трону несколько вопросов, касающихся пехоты.

1. В условиях нынешней позиционной войны все сра-
жения стоят пехоте несоразмерно много крови, даже при
хорошо подготовленных операциях потери редко бывают
меньше 25 %. Не являются также редкостью потери — в 50
и более процентов в личном составе. Причина этому сле-
дующая:

а) Упорное сопротивление русских...

б) Недостаточная обученность пехотных командиров...

в) Неудовлетворительная подготовка людей...

г) Малочисленность подразделений, не дающая людям
возможности отдохнуть. Масса пехоты с июня 1941 г. со-
вершенно не знала передышки...

2...Плохое воспитание и обучение людей вынуждают
командира больше выставлять себя, чем требуется. А чем
больше убыль командиров, тем больше потерь личного
состава. Истребляется личный состав, который в дальней-
шем при его обучении и накоплении боевого опыта явля-
ется материалом для подготовки младших командиров. Та-
ким образом, потери командного и рядового состава пре-
вращаются в заколдованный круг.

С течением времени при таком положении дух пехо-
ты, твердо переносившей все испытания, может быть по-
колеблен...

В указанных боевых потерях я вижу решительную опасность для продолжения войны и, главным образом, для нации. Наш народ не обладает жизнеспособностью русского...»

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 365. Л. 82—83.

Документ №20

ВЫДЕРЖКА ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ № 109 ОТ 5 АВГУСТА 1942 г., СОДЕРЖАЩАЯ ДИРЕКТИВУ КОМАНДОВАНИЯ 2-Й ТАНКОВОЙ АРМИИ «СОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВОГО ДУХА ВОЙСК» (ДИРЕКТИВА ПОДПИСАНА 14 АПРЕЛЯ 1942 г.)

ГлавПУ РККА 5 августа 1942 г.

7-й отдел

Командование 2 ТА Штаб армии

4 в № 644/42 секретно 14 апреля 1942 г.

При сем командирам рассылается директива о «Сохранении здорового духа войск». Она должна приниматься за основу на совещаниях командиров и в совместной работе с войсковым врачом.

С подлинным верно

штабной врач подпись Шмидт

Сохранение здорового духа войск

Продолжительное пребывание в обстановке выживания, изнуряющей партизанской войны, малой войны с ежедневными жизненными неудобствами без явно выраженных успехов, без больших достижений — все это отражается на настроении солдат, особенно это заметно бывает при наличии какого-либо неожиданного неуспеха. Отношение солдат ко всему этому выражает их духовное состояние и указывает на степень их здорового настроения или на стремление иметь таковое...

Иногда можно услышать высказывания (и среди офицеров тоже): «мы хотим домой, с нас уже хватит». К примеру, вагоны для заразных больных были заняты офицером и его людьми со словами: «в конце концов, безразлично где мы подохнем».

Людям, находящимся на фронте и изнуренным в боях, большей частью присуще состояние бессилия; для частей, только что прибывших на фронт и впервые переживших тяжелый бой, характерна острая реакция страха, которая вызывает подобные настроения. Эти явления должны быть серьезно оценены... Необходимо взаимопонимание и тесная совместная работа командира подразделения и врача... В роте, где стремление к здоровому существованию сохраняется благодаря твердому воздействию командира роты, немногие захотят «заболеть» или сделаться слабым...

Чем продолжительнее будет война, тем труднее избежать огрубения и одичания нравов. В интересах сохранения боевой силы, в интересах сохранения дисциплины, войска должны сдерживаться в определенных рамках...

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 63—65.

Документ №21

ВЫДЕРЖКА ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ № 107 ОТ 31 ИЮЛЯ 1942 г., СОДЕРЖАЩАЯ ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСИ ДОПРОСА ЕФРЕЙТОРА Д. ИЗ 524-ГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА, 197-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ [ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»], ПОПАВШЕГО В СОВЕТСКИЙ ПЛЕН В ПОЛОСЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

ГлавПУ РККА 31 июля 1942 г.
7-й отдел

...Настроение солдат нельзя считать плохим, но его нельзя назвать хорошим, особенно у старых солдат, кото-

рые на Восточном фронте воюют уже второй год, да и кроме того, их осталось очень мало. Я потерял всех своих старых товарищей.

Новое пополнение — это совсем не то, что кадровые части. Они плохо обучены, в боях боязливы. Раньше наша дивизия считалась венской, а сейчас в этой дивизии разный сброд: поляки, венгры, чехи. Дисциплина уже не та, которая была с начала войны. У нас имеется много случаев дезертирства. Не так давно один из солдат нашего полка бежал с поля боя во второй эшелон, он осужден к трем годам тюремного заключения. Имелись также случаи, когда солдаты исчезали из части; после их находят дома у своих родных или переодевшись в глубоком тылу. Этих людей расстреливают без суда. За последнее время мы получали хорошее питание.

Как долго еще будет длиться война, нам неизвестно. Говорят, что пока не будет полностью уничтожен большевизм. Но мы прекрасно знаем, что этого невозможно достичь, ибо территория России составляет 22,5 млн кв. км. Наши газеты стали писать о втором фронте. Если Англия и Америка скоро откроют второй фронт, тогда, безусловно, Германия не в состоянии будет победить эти три мощные державы: Советский Союз, Англию и Америку.

Частые налеты на города Германии, особенно последний большой налет на Кельн, расстроили многих солдат, они повесили головы...

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 57

Примечания

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973.

² Поражение германского империализма во Второй мировой войне. Статьи и документы. М. : Воениздат, 1960

³ Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М. : Наука, 1967.

⁴ Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 39—54.

⁵ Исторический архив. 1992. № 1. С. 55—61.

⁶ Битва за столицу. Сборник документов : в 2 т. / ИВИ МО. М., 1994.

⁷ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления : в 3 т. М., 1990; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1984; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1984; *Голиков Ф.И.* В Московской битве. М., 1967; *Белов П.А.* За нами Москва. М., 1963; *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961; *Телегин К.Ф.* Не отдали Москвы! М., 1975; *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 1979, и др.

⁸ Маршал Г. Жуков: Разгром фашистов под Москвой // Советская Россия. 1997. 4 января

⁹ *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996

¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т. Т. 2. М. : Воениздат, 1961

¹¹ *Самсонов А.М.* Великая битва под Москвой (1941—1942 гг.) М., 1958; *Цыганков В.П.* Героическая Москва. М., 1960; Великая битва под Москвой. М., 1961; *Колесник А.Д.* Немеркнущая слава защитников Москвы. М., 1964; Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966 и др.

¹² Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964.

¹³ *Безыменский Л.* Германские генералы с Гитлером и без него. М. : Воениздат, 1964; «Особая папка «Барбаросса». М. : АПН «Новости», 1972; *Анфилов В.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.) Военно-исторический очерк. — М., 1962; *Прозектор Д.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939—1945. М. : Наука, 1972

¹⁴ История Второй мировой войны. 1939—1945. В 12 т. Т. 4. М. : Воениздат, 1975; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970; Вторая мировая война. Краткая история. М. : Наука, 198.

¹⁵ История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М. : Воениздат, 1975. С. 6.

¹⁶ Вторая мировая война. Краткая история. М. : Наука, 1984. С. 281.

¹⁷ Провал гитлеровского наступления на Москву. М. : Наука, 1966; *Безыменский Л. А.* Укрощение «Тайфуна». М., 1978; *Самсонов А.М.* Поражение вермахта под Москвой. М., 1981; *Марамзин В.А.* Военное искусство в битве под Москвой. М., 1974 и др.

¹⁸ *Муриев Д.З.* Провал операции «Тайфун». М. : Воениздат, 1972; Битва под Москвой. М. : Воениздат, 1989.

¹⁹ *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. М. : Московский рабочий, 1991.

²⁰ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995; *Гареев М.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. М., 1996; *Карпов Г.Д., Серцова А.П.* Москва устояла. 1941. История и судьбы людей. М., 1996.

²¹ *Хазанов Д.* Неизвестная битва в небе Москвы 1941—1942. Оборонительный период. М., 1999.

²² *Спар У., Яковлев Н.Н.* Полководец Г.К. Жуков: взлет и падение: К столетию со дня рождения. М. : Просвещение, 1996.

²³ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М. : Изд-во «Библиотека Мосгорархив», 1995.

²⁴ 50-летие победы в битве под Москвой (материалы военной научной конференции) / ИВИ МО. М., 1993; Рубежи ратной славы Отечества. / ИВИ МО. М., 1996

²⁵ Якушевский А.С. Реакция германской общественности на битву за Москву / 50-летие победы в битве под Москвой. / ИВИ МО. М., 1993. С. 138—147.

²⁶ Военно-исторический журнал. 1959. № 6; 1961. № 6; 1961. № 7; 1961. № 11; 1979. № 11; 1989. № 9; 1990. № 4; 1991. № 2; 1992. № 1 и др.

²⁷ Невзоров Б.И. Перелом в войне: проблема и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 96—103

²⁸ Зима на Восточном фронте. 55 лет назад рота Отто Каргута отступала от Москвы // Независимая газета. 1997. 28 января.

²⁹ Партнов А. Разгром советских войск под Москвой // Столица. 1991. № 5.

³⁰ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940—1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1.

³¹ Гальдер Ф. Военный дневник : пер. с нем. Т. 3. М., 1971.

³² Jacobsen H.A. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Auflage, Darmstadt, 1961.

³³ Hubatsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. München und Zürich, 1965.

³⁴ Итоги Второй мировой войны. Сборник статей : пер. с нем. М. : Иностранная литература, 1957.

³⁵ Роковые решения : пер. с англ. М. : Воениздат, 1958.

³⁶ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3 : пер. с нем. М. : Воениздат, 1976.

³⁷ Warlimont W. In Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939—1945. Frankfurt a. M., 1962.

³⁸ Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939—1945 гг. : пер. с англ. М. : Иностранная литература, 1957.

³⁹ Гот Г. Танковые операции : пер. с нем. М., 1961.

⁴⁰ Тунпельскирх К. История Второй мировой войны : пер. с нем. М., 1956.

⁴¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата : пер. с нем. М., 1954.

⁴² *Фролов М.И.* Некоторые тенденции немецкой историографии войны Германии против Советского Союза. / Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Проблемы историографии. СПб., 1996.

⁴³ Война Германии против Советского Союза 1941—1945 гг. / под ред. В. Рюрюпа : пер. с нем. М., 1992.

⁴⁴ *Cooper L.* Many Roads to Moscow. London, 1968; *Jukes G.* The Defence of Moscow. N.Y., 1970; *Seaton A.* The Battle for Moscow 1941—1942. L., 1971; *Turney A.* Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942. Albuquerque, 1970; *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau. Stuttgart, 1972; *Paul W.* Erfrorener Sieg. Die Schlacht um Moskau 1941/42. Munchen, 1976.

⁴⁵ *Jukes G.* The Defence of Moscow. N.Y., 1970. P. 77, 78, 110, 121; *Erickson J.* The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. L., 1985. Vol. 1. P. 221—222, 258.

⁴⁶ *Salisbury H.* The Unknown War. Toronto, 1978. P. 91.

⁴⁷ *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой : пер. с нем. М. : Воениздат, 1980. С. 215.

⁴⁸ *Glantz D., House J.* When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler. Kansas. 1995. P. 99—100.

⁴⁹ *Филиппи А.* Припятская проблема : пер. с нем. М., 1959; *Jacobsen O.* Erich Marcks: Soldat und Gelehrter. Gottingen, 1971.

⁵⁰ *Lucas J.* War on the Eastern Front 1941—1945. L., 1979.

⁵¹ *Taylor A.* The Second World War. L. P. 106.

⁵² *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 315.

⁵³ *The Axis and Allies / Edited by J.Erickson and D.Dilks.* Edinburgh, 1994. P. 207.

⁵⁴ «Unternehmen Barbarossa»: Der Deutsche Uberfall auf die Sowjetunion 1941. Paderborn, 1984. S. 168—171.

⁵⁵ *Freund M.* Deutsche Geshichte. Gutersloh, 1973. S. 1376, 1380; *Kriegswende: Dezember 1941.* Koblenz, 1984. S. 54.

⁵⁶ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 4.* Stuttgart, 1983.

⁵⁷ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 5/1.* Bonn, 1985.

⁵⁸ Германия во Второй мировой войне (1939—1945) / Блейер В. [и др.] : пер. с нем. М., 1971. С. 173.

⁵⁹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Vol. 1. Berlin, 1975.

⁶⁰ Вегнер В. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. / под ред. В. Михалки : пер. с нем. М., 1996. С. 523.

⁶¹ Shils E.A., Janowitz M. Cohesion and Disintegration in the Whermacht / Propaganda in War and Crisis. N.Y., 1972; Madej W.V. Effectiveness and Cohesion of the German Ground Forces in World War II // Journal of Political and Military Sociology. 1978. P. 6; Chodoff E.P. Ideology and Primary Groups // Armed Forces and Society. 1983. P. 9.

⁶² Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. N.Y., 1992.

⁶³ Fritz S. "We are trying to change the face of the world". Ideology and Motivation in the Eastern Front: The View from Below // The Journal of Military History. 1996. № 60.

⁶⁴ Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / под общ. ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 9.

⁶⁵ Clark A. Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941—1945. L. 1965. P. 101—113.

⁶⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 32.

⁶⁷ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 405—407.

⁶⁸ Россия XX век. 1941 год. Кн. 1. Документы. С. 208, 453—454.

⁶⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 8. Л. 10—22.

⁷⁰ Там же. Д. 15. Л. 91—95.

⁷¹ Там же. Л. 1—14.

⁷² Органы государственной безопасности. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 401.

⁷³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 5. Л. 8—33.

⁷⁴ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 5. Л. 38—59.

⁷⁶ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М. : Изд-во «Библиотека Мосгорархив», 1995. С. 104.

⁷⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269—270.

⁷⁸ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 1. С. 104.

⁷⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 1—5.

⁸⁰ *Diruу T.N.* A Genius for War: The German Army and General Staff, 1807—1945. N.Y., 1977. P. 260—262.

⁸¹ Филиппи А. Припятская проблема. Очерк оперативного значения Припятской области для военной кампании 1941 года : пер. с нем. М., 1959. С. 138—139.

⁸² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 42—43.

⁸³ Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. С. 163.

⁸⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 1. С. 106.

⁸⁵ Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 172, 182.

⁸⁶ Там же. С. 144.

⁸⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 3.

⁸⁸ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 24—27.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Гот Г. Танковые сражения. М., 1961. С. 116.

⁹¹ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 198.

⁹² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 10.

⁹³ Анфилов В.А. Указ. соч. С. 182—183.

⁹⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 43—47.

⁹⁵ Там же. Л. 30—33.

⁹⁶ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 208.

⁹⁷ Там же. С. 210.

⁹⁸ Там же. С. 199.

⁹⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 76.

¹⁰⁰ Там же. Д. 72. Л. 72—75.

¹⁰¹ Там же. Л. 83—87.

¹⁰² Там же. Д. 572. Л. 12—13.

¹⁰³ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 212.

- ¹⁰⁴ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 50.
- ¹⁰⁵ *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год. С. 44.
- ¹⁰⁶ *Жуков Г.К.* Указ. соч.
- ¹⁰⁷ *Филиппи А.* Указ. соч. С. 46, 47.
- ¹⁰⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 12—13.
- ¹⁰⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 79.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 78.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 84—85.
- ¹¹² *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 213.
- ¹¹³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1—14.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 12454. Д. 115. ЛЛ. 84—85.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 55—56.
- ¹¹⁶ *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 214—215.
- ¹¹⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 152—153.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 158.
- ¹¹⁹ *Glantz D., House J.* When Titans Clashed: How The Red Army Stopped Hitler. Kansas, 1995. P. 74.
- ¹²⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 192.
- ¹²¹ *Филиппи А.* Указ. соч. С. 140—143.
- ¹²² Там же. Д. 572. Л. 12—13.
- ¹²³ *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 201.
- ¹²⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 14.
- ¹²⁵ *Тунпельскирх К.* Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны / Итоги Второй мировой войны. Сборник статей : пер. с нем. М. : Иностран. лит., 1957. С. 76.
- ¹²⁶ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 54.
- ¹²⁷ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 294—300.
- ¹²⁸ Цит. по: *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 234—235.
- ¹²⁹ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 116.
- ¹³⁰ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 356—357.
- ¹³¹ *Мухин Ю.* Ученик // Дуэль. 1997. №4.
- ¹³² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 122—125.
- ¹³³ Там же. Л. 130—131.
- ¹³⁴ Там же. Д. 231. Л. 32—41.
- ¹³⁵ Там же.

¹³⁶ *Clark A.* Op cit. P. 111—112.

¹³⁷ «Группировка Тимошенко» — имелись в виду войска, подчиненные Главному командованию войск Западного направления (образовано 10 июля 1941 г.), которое возглавлял маршал С. Тимошенко. В него входили Западный фронт, Резервный фронт (образован 30.07.41.) и Центральный фронт. Упразднено 10.09.41.

¹³⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 122.

¹³⁹ Военно-исторический журнал. 1961. №11. С. 73.

¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 12462. Д. 72. Л. 139.

¹⁴¹ Там же. Д. 554. Л. 41.

¹⁴² Там же. Д. 7. Л. 38—41.

¹⁴³ Там же. Д. 554. Л. 46—51.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 12454. Д. 115 Л. 92—94.

¹⁴⁵ Там же. Оп. 12462. Д. 554. Л. 24—25.

¹⁴⁶ Там же. Д. 571. Л. 1—3.

¹⁴⁷ Там же. Л. 34—35.

¹⁴⁸ Там же. Д. 548. Л. 96—99.

¹⁴⁹ Там же. Д. 231. Л. 41—63.

¹⁵⁰ Там же. Д. 114. Л. 34.

¹⁵¹ Там же. Д. 554. Л. 21—23.

¹⁵² *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 65.

¹⁵³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 449. Л. 285—290.

¹⁵⁴ Там же. Д. 548. Л. 96—99.

¹⁵⁵ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. От обороны к контрнаступлению. С. 11.

¹⁵⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 22.

¹⁵⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 23—26.

¹⁵⁸ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 17.

¹⁵⁹ *Муриев Д.З.* Указ. соч. С. 19.

¹⁶⁰ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 1. С. 165.

¹⁶¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 13—14.

¹⁶² *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 72.

¹⁶³ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 27.

¹⁶⁴ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 1. С. 165—166.

- ¹⁶⁵ Там же. С. 166.
- ¹⁶⁶ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 31.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 104.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 15—16.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 16—17.
- ¹⁷⁰ Великая Отечественная война. 1941—1945. Краткий исторический справочник / под ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 54—55.
- ¹⁷¹ *Блюментрит Г.* Московская битва / Роковые решения : пер. с англ. М. : Воениздат, 1958. С. 90.
- ¹⁷² Гриф секретности снят. С. 166.
- ¹⁷³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 133. Л. 200—302.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 548. Л. 96, 112.
- ¹⁷⁵ Там же. Д. 114. Л. 32.
- ¹⁷⁶ Там же. Д. 554. Л. 34.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 1—3.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 4—5, 21—23.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 548. Л. 16.
- ¹⁸⁰ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 119.
- ¹⁸¹ *Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры Третьего рейха : пер. с англ. / под ред. Г.Ю. Пернавского. Смоленск : Русич, 1995. С. 64—73.
- ¹⁸² *Clark A.* Op cit. P. 100.
- ¹⁸³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. ЛЛ. 5—8.
- ¹⁸⁴ С 11 сентября 1941 г. С.К. Тимошенко назначен Главкомом Юго-Западного направления; командующим Западным фронтом стал генерал-полковник И.С. Конев.
- ¹⁸⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111—112.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Liddell Hart Centre for Military Archives (Далее: LH). 9/24/107.
- ¹⁸⁹ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁹⁰ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 168—169.
- ¹⁹¹ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 37.

¹⁹² Цит. по: *Невзоров Б.И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве / 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции / ИВИ МО. М., 1993. С. 24.

¹⁹³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 200.

¹⁹⁴ Там же. Оп. 12462. Д. 548. Л. 150—151 223.

¹⁹⁵ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.

¹⁹⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. ЛЛ. 159—167 ; *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁷ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 46—54.

¹⁹⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 204.

¹⁹⁹ Там же. Оп. 12462. Д. 450. Л. 285—290.

²⁰⁰ Там же. Д. 320. Л. 53—62.

²⁰¹ Там же. Л. 53—62.

²⁰² Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 1—5.

²⁰³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 46—54.

²⁰⁴ Цит. по: *Невзоров Б.И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 25.

²⁰⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 175—181.

²⁰⁶ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 46—54.

²⁰⁷ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.

²⁰⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 188.

²⁰⁹ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 212.

²¹⁰ Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 15—19.

²¹¹ Там же. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 237. Л. 4.

²¹² Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

²¹³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 39—40.

²¹⁴ Там же. С. 39.

²¹⁵ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

²¹⁶ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 71.

²¹⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53—62.

²¹⁸ Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 114. Л. 1.

²¹⁹ Цит. по: *Невзоров Б.И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26

- ²²⁰ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 173.
- ²²¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53—62.
- ²²² Там же. Л. 53—62.
- ²²³ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.
- ²²⁴ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.
- ²²⁵ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.
- ²²⁶ См. Там же. С. 175.
- ²²⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 377. Л. 121—137.
- ²²⁸ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.
- ²²⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250—251; 280—281.
- ²³⁰ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.
- ²³¹ См. Там же. С. 181.
- ²³² *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 55—56.
- ²³³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 203—204.
- ²³⁴ Там же. Д. 114. Л. 66.
- ²³⁵ Там же. Л. 67.
- ²³⁶ Там же. Л. 72.
- ²³⁷ Там же. Л. 66.
- ²³⁸ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 43.
- ²³⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 210—211.
- ²⁴⁰ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 43—44.
- ²⁴¹ Там же. С. 46—54.
- ²⁴² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 158.
- ²⁴³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 46—54.
- ²⁴⁴ ЦАМО РФ Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 41.
- ²⁴⁵ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 56—57.
- ²⁴⁶ Там же. С. 42.
- ²⁴⁷ Там же. С. 57.
- ²⁴⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 96.
- ²⁴⁹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 58.
- ²⁵⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 62.

- ²⁵¹ Там же. Д. 377. Л. 138.
- ²⁵² Там же. Д. 548. Л. 250—251; 271—272.
- ²⁵³ Там же. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 102. Л. 145—146.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 280—281.
- ²⁵⁵ Там же. Л. 306—318.
- ²⁵⁶ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 55.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 230.
- ²⁵⁹ Там же. Оп. 12462. Д. 548. Л. 288—289.
- ²⁶⁰ Там же. Д. 572. Л. 47.
- ²⁶¹ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 41.
- ²⁶² Там же. Л. 239.
- ²⁶³ *Рейнгардт К.* Указ. соч.
- ²⁶⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 239.
- ²⁶⁵ Там же. Оп. 12462. Д. 168. Л. 9.
- ²⁶⁶ Вторая мировая война. Военное искусство. Материалы научной конференции. Кн. 2. М., 1966. С. 332.
- ²⁶⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306—318.
- ²⁶⁸ ЛН. 9/24/116.
- ²⁶⁹ *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год. С. 131.
- ²⁷⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306—318.
- ²⁷¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 104—105.
- ²⁷² *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 90—91.
- ²⁷³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 7—10.
- ²⁷⁴ Там же. Л. 10—13.
- ²⁷⁵ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 156—157, 166.
- ²⁷⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 52.
- ²⁷⁷ Там же. Д. 118. Л. 51.
- ²⁷⁸ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 187.
- ²⁷⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁸⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 14—17, 23.
- ²⁸¹ Там же. Д. 525. Л. 155.
- ²⁸² Там же. Л. 153.
- ²⁸³ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 189.
- ²⁸⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 77.

- ²⁸⁵ Там же. Л. 92—94.
- ²⁸⁶ Там же. Д. 118. Л. 106—108.
- ²⁸⁷ Там же. Д. 525. Л. 153.
- ²⁸⁸ *Clark A.* Op cit. P. 172.
- ²⁸⁹ *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 96—99.
- ²⁹⁰ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 187.
- ²⁹¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 116.
- ²⁹² Там же. С. 116—118.
- ²⁹³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 26—32.
- ²⁹⁴ Битва за столицу. Т. 1. С. 120—121.
- ²⁹⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 54.
- ²⁹⁶ Там же. Д. 114. Л. 107.
- ²⁹⁷ Там же. Д. 380. Л. 32—34.
- ²⁹⁸ Там же. Л. 46—49.
- ²⁹⁹ См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 188.
- ³⁰⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 185.
- ³⁰¹ Там же. С. 188.
- ³⁰² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 57—58.
- ³⁰³ Там же. Л. 60.
- ³⁰⁴ *Сафир В.М.* Оборона Москвы. Нарофоминский прорыв // Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997. С. 77—96.
- ³⁰⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 6—18.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ Там же. Д. 539. Л. 2—3.
- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ Там же. Л. 50—58.
- ³¹⁰ Там же. Л. 62—64.
- ³¹¹ Там же. Д. 118. Л. 61.
- ³¹² Там же.
- ³¹³ Там же. Д. 119. Л. 96—97.
- ³¹⁴ Там же. Д. 380. Л. 65.
- ³¹⁵ Там же. Д. 539. Л. 71—72.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 175.

- ³¹⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 539. Л. 79—80.
- ³¹⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 202.
- ³²⁰ Там же. С. 194—199.
- ³²¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 175.
- ³²² *Самсонов А.* Москва, 1941 год. С. 168.
- ³²³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 62—65.
- ³²⁴ Там же.
- ³²⁵ Там же. Л. 66—67.
- ³²⁶ Там же. Д. 119. Л. 97—98.
- ³²⁷ Там же. Д. 118. Л. 120.
- ³²⁸ Там же. Л. 68.
- ³²⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 249.
- ³³⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 98—99, 103—104.
- ³³¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 176.
- ³³² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 72.
- ³³³ Там же.
- ³³⁴ Там же. Д. 572. Л. 75.
- ³³⁵ Там же. Д. 539. Л. 96—97.
- ³³⁶ См. *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества / ИВИ МО. М., 1996. С. 23.
- ³³⁷ Там же.
- ³³⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 50—54.
- ³³⁹ Там же.
- ³⁴⁰ Там же. Д. 156. Л. 106, 128—129.
- ³⁴¹ Там же. Д. 525. Л. 146.
- ³⁴² Там же. Л. 143.
- ³⁴³ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. С. 201.
- ³⁴⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Л. 121—122.
- ³⁴⁵ См. *Ануфриев А.* Первая катастрофа // Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 47.
- ³⁴⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 141.
- ³⁴⁷ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 179.
- ³⁴⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 99—102.
- ³⁴⁹ Там же. Л. 106—111.
- ³⁵⁰ Там же. Д. 380. Л. 82.

- ³⁵¹ Там же. Д. 525. Л. 136.
- ³⁵² См. *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел. С. 25.
- ³⁵³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 82.
- ³⁵⁴ См. *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел. С. 25.
- ³⁵⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 71.
- ³⁵⁶ Там же. Л. 128.
- ³⁵⁷ Там же. Д. 525. Л. 140.
- ³⁵⁸ Там же. Л. 136.
- ³⁵⁹ Там же. Д. 156. Л. 215, 220, 224—226, 228, 229.
- ³⁶⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 260—261.
- ³⁶¹ См. *Ануфриев А.* Первая катастрофа // Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 49.
- ³⁶² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 55—57.
- ³⁶³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 180—181.
- ³⁶⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 130—133.
- ³⁶⁵ Там же. Д. 578. Л. 22, 25.
- ³⁶⁶ Там же. Л. 38.
- ³⁶⁷ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 184—185.
- ³⁶⁸ Энциклопедия Третьего рейха / сост. С. Воропаев. М., 1996. С. 259.
- ³⁶⁹ ЛН. 9/24/110.
- ³⁷⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 283.
- ³⁷¹ Там же. Л. 334—335.
- ³⁷² Там же. Д. 525. Л. 123.
- ³⁷³ Там же. Д. 156. Л. 336.
- ³⁷⁴ Там же. Д. 525. Л. 111.
- ³⁷⁵ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 275.
- ³⁷⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 112.
- ³⁷⁷ Цит. по: Битва за столицу. Т. 1. С. 172.
- ³⁷⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 472.
- ³⁷⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 279.
- ³⁸⁰ См. *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел. С. 29
- ³⁸¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 470.
- ³⁸² Там же. Д. 525. Л. 106.
- ³⁸³ Там же. Д. 156. Л. 515, 519.
- ³⁸⁴ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 283.

- ³⁸⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75—79.
- ³⁸⁶ Там же.
- ³⁸⁷ Там же. Л. 70—71.
- ³⁸⁸ Там же.
- ³⁸⁹ Там же. Л. 71.
- ³⁹⁰ Там же. Л. 60—61.
- ³⁹¹ Там же. Л. 56—58.
- ³⁹² Там же. Д. 574. Л. 90.
- ³⁹³ Там же. Д. 525. Л. 101.
- ³⁹⁴ Там же. Л. 88.
- ³⁹⁵ Там же. Д. 574. Л. 83.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 80.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 76.
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Там же. Л. 74—75.
- ⁴⁰⁰ *Гроссман Х.* Ржев — краеугольный камень Восточного фронта : пер. с нем. Ржев, 1996. С. 35—36.
- ⁴⁰¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 102.
- ⁴⁰² Там же. Л. 99—100.
- ⁴⁰³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 57.
- ⁴⁰⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 96—98.
- ⁴⁰⁵ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 57—58.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 58—59.
- ⁴⁰⁷ Там же.
- ⁴⁰⁸ ЦАМО, Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 72—73.
- ⁴⁰⁹ Там же. Л. 69.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 66—68.
- ⁴¹¹ Там же. Л. 65.
- ⁴¹² Там же. Л. 64.
- ⁴¹³ Там же. Л. 62—63.
- ⁴¹⁴ Там же. Л. 56.
- ⁴¹⁵ Там же. Л. 59.
- ⁴¹⁶ Там же. Д. 578. Л. 100—101.
- ⁴¹⁷ Там же. Д. 574. Л. 54—55.
- ⁴¹⁸ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 302—303.
- ⁴¹⁹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 67.

- ⁴²⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 88.
- ⁴²¹ Там же. Д. 139. Л. 67.
- ⁴²² Битва под Москвой. М., 1989. С. 249.
- ⁴²³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171—178.
- ⁴²⁴ Там же. Л. 52—228.
- ⁴²⁵ Там же. Д. 139. Л. 52—54.
- ⁴²⁶ Там же. Л. 60—61.
- ⁴²⁷ Там же. Л. 57—68.
- ⁴²⁸ Там же. Л. 67.
- ⁴²⁹ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 55—56.
- ⁴³⁰ См. Капусто Ю. Б.. Последними дорогами генерала Ефремова. М., 1992.
- ⁴³¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 72.
- ⁴³² Там же. Д. 556. Л. 171—178.
- ⁴³³ Там же.
- ⁴³⁴ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 110.
- ⁴³⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171—178.
- ⁴³⁶ Там же. Д. 139. Л. 42—52.
- ⁴³⁷ Там же. Л. 89.
- ⁴³⁸ Там же. Л. 224—225.
- ⁴³⁹ Там же. Л. 42—52.
- ⁴⁴⁰ Там же. Л. 145.
- ⁴⁴¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 111—113.
- ⁴⁴² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 249—303.
- ⁴⁴³ Там же.
- ⁴⁴⁴ Там же. Л. 371—372.
- ⁴⁴⁵ Там же.
- ⁴⁴⁶ *Glantz D.* The History of Soviet Airborne Forces. L. : Frank Cass., 1994. P. 229.
- ⁴⁴⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 392—395.
- ⁴⁴⁸ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 231.
- ⁴⁴⁹ Там же.
- ⁴⁵⁰ ГА «Центр» в результате операции «Зейдлиц» (2—31 июля 1942 г.) перерезала все коммуникации 39-й армии и по существу разгромила ее. По донесению отдела разведки и контрразвед-

ки ГА «Центр» от 31 июля 1942 г. на поле боя осталось около 10 тыс. убитых советских солдат; 49.225 чел. было взято в плен; захвачено 1.528 орудий и минометов; 226 танков и др. вооружение (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 227. Л. 19.). Генерал-лейтенант И.И. Масленников, раненый в ногу, был вывезен из окружения на самолете в середине июля 1942 г.

⁴⁵¹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 115—116.

⁴⁵² Там же. С. 112.

⁴⁵³ Там же. С. 117—118.

⁴⁵⁴ Там же. С. 112.

⁴⁵⁵ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 230—231.

⁴⁵⁶ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 118.

⁴⁵⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 52—53.

⁴⁵⁸ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 239.

⁴⁵⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 46—47.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 41—42.

⁴⁶¹ Там же. Л. 31—32.

⁴⁶² Там же. Л. 23—24.

⁴⁶³ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 171—172.

⁴⁶⁴ Там же. С. 173.

⁴⁶⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 556, 562, 574—575, 583, 588, 593—594.

⁴⁶⁶ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 153.

⁴⁶⁷ Там же. С. 155—158.

⁴⁶⁸ Там же. С. 162—164.

⁴⁶⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 36—40.

⁴⁷⁰ *Пережогин В.А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 232—236.

⁴⁷¹ Там же. С. 226.

⁴⁷² Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 169—170.

⁴⁷³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 8. Л. 59—67.

⁴⁷⁴ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 173.

⁴⁷⁵ *Вегнер Б.* Указ. соч. С. 513—523.

⁴⁷⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 190.

- ⁴⁷⁷ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
- ⁴⁷⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53—62.
- ⁴⁷⁹ *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии : пер. с нем. Т. 3. М. : Воениздат, 1976. С. 271.
- ⁴⁸⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 135. Л. 137.
- ⁴⁸¹ Там же. Л. 152.
- ⁴⁸² Там же. Д. 525. Л. 76.
- ⁴⁸³ Там же. Д. 135. Л. 224.
- ⁴⁸⁴ Там же. Л. 201.
- ⁴⁸⁵ Там же. Л. 141.
- ⁴⁸⁶ Там же. Л. 141—142.
- ⁴⁸⁷ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 174.
- ⁴⁸⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 529—530.
- ⁴⁸⁹ Цит. по: Битва за столицу. Т. 2. С. 160.
- ⁴⁹⁰ *Фридман Я.* Состояние немецко-фашистской армии после поражения под Москвой. / Вторая мировая война: Военное искусство. (Материалы конференции). Кн. 2. М. : Наука, 1966. С. 169.
- ⁴⁹¹ *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Указ. соч. С. 30.
- ⁴⁹² ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 983. Л. 1—16.
- ⁴⁹³ Там же.
- ⁴⁹⁴ Там же. Л. 5—8.
- ⁴⁹⁵ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 7—9.
- ⁴⁹⁶ *Вегнер Б.* Указ. соч. С. 515.
- ⁴⁹⁷ Там же.
- ⁴⁹⁸ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. С. 176.
- ⁴⁹⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 336. Л. 58.
- ⁵⁰⁰ *Вегнер Б.* Указ. соч. С. 519.
- ⁵⁰¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 336. Л. 59.
- ⁵⁰² Гриф секретности снят. С. 146.
- ⁵⁰³ *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 58—63.
- ⁵⁰⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 14—15.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л. 91—95.
- ⁵⁰⁶ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 219.

⁵⁰⁷ Цит. по: *Невзоров Б.* Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.

⁵⁰⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 39. Л. 52—56.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 57—60.

⁵¹⁰ *Warum Krieg mit Stalin?* Berlin : Nibelungen-Verlag, 1941.

⁵¹¹ *Штрайт К.* Советские военнопленные — массовые депортации, принудительные рабочие / Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований : пер. с нем / под ред. В. Михалки. М. : Весь мир, 1996. С. 592.

⁵¹² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 25—27.

⁵¹³ *Мессершмидт М.* Вермахт, восточная кампания и традиция / Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 251.

⁵¹⁴ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 117—119.

⁵¹⁵ *Ферстер Ю.* Историческое место операции «Барбаросса» / Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 498.

⁵¹⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 53.

⁵¹⁷ Там же. Д. 114. Л. 33.

⁵¹⁸ Там же. Д. 231. Л. 32—41.

⁵¹⁹ Цит. по: *Якушевский А.С.* Реакция германской общественности на битву за Москву (по материалам секретных донесений гитлеровских спецслужб) / 50-летие победы в битве под Москвой (материалы военной научной конференции). ИВИ МО. М., 1993. С. 140—141.

⁵²⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53—62.

⁵²¹ Там же. Д. 119. Л. 77.

⁵²² Там же. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 17.

⁵²³ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 55.

⁵²⁴ Там же. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 118.

⁵²⁵ *Бурцев М.И.* Прозрение. М. : Воениздат, 1981. С. 59.

⁵²⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 6—18.

⁵²⁷ Там же. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 32.

⁵²⁸ *Бурцев М.И.* Указ. соч. С. 74.

⁵²⁹ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 44.

⁵³⁰ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 38.

- ⁵³¹ Там же. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 121—122.
- ⁵³² Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 66—68.
- ⁵³³ Цит. по: Якушевский А.С. Реакция германской общественности на битву за Москву (по материалам секретных донесений гитлеровских спецслужб) / 50-летие победы в битве под Москвой. С. 146.
- ⁵³⁴ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 32.
- ⁵³⁵ Там же. Л. 32.
- ⁵³⁶ Там же.
- ⁵³⁷ Там же. Л. 34.
- ⁵³⁸ Там же.
- ⁵³⁹ Там же. Л. 33.
- ⁵⁴⁰ Там же. Л. 32.
- ⁵⁴¹ Там же. Л. 150—151.
- ⁵⁴² *Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. L. : Oxford University Press, 1992. P. 24.*
- ⁵⁴³ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 906.*
- ⁵⁴⁴ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 365. Л. 82—83.
- ⁵⁴⁵ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 636.*
- ⁵⁴⁶ *Bartov O. Op. cit. P. 24.*
- ⁵⁴⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 135. Л. 141—142.
- ⁵⁴⁸ Там же. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 10.
- ⁵⁴⁹ Там же. Л. 57.
- ⁵⁵⁰ Там же. Л. 118.
- ⁵⁵¹ *Бурцев М.И. Указ. соч. С. 84.*
- ⁵⁵² ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 71.
- ⁵⁵³ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 109.
- ⁵⁵⁴ *Bartov O. Op. cit. P. 25.*
- ⁵⁵⁵ *Ibid. P. 26.*
- ⁵⁵⁶ Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 63—65.
- ⁵⁵⁷ Там же. Л. 57.
- ⁵⁵⁸ Там же. Л. 118.
- ⁵⁵⁹ *Самсонов А., Ржешевский О. О коренном переломе во Второй мировой войне // Вопросы истории. 1987. №4. С. 77.*
- ⁵⁶⁰ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd 4. P. 648—649.*

- ⁵⁶¹ *Bartov O.* Op. cit. P. 16.
- ⁵⁶² *Ibid.*
- ⁵⁶³ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 31.
- ⁵⁶⁴ *Bartov O.* Op. cit. P. 23—24.
- ⁵⁶⁵ Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 39.
- ⁵⁶⁶ Там же. Л. 43.
- ⁵⁶⁷ Там же. Л. 38.
- ⁵⁶⁸ Там же. Д. 365 Л. 22.
- ⁵⁶⁹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 449. Л. 60—61.
- ⁵⁷⁰ Там же. Д. 14. Л. 19.
- ⁵⁷¹ *Bartov O.* Op. cit. P. 24.
- ⁵⁷² *Функе М.* Гитлер и вермахт: Общий эскиз взаимоотношений / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 244.
- ⁵⁷³ Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 57—58.
- ⁵⁷⁴ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 365. Л. 22.
- ⁵⁷⁵ *Самсонов А., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 78.
- ⁵⁷⁶ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349 Л. 121—122.
- ⁵⁷⁷ Там же. Л. 57—58.
- ⁵⁷⁸ Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника 1941—1945 гг. / сост. Берников Н. Н. М. : Воениздат., 1971. С. 370—371.
- ⁵⁷⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 67—68.
- ⁵⁸⁰ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 123.
- ⁵⁸¹ Там же. Л. 19.
- ⁵⁸² *Bartov O.* Op. cit. P. 6, 27—28.
- ⁵⁸³ ЦАМО РФ Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 167—169.
- ⁵⁸⁴ *Самсонов А., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 70—81; *Невзоров Б.* Перелом в войне: проблема и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 96—103.

Источники и литература

Архивы

I. Документы Центрального архива Министерства обороны

РФ:

№ фонда	№ описи	№ дела
500	12454	115
500	12454	227
500	12454	336
500	12462	5
500	12462	7
500	12462	8
500	12462	14
500	12462	15
500	12462	72
500	12462	114
500	12462	118
500	12462	119
500	12462	133
500	12462	134
500	12462	135
500	12462	139
500	12462	156
500	12462	168
500	12462	231
500	12462	320
500	12462	377
500	12462	380
500	12462	449
500	12462	450
500	12462	525

500	12462	539
500	12462	548
500	12462	554
500	12462	556
500	12462	571
500	12462	572
500	12462	574
500	12462	578
500	12482	109
500	12482	114
6598	724438	349
6598	724438	365
28	11627	102
28	11627	237
28	11627	983
354	5806	12

II. Документы Архива Лидделл Гарта при Королевском колледже в Лондоне: Фонд 9. Опись 24. Дела: 116, 107, 110, 118

Документальные публикации

1. Битва за столицу. Сборник документов : в 2 т. / ИВИ МО. — М., 1994.

2. Война Германии против Советского Союза 1941—1945 гг. / под. ред В. Рюрюпа : пер. с нем. М., 1992.

3. *Гальдер Ф.* Военный дневник : пер. с нем. — Т. 3. — М., 1971.

4. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / под ред. Г. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993.

5. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. — М., 1973.

6. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 : пер. с нем. — Т. 3. М.: Воениздат, 1976.

7. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. — Т. 1. — Кн. 1. — М., 1995.

8. Поражение германского империализма во Второй мировой войне. Статьи и документы. — М. : Воениздат, 1960.

9. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М. : Наука, 1967.

10. *Hubatsch W.* Hitlers Weisungen fur die Kriegsfuhrung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. — Munchen und Zurich, 1965.

11. *Jacobsen H.A.* 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. — Auflage, Darmstadt, 1961.

12. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfuhrungsstab) 1940—1945. — Frankfurt a. M., 1965. — Bd. 1.

13. Warum Krieg mit Stalin? — Berlin: Nibelungen—Verlag, 1941.

14. True to type. A selection from letters and diares of german soldiers and civilians collected on the soviet-german front. Hutchinson and CO. — Publ. Ltd. — L., N.Y., Melbourne, Sidney, 1945.

Мемуары

1. *Белов П.А.* За нами Москва. — М., 1963.

2. *Белобородов А.П.* Всегда в бою. — М., 1979.

3. *Болдин И.В.* Страницы жизни. — М., 1961.

4. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. — М., 1984.

5. *Голиков Ф.И.* В Московской битве. — М., 1967.

6. *Гот Г.* Танковые операции : пер. с нем. — М., 1961.

7. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата : пер. с нем. — М., 1954.

8. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления : в 3 т. — М., 1990.

9. *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. : пер. с англ. — М. : Иностранная литература, 1957.

10. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М., 1984.

11. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.

12. *Телегин К.Ф.* Не отдали Москвы! — М., 1975.

13. *Туппельскирх К.* История Второй мировой войны : пер. с нем. — М., 1956.

14. Warlimont W. In Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939—1945. — Frankfurt a. M., 1962.

Периодическая печать

1. Военно-исторический журнал. 1959. №6; 1961. №6; 1961. №7; 1961. №11; 1979. №11; 1989. №9; 1989. №1; 1990. №4; 1991. №2; 1992. №1.
2. Военно-исторический архив. 1997. №1.
3. Геополитика и безопасность. 1995. №3.
4. Дуэль. 1998. №4 (51)
5. Исторический архив. 1992. №1.
6. Красная Звезда. 1996. 5 декабря.
7. Независимая газета. 1997. 28 января.
8. Советская Россия, 1997. 4 января.
9. Столица. 1991. №5.
10. The Journal of Military History. (USA). 1996. № 60 (October).

Литература

1. *Анфилов В.* Начало Великой отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.) Военно-исторический очерк. — М., 1962.
2. *Безыменский Л.* Германские генералы с Гитлером и без него». — М. : Воениздат, 1964.
3. *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». — М. : АПН «Новости», 1972.
4. *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». — М., 1978.
5. *Бурцев М.И.* Прозрение. — М. : Воениздат, 1981.
6. Битва под Москвой. — М. : Воениздат, 1989.
7. Вторая мировая война. Краткая история. — М. : Наука, 1984.
8. Германия во Второй мировой войне (1939—1945) / Блейер В. [и др.] : пер. с нем. — М., 1971. — С.173.
9. Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / под общ. редакцией О. Ржешевского. — М., 1990.

10. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. — Кн. 1. Суровые испытания. — М. : Изд-во «Библиотека Мосгорархив», 1995.
11. Великая Отечественная война Советского Союза. — Краткая история. — М., 1970.
12. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Проблемы историографии. — СПб., 1996.
13. Вторая мировая война. Военное искусство. Материалы научной конференции. — Кн. 2. — М. : Наука, 1966. — С. 332.
14. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. / под ред. В. Михалки : пер. с нем. — М. : Весь мир, 1996.
15. Вторая мировая война. Краткая история. — М. : Наука, 1984.
16. *Гареев М.* Неоднозначные страницы войны. — М., 1995.
17. *Гареев М.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. — М., 1996.
18. *Гроссман Х.* Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. — Ржев, 1996
19. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 : в 6 т. — Т. 2. — М. : Воениздат, 1961.
20. История Второй мировой войны. 1939—1945 : в 12 т. — Т. 4. — М. : Воениздат, 1975.
21. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей : пер. с нем. — М. : Иностранная литература, 1957.
22. *Карпов Г.Д., Серцова А.П.* Москва устояла. 1941. История и судьбы людей. — М., 1996
23. *Кокошин А.А.* Армия и политика. — М., 1995.
24. *Марамзин В.А.* Военное искусство в битве под Москвой. — М., 1974.
25. *Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры «Третьего рейха» : пер. с англ. / под ред. Г.Ю. Пернавского. — Смоленск : Русич, 1995.
26. *Муриев Д.З.* Провал операции «Тайфун». — М. : Воениздат, 1972.

27. *Окороков В.* 100 дней маршала Победы под Москвой (документальный очерк). — Тверь, 1991
28. Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника 1941—1945 гг. / сост. Н.Н. Берников. — М. : Воениздат, 1971.
29. *Прозектор Д.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939—1945. — М. : Наука, 1972.
30. Провал гитлеровского наступления на Москву. — М. : Наука, 1966.
31. 50-летие победы в битве под Москвой (материалы военной научной конференции) / ИВИ МО. — М., 1993.
32. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — М., 1964.
33. *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. : пер. с нем. — М. : Воениздат, 1980. — С. 215.
34. Роковые решения : пер. с англ. — М. : Воениздат, 1958.
35. Рубежи ратной славы Отечества / ИВИ МО. — М., 1996.
36. *Самсонов А.М.* Великая битва под Москвой (1941—1942 гг.) — М., 1958.
37. *Самсонов А.М.* Поражение вермахта под Москвой. — М., 1981.
38. *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. — М. : Московский рабочий, 1991.
39. *Спар У., Яковлев Н.Н.* Полководец Г.К. Жуков: взлет и падение: К столетию со дня рождения. — М. : Просвещение, 1996.
40. *Филиппи А.* Припятская проблема : пер. с нем. — М., 1959.
41. *Хазанов Д.* Неизвестная битва в небе Москвы 1941—1942 гг. Оборонительный период. — М., 1999
42. *Цыганков В.П.* Героическая Москва. — М., 1960.
43. *Якушевский А.С.* Реакция германской общественности на битву за Москву / 50-летие победы в битве под Москвой / ИВИ МО. — М., 1993. — С. 138—147.

44. *The Axis and Allies* / edited by J. Erickson and D. Dilks. — Edinburgh, 1994. — P. 207.
45. *Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich.* — N.Y., 1992.
46. *Clark A. Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941—1945.* — L., 1965.
47. *Cooper L. Many Roads to Moscow.* — L., 1968.
48. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* — Bd. 4. — Stuttgart, 1983.
49. *Das Deutsche Reich un der Zweite Weltkrieg.* Bd. 5/1. — Bonn, 1985.
50. *Deutschland im Zweiten Weltkrieg.* — Vol. 1. — Berlin, 1975.
51. *Erickson J. The Road to Staningrad: Stalin's War with Germany.* — London, 1985.
52. *Freund M. Deutsche Geshichte.* — Gutersloh, 1973.
53. *Glantz D., House J. When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler.* — Kansas, 1995.
54. *Glantz D. The History of Soviet Airborne Forces.* — L. : Frank Cass., 1994.
55. *Jacobsen O. Erich Marcks: Soldat und Gelehrter.* — Gottingen, 1971.
56. *Jukes G. The Defence of Moscow.* — N.Y., 1970.
57. *Lucas J. War on the Eastern Front 1941—1945.* — L., 1979.
58. *Paul W. Erfrorener Sieg. Die Schlacht um Moskau 1941/42.* — Munchen, 1976.
59. *Propaganda in War and Crisis* / ed. by Lerner D. — N.Y. : Arno Press, 1972.
60. *Salisbury H. The Unknown War.* — Toronto, 1978.
61. *Seaton A. The Battle for Moscow 1941—1942.* — L., 1971.
62. *Taylor A. The Second World War.* — L., 1973.
63. *Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942.* — Albuquerque, 1970.
64. «Unternehm en Barbarossa»: Der Deutsche Uberfall auf die Sowjetunion 1941. — Paderborn, 1984.

Список сокращений

- А — армия
- АК — армейский корпус
- д. — деревня
- ГА — группа армий
- гв. — гвардейский
- ГлавПУ РККА — Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии
- вдбр — воздушно-десантная бригада
- вдк — воздушно-десантный корпус
- кд. — кавалерийская дивизия
- кк — кавалерийский корпус
- мд — моторизованная дивизия
- МК — моторизованный корпус
- мсбр — мотострелковая бригада
- н.п. — населенный пункт
- ОКВ — верховное командование вооруженных сил Германии
- ОКХ — главное командование сухопутных войск Германии
- пд — пехотная дивизия
- р. — река
- сд — стрелковая дивизия
- ТА — танковая армия
- тбр — танковая бригада
- ТГр. — танковая группа
- тд — танковая дивизия
- Уд. А. — ударная армия